

М. БРАГИН

ПОЛКОВОДЕЦ КУТУЗОВ

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1942

МИХАИЛ БРАГИН

ПОЛКОВОДЕЦ
КУТУЗОВ

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1942

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов родился 5 (16) сентября 1745 года в Петербурге. Отец его — Илларион Матвеевич — начал службу еще при Петре I, тридцать лет прослужил в инженерном корпусе и, выйдя в отставку в чине генерал-поручика, продолжал работать в гражданском ведомстве. По его проектам строили в Петербурге каналы, возводили крупнейшие сооружения. К концу своей жизни Илларион Матвеевич стал сенатором. Ему поручали заключения по важным государственным делам, к нему шли люди с личными жалобами, за советом. Он был образованнейшим человеком своего времени, и за большой ум и знания народ прозвал Иллариона Матвеевича Кутузова «разумной книгой». Свою любовь к труду и наукам старый инженер-генерал прививал сыну. Когда Михаил подрос, отец отдал его в инженерный шляхетский корпус — так называлось тогда военное инженерное училище, слившееся вскоре с артиллерийским.

Учился будущий полководец исключительно успешно. Он хорошо освоил инженерное дело и артиллерию, любил историю и литературу, изучил языки — французский, немецкий, латынь, а впоследствии еще и шведский, английский, турецкий и польский. Но особенно пристрастился Кутузов к математике. Он рос здоровым, красивым мальчиком, веселым, хотя и несколько флегматичным, умел подмечать характерные черты своих сверстников и комически, незлобиво им подражать. Товарищи любили Кутузова за веселый нрав, а преподаватели ценили за способности и прилежание.

В 1761 году Кутузов окончил инженерный корпус и был назначен адъютантом к принцу Голштейнбекскому. Кутузов мог стать придворным, однако Михаил Илларионович избрал

другой путь: он пошел в строй и был назначен командиром роты в Астраханский полк, которым командовал Суворов.

Необычные, невиданные для того времени картины боевой учебы и войскового быта увидел Кутузов в Астраханском полку. Солдат не били, не издевались над ними. Они были одеты, обуты, накормлены. Полк часто поднимали по тревоге, и командир полка вел его вначале по дорогам, потом покидал «битый путь» и шел целиной, сквозь леса, переправлялся через болота и реки. Солдаты приучались к маршам по любой местности, в любую погоду, в любое время суток и года. Суворов обучал их штыковым атакам. Во главе своей роты Суворов бросался в штыки на другие роты и стремился прорваться сквозь их строй, зная, что и они не отступят, не пропустят. При ударе в штыки Суворов не позволял наступающим ни на секунду задерживаться, но, как бы силен ни был удар, он не позволял отражающим этот удар отойти и только в последнее мгновение разрешал поднять вверх штыки, чтобы солдаты не поранили друг друга в начинавшейся отчаянной схватке. На роты пехоты скакала кавалерия «в полный карьер на саблях», и опять, чтобы научить пехоту выдерживать этот натиск, пехотинцам разрешалось, и то только в самое последнее мгновение, разомкнуться и пропустить сквозь свои ряды кавалеристов. Учились не только люди, но и кони. Позади строя пехоты Суворов приказал ставить лукошки с овсом, и лошади привыкли прорываться сквозь строй, зная, что за ним их ждет поощрение.

Суворов водил полк в труднодоступные места, строил там укрепления, и солдаты обучались штурму крепостей. Кутузов хорошо усвоил правило Суворова: «Тяжело в учении — легко в бою», от которого ни на шаг не отступал великий полководец.

Кончались ученья и маневры. Кутузов видел, что Суворов, подстелив плащ, отдыхает вместе с солдатами у бивуачного костра, ест из солдатского котла, коротает ночь в беседках с солдатами об их горестях и скромных радостях, шутит с ними, сыплет прибаутками.

Понял молодой капитан Кутузов, за что так любят солдаты Суворова, почему так верят ему, почему готовы идти за ним в огонь и в воду, и понял, что они способны сокрушить любого врага, потому что выучка, которую они проходят, не имеет себе равной ни в русской, ни в иностранных армиях.

Суворов заметил способного офицера, приблизил его к себе. Он рассказал Кутузову о том, как девять лет служил простым солдатом, унтер-офицером, рассказал о боях в Пруссии во время Семилетней войны, где на его глазах обкрадывали

русских солдат, предавали их, и как они, несмотря на это, побеждали.

Суворов объяснял Кутузову, что так называемая военная прусская школа Фридриха II почти ничего не может дать русской армии, боевое искусство которой выше прусского. Сила русской армии в солдате. Надо только учить солдата, ибо «солдат, — приговаривал при этом полковник, — ученье любит; было бы с толком», а толк заключается не в шагистике и муштре, а в том, чтобы учить тому, что потребует война, чтобы солдат чувствовал, что он «и в мирное время на войне...»

Так учил и воспитывал свой полк Суворов, так учил он действовать и Кутузова.

На этот раз они не долго служили вместе. Но через десятилетия боев и походов, через всю свою жизнь бережно пронес и осуществил Кутузов указания своего учителя.

Прежде чем стать великим полководцем и получить в свое командование армию, Кутузов до этого почти сорок лет провел в боях и походах, командовал поочередно ротой, отрядом, батальоном, полком. Это закалило Кутузова, обогатило его боевым опытом. Он стал профессионалом военного дела, постиг сущность войны. На основе личного боевого опыта и суворовской выучки вырос его выдающийся талант великого полководца.

Глава II

В 1764 году, когда русские войска двинулись в Польшу, Кутузов добился перевода в действующую армию. Со своей ротой он штурмовал окопы на берегу реки Овруч, дрался под стенами Варшавы, разбил отряд виленского воеводы Радзивилла и участвовал во множестве других стычек на территории Польши.

В 1770 году Кутузова послали в армию Румянцева, сражавшуюся с турками на Дунае.

Боевой, бесстрашный и лихой командир — таким был Кутузов, командовал ли он ротой, батальоном, полком или корпусом.

Кутузов оказался и блестящим штабным командиром. В те годы впервые складывался русский генеральный штаб, и Кутузов был одним из первых штабных офицеров русской армии.

Но вскоре служба Кутузова в армии Румянцева неожиданно прервалась. На него обрушился гнев главнокомандующего. Кто-то из «друзей» Кутузова донес Румянцеву, что в часы досуга под веселый смех товарищей Кутузов копировал походку

и манеры главнокомандующего. Лишь безупречная служба и боевые заслуги спасли молодого офицера от сурового наказания, он поплатился только тем, что был удален из Дунайской армии. Обошли его и наградами. Эти события оставили на всю жизнь глубокий след в характере Михаила Илларионовича. Он стал скрытным, недоверчивым, замкнутым. Внешне это был тот же Кутузов, веселый и общительный, но близко знавшие его люди говорили, что «сердца людей открыты Кутузову, но его сердце закрыто для них...»

Изгнанный Румянцевым из Дунайской армии, Кутузов перешел в Крымскую и продолжал в строю все тот же путь боевого командира. То он, посланный в разведку, выводит русские войска к Кинбурну, обеспечив им полный успех, то, командуя казаками, дерется в стычках с татарскими наездниками и, наконец, участвует в штурме укреплений у Алушты, который едва не стал для него роковым.

Со знаменем в руках, во главе солдат Кутузов ворвался в укрепление. Противник был выбит. Лагерь, пушки, знамена достались русским. Кутузов начал преследование, но был тяжело ранен. Пуля попала в голову, но не задела мозга. Это спасло Кутузова. Он выжил и отправился за границу лечиться.

Михаил Илларионович много путешествовал по Европе, долго жил в Лейдене — тогдашнем центре науки, встречался с учеными, передовыми людьми Европы и с европейскими полководцами того времени — Фридрихом II и Лаудоном.

Вернувшись в Россию, Кутузов немедленно направился в армию и опять попал к Суворову, командовавшему тогда войсками в Крыму.

Снова встретились ученик и учитель, и на этот раз не расставались уже в течение шести лет. Это были сравнительно мирные годы. Крым в результате войн с Турцией был объявлен независимым, борьба с Турцией за влияние на крымских татар продолжалась, но эту борьбу Суворов вел то демонстрацией против турецких кораблей, заходивших в порты Крыма, то дипломатическим путем, поручая Кутузову дела наиболее сложные, требующие выдержки и большого такта.

В эти годы Кутузов снова проходил суворовскую школу обучения и воспитания войск. То, что зародилось в Астраханском полку двадцать лет назад, теперь окрепло и превратилось в суворовскую «Науку побеждать» — инструкцию гениального полководца, которая учила русскую армию искусству победы.

За эти годы Кутузов завоевал у Суворова большую любовь и доверие. По ходатайству Суворова его произвели в бригадиры, и он окончил службу в Крыму генерал-майором. Гениальный

новатор, Суворов воспитал лучшую в Европе армию, лучшими ее солдатами стали егеря, и, когда сформировались их первые корпуса, командовать Бугским егерским корпусом назначили лучшего суворовского ученика — Кутузова.

В 1788 году вспыхнула новая война с Турцией. Кутузов в это время прикрывал своим корпусом границы России по Бугу, затем войска Кутузова были включены в состав действующей Екатеринославской армии.

Командующий Екатеринославской армией Потемкин решил взять черноморскую турецкую крепость Очаков. Русские войска, в том числе и корпус Кутузова, осадили Очаков. Осада крепости длилась долго, русские войска гибли от болезней и терпели лишения больше, чем хорошо подготовленные к осаде турки. Однако Потемкин медлил и не решался на штурм. Военные действия ограничивались мелкими столкновениями.

Во время одной из вылазок турки атаковали прикрытие егерей Бугского корпуса. Завязалось серьезное сражение. Кутузов повел войска в атаку и был тяжело ранен. Пуля пробила голову навывлет почти в том же месте, что и при первом ранении. Врачи приговорили его к смерти, считая, что он не доживет до утра. Но Кутузов выжил, только правый глаз его начал слепнуть.

«Если бы, — писали врачи, — такой случай передала нам история, мы бы сочли это басней. Но мы видели чудо, свершившееся с генералом Кутузовым».

Едва оправившись от раны, Кутузов принял участие в боях на Днестре и на Буге, в штурме замка Хаджибей, на месте нынешней Одессы. И всюду: то с батальонами егерей, то во главе казацких отрядов при взятии крепостей Бендеры и Аккерман и в полевом бою, — Кутузов всегда, по свидетельству современников, «одерживал поверхность».

Шел 1790 год. Война затягивалась. Ряд удачных военных операций не принес, однако, желаемых для России результатов. Русское правительство решило добиться крупной победы, чтобы возможно скорее вынудить турок заключить выгодный мир.

Быстро и сравнительно легко взяв несколько крепостей, русская армия подступила к сильной крепости Измаил. Расположенная на Дунае, она имела исключительно важное стратегическое значение.

Кто владел Измаилом, тот владел Дунаем. Штурм неприступной Измаильской крепости Потемкин поручил Суворову.

Суворов лично разведал все подступы к крепости с реки и суши и убедился, что ему предстоит операция, еще более

трудная, чем он предполагал. «Крепость без слабых мест», — донес он Потемкину. Из 30 000 русских солдат 15 000 было нерегулярных, плохо вооруженных. Наступили холода. Однако чем больше возникало трудностей, тем деятельнее Суворов руководил подготовкой штурма. Он собирал сведения о противнике, заготавливал материалы, обучал войска. В стороне от крепости Суворов приказал вырыть ров и насыпать валы, подобно измаильским. Сюда по ночам, чтобы не привлечь внимания турок, он высылал войска и лично показывал, как бросать фашины, ставить лестницы, действовать штыком.

9 декабря Суворов собрал военный совет и объяснил командирам свой план штурма, заявив, что об отходе от крепости не может быть и речи.

— Я решил овладеть этой крепостью, либо погибнуть под ее стенами, — закончил он свою речь.

К начальникам штурмующих колонн были посланы офицеры связи с решительным указанием взять крепость. Суворов объяснил офицерам, что «одному надо будет приказать, другому растолковать, третьему намекнуть, а Кутузову и говорить нет нужды — он сам поймет...»

В 3 часа ночи 11 декабря 1790 года взвилась первая сигнальная ракета. Войска пошли на штурм Измаила. На левом фланге шестую колонну вел Михаил Илларионович Кутузов.

В предутренней холодной мгле раздавались залпы орудий. Кутузов повел колонну к Килийским воротам, достиг рва, но сильный орудийный и ружейный огонь остановил ее. Тогда личным примером он увлек солдат в ров и повел их на штурм вала и бастиона. Заранее предупрежденные шпионами об атаке на Килийские ворота, турки подготовились к отпору и прочно удерживали позиции. Осаждавших осыпали картечью, смельчаков, забравшихся на стену крепости, сбрасывали вниз. Русские несли большие потери.

Современники говорили, что Кутузов обратился к Суворову за поддержкой, но получил ответ, что в Россию уже послано донесение о взятии Измаила и Кутузов назначен его комендантом.

В этот трудный момент Кутузов, собрав гренадер Херсонского полка и егерей Бугского корпуса, повел их на бастион. Войска, штыками проложив себе дорогу, ворвались в крепость. Позднее, встретившись с Кутузовым на площади Измаила, Суворов сказал, что «Суворов знает Кутузова, а Кутузов Суворова; если б крепость не взяли — Суворов умер бы под ее стенами и Кутузов также...»

Бой шел на крепостных стенах и у всех четырех ворот, потом завязался жестокий уличный бой. Русские войска, окру-

жив турок, теснили их к центру. Турки отступали. Дрались они отчаянно, в узких улицах они окружили вооруженных пиками казаков и саблями перерубали древки пик. Началась резня, грозившая казакам полным истреблением. На помощь казакам прорвались егеря Кутузова. Русские войска овладели центральной площадью. Гарнизон Измаила был почти полностью истреблен, немногие уцелевшие взяты в плен.

Дорого обошлась русским эта победа. Тысячи убитых и раненых лежали во рву, на улицах.

— Не было крепче крепости, обороны — отчаянней, чем Измаил, — сказал Суворов, — только раз в жизни можно пускаться на такой штурм...

Донося о победе, Суворов просил наградить Кутузова, «который оказал новые опыты искусства и храбрости своей. Преодолев под сильным огнем неприятеля все трудности, взлез на вал, овладел бастионом, и, когда превосходный неприятель принудил его остановиться, он, служа примером мужества, удержал место, превозмог сильного неприятеля, утвердился в крепости и продолжал потом поражать врагов... Он шел на левом фланге, он был моей правой рукой...»

Кутузов остался комендантом Измаила и начальником войск, расположенных между Днестром и Прутом.

Взятие Измаила предредило исход войны, но борьба за переправы на Дунае, за города Мачин, Бабадаг, Исаки и за побережье Черного моря продолжалась. Кутузов вел ее в сложных условиях гористой местности против подвижных и многочисленных отрядов турок. Кроме присущих ему спокойствия и предусмотрительности он проявил замечательное искусство маневрировать на фланги и тыл противника, величайшее упорство и решительность в атаке.

«Расторопность и решительность генерала Голенищева-Кутузова превосходит всякую мою похвалу», — доносил о нем главнокомандующий Репнин.

В 1791 году в городе Яссах был заключен мир, по которому Турция уступила России земли между реками Южным Бугом и Днестром и согласилась признать присоединение Крыма к России.

Этим была закончена вековая борьба за доступ к Черному морю, необходимый для экономического развития России.

В 1792 году, когда опять началась война с Польшей, Кутузов прошел от Измаила вдоль границ Галиции, вступил в Польшу и, оказавшись на фланге польских войск, вынудил их к отходу. Дальнейшие действия русской армии закончились поражением поляков и падением Варшавы.

С 1793 года в жизни Кутузова начался новый этап: он ста-

новится дипломатом — посланником России в Константинополе. Посольство в Турции считалось труднейшим, ибо там сосредоточен был узел противоречий России не только с Турцией, но и с рядом европейских государств. Дошедшие до нас описания дипломатической деятельности Кутузова говорят о том, что и на этом поприще он оказался талантливым.

Кутузов немедленно начал борьбу за право русских судов плавать в Черном море и за свободный выход их из моря, за изгнание из черноморских портов иностранных судов, за вовлечение Турции в орбиту влияния России.

Победил в этой борьбе Кутузов.

Он пробыл в Турции недолго — до осени 1794 года. Суворов, командовавший русскими войсками в Финляндии, был послан в Польшу, а на смену ему в 1795 году в Финляндию прибыл Кутузов. Затем его назначили директором кадетского корпуса, где он читал лекции по истории и впервые в корпусе ввел преподавание тактики.

Глава III

Уходил в прошлое XVIII век. Русские войска завоевали славу непобедимой армии. Прогремела суворовская победа на берегах Рымника, послы Англии, Австрии, Франции сообщили в свои столицы ошеломляющую весть о штурме Измаила, пали укрепления Праги, Варшава. Впереди армию Суворова ждала легендарная слава Итальянского и Альпийского походов. Возрожденное и обогащенное новым боевым опытом, русское военное искусство привело Россию к победам на побережье Балтики и Черного моря, на берегах Дуная и Вислы. Россия активизировала свою политику на международной арене. За русским полководцем стояла обученная им, закаленная в сражениях русская армия, стояла плеяда его учеников — русских генералов, одаренных, опытных, усвоивших стратегию и тактику гениального полководца. Армия России готова была к любым боям и победам. Но волею бездарного монарха русское военное искусство было снова отброшено на целые десятилетия назад.

* * *

В 1796 году царем России стал Павел I. Еще будучи наследником, он мечтал о том, как будет подавлять стремление народа к свободе, как заставит армию служить этой своей цели и как в самой армии ничто не будет совершаться без его монаршей воли.

«Предписать всем, от фельдмаршала до солдата, что де-

лать им должно»,—объявил Павел, стремясь отнять инициативу не только у солдат, но и фельдмаршалов.

Объехав Европу, он увидел армию, в которой все двигалось по мановению руки короля, в которой «солдат боялся палки капрала больше, чем пули противника». Это была прусская армия Фридриха II. Она состояла из наемников, набранных со всех стран Европы, ее не раз беспощадно били русские войска, но она была вымуштрована, в ней царила палочная дисциплина, и она блестяще проводила парады на площадях Берлина и Потсдама. Восхищенный этими порядками, вернулся Павел в Россию, за ним устремились прусские офицеры, и русская армия стала перестраиваться по прусскому образцу.

Началось с небольших перемен, а кончилось поражениями русской армии. Началось с формы одежды. Солдат одели в такие мундиры, в которых не только воевать, но и дышать было трудно. Мало того, на голову надевали парик с косой и, чтобы она держалась прямо, внутрь косы всовывали железный прут, парик смазывали клеем и пудрили мелом. Чтобы выровнять фигуру солдата, его иногда зажимали в специальный станок, а чтобы он на параде не гнул ноги, под колени подвязывали лубки. Целыми днями солдат гоняли по плацу, муштруя их к парадам, а ночи нехватало, чтобы начистить до блеска оружие, пуговицы, бляхи, набелить ремни, напудрить парик. Даже приклады ружей выдалбливались и внутрь насыпали побрякушки, чтобы они гремели при исполнении ружейных приемов.

Достаточно было измученному муштрой солдату допустить малейшую ошибку, как офицеры его избивали палками или прогоняли сквозь строй, засекая шпицрутенами. Многие не выдерживали экзекуции и умирали на «зеленой улице» — так называли солдаты прохождение сквозь строй шпицрутенов.

«Вот тебе трех мужиков, сделай из них одного солдата» — стало основным правилом для офицеров, которым пример подавал любимец царя Аракчеев, вырывавший усы у старых гренадер, и сам царь, скомандовавший полку за плохую маршировку: «Дирекция прямо, в Сибирь марш!»

Главной целью обучения войск стала не война, а вахтпарад и развод караула.

Суворов, выше всего ценивший в русском солдате разум, смелость и инициативу, ставивший целью обучения и воспитания подготовку к боям, оберегавший русское национальное военное искусство, любивший солдата, не мог с этим примириться.

Он начал непримиримую, но неравную борьбу с царем, был сослан в далекую новгородскую деревушку и умер замучен-

ный и затравленный Павлом I. Ученики Суворова были изгнаны из армии, многие арестованы и сосланы.

Но долго царствовать Павлу не пришлось. Когда его произвол и самодурство дошли до того, что даже придворные утром не знали, что их ожидает вечером: пойдут ли они в ссылку или получают повышение в чине, когда и над наследником Александром нависла угроза опалы, когда политика Павла, заключившего союз с Наполеоном против Англии, задела интересы дворян, — царь был умерщвлен в собственном дворце своими же придворными с ведома своего сына.

В темную мартовскую ночь 1801 года Александр вышел из спальни, где лежал его задушенный отец, и дрожащим голосом сказал караулу солдат Семеновского полка:

— Батюшка скончался апоплексическим ударом. Все при мне будет, как при бабушке...

Александр гнал. Перед ним стояли образ задушенного отца, призрак задушенного деда, и Александр готов был обещать что угодно, лишь бы не разделить их участь. Он рос и воспитывался под влиянием бабки и отца, хитря и лицемеря перед обоими, ложью начал он и свое царствование. Он был таким же поклонником всего прусского, как и его отец.

Ежедневно муштровал Павел своих солдат, и неизменно справа от него, помогая отцу равнять в шеренгах носки и репетировать парады, находился сын его Александр, с детства впитавший прусские идеи и любовь к муштре. С ним, с будущим царем, Кутузову придется вести борьбу в последнее десятилетие своей жизни.

Зная, что страна и армия ждут от него отмены жутких порядков, насажденных Павлом, что все ждут от него реформ, Александр обещал их.

То подобие реформ в армии, которое предложила созданная Александром комиссия, коснулось только пенсий и отчасти хозяйства, оставив обучение и боевую подготовку войск на прежних основах. Суворовцы были еще не у дел, вне армии находился и Михаил Илларионович Кутузов.

Около года Михаил Илларионович был генерал-губернатором Петербурга, но Александр остался им недоволен «за неисправности в полицейской службе».

В августе 1802 года Кутузова «уволили по прошению», а по существу просто удалили из Петербурга, после чего он уехал в свою деревню Горошки, Волынской губернии.

Письма Кутузова к жене в первый же год жизни в деревне говорят о том, что он жил уединенно, занимался сельским хозяйством, стараясь его сделать культурным и прибыльным,

Кутузов у портрета Суворова
(Миниатюра)

изыскивая способы достать денег, которых у него, повидимому, было немного.

«Об деньгах очень забочусь, — пишет он. — Слышал я, что продается какая-то книга в Петербурге об водяных коммуникациях. Сделай милость — пришли мне, здесь очень нужно для того, что думаю весьма о коммерции».

Кутузов приобретает селитряный завод, занимается продажей пеньки, поташа; его сильно занимают масличные семена, которые «сеются в Индии и Египте».

Подолгу беседует он с крестьянами.

«Мужики русские, — читаем в его письме, — подали на управителя превеликую жалобу, что их утесняет управитель, и все русские мужики желают иметь управителем Теленкова, который раньше управлял на дальней даче, и он, сказывают, действительно добрый человек».

Бездействие и недостаток средств тяжело отражались на Кутузове. В 1804 году в его письмах к жене уже сквозит отчаяние.

«Посылаю, мой друг, тысячу рублей и еще, сколько могу, посылать буду до отъезда своего. Скучно работать и поправлять экономию, когда вижу, что состояние так расстроено;

иногда, ей-богу, из отчаянья хочется все бросить и отдаться на волю божию.

Видя же себя в таких летах и здоровья, что другого имения не наживу, боюсь проводить дни старости в бедности и нужде, а все труды и опасности молодых лет и раны видеть потерянными; и эта скучная мысль отвлекает меня от всего и делает неспособным... Я здесь совсем без компании, и по вечерам бывает очень скучно».

...Ноют старые раны. Ноги, согнутые ревматизмом, с трудом носят тучное тело. Каждое утро, просыпаясь, ощущал Кутузов, как все более тусклым кажутся ему окружающие предметы, и глаз, близ которого прошла турецкая пуля, все болезненней реагирует на свет. Домашний врач, испробовав много лекарств, прописал еще одно. Оно вызвало острую боль, и зрение стало с каждым днем ухудшаться. Врач отменил и это лечение, но Кутузов его продолжал. Подолгу сиживал Михаил Илларионович, прикрыв глаз платком. Наконец, словно угас и последний луч. Глаз стал мертвым. В испуге врач спросил Кутузова, зачем же он продолжал пользоваться отмененным лекарством, и услышал в ответ:

— Так-то лучше, любезный, раз нету средств излечения глазу, да и нужен ли он теперь мне, старику? Так уж пусть больше не болит.

Его охватывала тоска обреченного на бездеятельность человека, которого ждет бедность и полное забвение. Он вспоминал Суворова, который и славой, и званием, и богатством своим был значительнее его, но, отстраненный от службы и сосланный в маленькую новгородскую деревушку Кончанское, так же вот, как и он, Кутузов, тосковал, метался, порывался что-то делать и в бессилии утихал. Кутузов вспоминал, как умер его друг и учитель, великий русский человек в одиночестве, всеми брошенный, в тяжких мучениях.

Глава IV

У Кутузова и Суворова — одна судьба. Их травили, преследовали, подвергали опале, о них забывали, когда не было войны. Но о них вспоминали, когда нависала опасность, отворотить которую не в силах были ни монархи, ни их любимые приспешники.

Шел 1805 год. К этому времени Наполеон успел дважды разгромить коалиции феодальных государств. На этот раз опасность нависла не только над феодальной Россией, но и над Австрией, и в первую очередь над Англией. На берегу Ла-Манша были сосредоточены дивизии Наполеона. Он зая-

вил, что в ближайшую темную ночь французская армия высадится на Британские острова, чтобы сокрушить английское могущество. Угроза стала настолько реальной, что Англия поспешила создать новую коалицию, в которую вошли Англия, Россия и Австрия.

По плану коалиции, собранная на Дунае объединенная русско-австрийская армия должна была двинуться во Францию.

Кто мог повести русские войска в этой новой войне? Гатчинцы — не способны, иностранные генералы — уже биты французами. И так же, как пять лет назад Павел I был вынужден просить Суворова, так теперь Александр I обратился к Кутузову с просьбой взять на себя командование армией.

Кутузов вступил в командование собранной на Волыни пятидесятитысячной армией. Ему предстояло повести ее в глубь Европы, навстречу французским войскам.

Впервые русская армия должна была сразиться с прославленной французской армией, лично руководимой Наполеоном.

Многие с надеждой, но большинство с тревогой ждали этой встречи.

Европа уже знала Наполеона как героя Тулона, руководителя изумительного Итальянского и Египетского походов, полководца, разбившего войска двух коалиций европейских государств. Полководческий талант и личная храбрость Бонапарта уже блистали в битвах у египетских пирамид, в битвах при Лоди, Риволи, на Аркольском мосту, под Маренго.

Полководческое же дарование Кутузова тогда еще не развернулось, слава ждала его впереди.

В то время как французский император был единственным, полновластным руководителем своих войск, Кутузов вел свою армию в Европу, чтобы стать под командование австрийского императора.

С первых же дней похода Кутузова то и дело нагоняли гонцы из России с царскими приказами, лишавшими его самостоятельности.

Наполеон с берегов Ла-Манша, Кутузов с берегов Вислы — оба направлялись к Ульму. Наполеон образцово организовал марш. 500 километров французская армия прошла в 28 дней и развернулась для наступления по берегам Майна и Рейна.

Русская армия в это время подходила к Брауну. Опрошенные по пути австрийские чиновники сообщили, что на фронте все обстоит благополучно, но Кутузов насторожился.

Он разослал во все стороны лазутчиков, бросил на поиски кавалерийские разъезды, широко организовал разведку.

Разведка донесла, что Наполеон стремится окружить австрийскую армию, собранную в Ульме. По расчетам Кутузова ей следовало отходить на соединение с русскими. Но ее главнокомандующий Макк хвастливо донес, что в ближайшие дни разобьет французскую армию, а затем из Ульма перестали поступать сведения. Наконец сам Макк явился в штаб Кутузова и слезливо доложил: «Вы видите перед собой несчастного Макка. Австрийская армия, окруженная в Ульме, позорно сдалась в плен Наполеону».

Внимательно посмотрел Кутузов на жалкого австрийского генерала, потерявшего свою армию, отпущенного Наполеоном на свободу, и понял, что начинается предательство союзников-австрийцев.

Ночью в штаб вызвали ординарцев и офицеров для связи с полками.

Кутузов вышел к ним гневный, но, как всегда, сдержанный, и сказал:

— Австрийцы не сумели удержаться. Они разбиты, многие бегут к нам. Труссы положили оружие к ногам неприятеля. Скажите это вашим товарищам...

Ординарцы поскакали, неся тревожную весть в полки русской армии.

Глава V

Против двухсоттысячной армии Наполеона осталась только русская армия — 50 000 солдат, изнуренных тысячеверстным походом, обносившихся, даже босых. На помощь союзников-австрийцев нечего было и рассчитывать. Страх обуял австрийского императора и его приближенных. Никто ничего не знал и не понимал в сложившейся обстановке. Лишь Кутузов спокойно и невозмутимо глядел в лицо опасности, хотя только ему одному были до конца ясны ее размеры и неотвратимость. Ему было ясно, что Наполеон сделает все возможное для уничтожения русской армии — единственной противостоящей ему реальной силы. К Кутузову направлялись резервы из России, должны были подойти австрийские войска, находившиеся в Италии, могла подойти и армия Пруссии, которая в те дни решала, вступать ли ей в войну.

Но, пока не подошли резервы и обещанные австрийские части, с такими неравными силами вступать в бой было бессмысленно. Оставалось только умело уклоняться от боя, который безусловно будет навязывать Наполеон.

Кутузов был прав. Наполеон решил уничтожить русскую армию до подхода к ней из России сорокапятитысячной армии Буксгевдена.

Французские корпуса стремительно двинулись вперед, охватывая фланги, угрожая отрезать русским войскам пути отхода.

Русская армия лишена была помощи. Ни провианта, ни одежды, ни подвод — ничего из того, что обещано было союзниками, Кутузов не получил. Русские солдаты шли в осеннюю непогоду по размытым дорогам раздетые и голодные. В таких условиях австрийский и русский императоры требовали, чтобы Кутузов остановил Наполеона и защищал Вену. Но это было не по силам русской армии; Кутузов защищать Вену отказался. Первую свою задачу великий полководец видел в том, чтобы в этих условиях сохранить русские войска. Решениям и планам императоров он противопоставил свой план отхода на левый берег Дуная и сдачи Вены французам. Императоры вынуждены были согласиться.

Русская армия отходила за Дунай, прикрываясь сильными арьергардами. На них обрушил Наполеон свои авангарды.

Наконец, на поле боя французские солдаты, от которых без оглядки бежали австрийцы, итальянцы, пруссаки, столкнулись с русскими солдатами — ветеранами походов Суворова, героями Измаила и Альп. С одной стороны — знаменитые маршалы, победоносно водившие французские войска, начальники авангардов Ней, Ланн и Мюрат, с другой стороны — сподвижники Суворова, его ученики Багратион, Дохтуров, Милорадович, Ермолов, прикрывавшие армию своими арьергардами.

И впервые французские солдаты, маршалы и сам Наполеон поняли, что перед ними не австрийцы, не пруссаки и не итальянцы. После первых же выстрелов русские не бежали, а перешли в штыковую контратаку и, отбросив французозов, сдерживали их до тех пор, пока не получили приказа отойти.

К переправе через реку Энс одновременно подошли арьергард Багратиона и авангард Мюрата. Бой приняли павлоградские гусары. Они сдерживали французозов, пока арьергард под картечным огнем перешел Энс и затем сжег мост. Последовавший за рекой новый бой был еще более ожесточенным. На помощь Багратиону Кутузов направил резерв арьергарда под командованием Милорадовича. Милорадович напомнил солдатам славные суворовские бои и повел их в атаку.

Апшеронский и Смоленский полки, гренадеры Малороссийского полка атаковали гренадер Удино, мариупольские гусары

бились с гусарами Мюрата. В трудную минуту боя, когда казалось, что поражение неизбежно, к Кутузову обратились с вопросом: «Что делать?» Он ответил: «Вы русские. Так и поступайте, как подобает русским».

Французов отбросили. Впервые слава об их непобедимости заколебалась.

Так, отбиваясь арьергардами Багратиона, ценой «...мастерских движений...», как писал об этом Ф. Энгельс, уводил Кутузов русскую армию. Он стремился перейти Дунай. Взорвав мосты, армия будет там в безопасности, рассчитывал Кутузов. За Дунаем она отдохнет, к ней подойдет из России армия Буксгевдена.

Но Наполеон уже готовил новый удар. Он тоже понимал значение отхода русской армии за Дунай, где Кутузов будет в полной безопасности и все усилия французской армии окажутся напрасными. Наполеон решил скрытно перебросить через Дунай сводный корпус Мортье и, захватив мост, задержать русских у Кремса.

Когда лазутчики, которых всегда имел Кутузов, донесли о появлении французов на левом берегу Дуная, он понял, что может попасть в ловушку — на левый берег его не пустит Мортье, а на правом Наполеон главными силами прижмет к Дунаю. Оставалось погибнуть или ценой сверхчеловеческих усилий достигнуть левого берега у Кремса раньше, чем туда подойдет корпус Мортье. Эту возможность и решил использовать Кутузов. Он ускорил марш частей и опередил Мортье.

Едва арьергард русской армии успел достичь левого берега, как французские конные егеря были уже на мосту. Но поздно. Взорванный мост рухнул в Дунай.

Между армией Наполеона и армией Кутузова лег естественной преградой Дунай.

Наполеона охватила тревога. Он не только упустил Кутузова, но и оставил против него Мортье, лишенного теперь всякой поддержки главных сил.

Тревожился Наполеон не зря. Кутузов заманил Мортье в дефиле, разгромил и отбросил его корпус за Дунай.

План Наполеона рухнул, усилия его армии оказались напрасными. На всем пути от Браунау до Кремса Кутузов точно дразнил его, то останавливаясь для арьергардного боя, то уходя, и, наконец, перед всем миром оставил его в дураках, уйдя на левый берег Дуная и разгромив на глазах у французского императора корпус Мортье.

Измученные, но гордые победой, не только отбившие, но, впервые в истории наполеоновской армии, погнавшие ее дивизии, возвращались русские войска в Кремс.

— Честь вам и слава!.. Молодцы!.. — кричал Кутузов в ответ на приветствия своих солдат.

«Кремское побоище», как называл Наполеон разгром Мортые, завершило марш от Браунау к Кремсу. Русские войска показали, что пора дешевых побед для французской армии миновала. Это был успех, имевший значение огромной моральной победы. План Наполеона рухнул. Армия Кутузова ушла от угрозы окружения, и это было стратегической победой. Казалось, что наконец-то можно расположить на отдых измученные войска, но это только казалось.

Новый замечательный маневр предпринял Наполеон, новое ротозейство, вернее предательство, совершили так называемые «союзники» — австрийцы.

У Вены сохранился единственный Таборский мост через Дунай. От него дорога вела прямо к Цнайму, через который должен был итти Кутузов на соединение с армией Буксгедена, шедшей из России.

Наполеон поставил своим маршалам задачу занять Вену, любой ценой захватить мост, выйти к Цнайму раньше Кутузова, отрезать его от резервов и одновременно обрушиться на русскую армию с тыла.

Мюрат, Ланн и Сульт выполнили задачу. Они овладели Веной. Им также легко удалось захватить и Таборский мост. Помогли хитрость французов и предательская беспечность австрийцев. Мост охранялся сильным австрийским отрядом князя Ауэрсберга и должен был быть взорван при первой попытке французов его атаковать.

Маршалы подъехали к мосту и, размахивая белым флагом, вызвали Ауэрсберга. Они объявили ему, что Наполеон заключил мир с австрийцами, а войну ведет только с русскими. Этого заявления оказалось достаточным, чтобы Ауэрсберг пустился в переговоры. В течение нескольких минут, пока длилась эта комедия, французские гренадеры, спрятанные на берегу, без выстрела захватили мост.

Авангарды Наполеона устремились к Цнайму. Главным силам он приказал обрушиться на русскую армию на левом берегу с фронта, а корпусу Бернадота перейти Дунай у Кремса и атаковать русских с тыла.

Гибель русской армии казалась неминуемой. Ничего не подзревая, войска расположились у Кремса. Впервые за долгий поход солдаты стали варить себе пищу, впервые спокойно улеглись отдыхать.

Щедро оплаченные лазутчики успели донести Кутузову о движении Наполеона к Цнайму. Но это не спасало. Путь от Вены к Цнайму, по которому шли корпуса Наполеона, был

лучше, чем путь к Цнайму от Кремса, по которому предстояло идти армии Кутузова. Она была обречена, но ее вновь спасли героизм русских солдат, талант и самоотверженность Кутузова и Багратиона.

Багратион был замечательным учеником Суворова, лучшим соратником Кутузова, его ближайшим другом, которого Кутузов любил, как сына. Багратион дрался под стенами Очакова и Праги, был начальником авангарда Суворова в Итальянском походе и в легендарном переходе через Альпы. Ему и доверил Кутузов командование шеститысячным отрядом, которому приказал двигаться днем и ночью наперерез французским авангардам и задерживать всю французскую армию до тех пор, пока русская армия достигнет Цнайма. Кутузов посылал Багратиона и весь отряд на верную смерть, но только в этом он видел спасение всей своей армии.

В бурную осеннюю ночь повел Багратион отряд. Пройдя по бездорожью, по звериным тропам через леса, овраги и горы трудный путь, он к утру опередил маршалов Наполеона и у Голлабуна вышел им навстречу. А Кутузов тем временем поднял свою армию. Голодные солдаты выбросили из котлов недоваренную кашу и, напрягая последние силы, двинулись к Цнайму навстречу идущим из России резервам.

На позиции у Шенграбена, где Багратион ждал французов, он получил два донесения: одно — о приближении французов, к встрече с которыми он подготовился; во втором донесении сообщалось, что находившийся с отрядом впереди австрийский граф Ностиц вступил в переговоры с французами и открыл фронт. Предательство Ностица нарушило план обороны и поставило отряд Багратиона в очень тяжелое положение.

Французы, развертываясь для атаки, устремились к Шенграбену. Но, узнав, что неподалеку от позиции Багратиона проходит вся русская армия, Мюрат заколебался. Он боялся атаковать армию Кутузова. Он решил обмануть Кутузова так же, как обманул Ауэрсберга и Ностица, и отправил к нему парламентаря, предлагая следующее:

Он, Мюрат, прекращает военные действия, а Кутузов подпишет договор, по которому русская армия покинет Австрию и вернется в Россию. До ратификации договора Наполеоном Кутузов приостанавливает марш к Цнайму.

Кутузов немедленно принял все предложения Мюрата.

Мюрат предполагал, что, вынудив Кутузова покинуть Австрию, выиграет войну с коалицией, а по меньшей мере, заставит Кутузова стоять на месте, пока Наполеон утвердит

договор или подойдет со своей армией, и тогда Кутузов со своей армией все равно погибнет.

Но Кутузов был не князь Ауэрсберг и не граф Ностиц. О Кутузове и Суворов говаривал: «умен, умен, никто его не обманет...» В ловушку, которую расставил Кутузову французский маршал, Кутузов заманил его самого.

Сделав вид, что он, конечно, верит Мюрату и согласен со всеми статьями договора, Кутузов послал к Мюрату своего представителя, чтобы подписать договор и прислать ему на утверждение, а сам... «нимало не думал, — писал он царю, — принять условия. Я удержался ответом 20 часов, а между тем продолжал отступать и успел отойти от французов два марша».

Он оставил Мюрата пожинать лавры своих дипломатических «успехов» и ожидать похвал Наполеона. Мюрат не дождался императорских похвал. Узнав о происшедшем, Наполеон пришел в неописуемое бешенство. Он увидел, как второй раз его замечательный план, хитрый маневр, приводивший к полному окружению и неизбежной гибели русскую армию, рушится и «старая лисица севера», Кутузов, за которым он гнался сотни верст, второй раз на глазах у всего мира одурачил его и ушел, сближаясь с идущим из России Буксгевденом.

Обрушив на голову незадачливого дипломата Мюрата весь свой гнев, Наполеон приказал ему немедленно атаковать русских. Не доверяя больше своим маршалам, он покинул Вену и, загоняя коней, сам помчался к Шенграбену.

Авангарды французской армии бросились на восьмитысячный отряд Багратиона. Отряд «целый день и половину ночи сражался со всей французской армией», — писал Энгельс об этом несравненном арьергардном сражении. Даже враги называли отряд «дружиной героев». Кажется непостижимым, как мог этот отряд сдержать удары тридцатитысячного авангарда. Мюрат и другие маршалы поняли, какую ошибку они совершили, упустив Кутузова, и теперь стремились как можно скорее покончить с Багратионом, чтобы догнать всю русскую армию.

Мюрат вновь бросил своих солдат в наступление. Но они были остановлены огнем артиллерии и пожаром Шенграбена, подоженного русскими артиллеристами.

Маршал Сульт повел конных гренадер в обход фланга. Их атаку отбили драгуны Черниговского, гренадеры Киевского и стрелки егерских полков.

Маршал Ланн, обойдя другой фланг, окружил Подольский и Азовский полки, отрезал Павлоградский. Но они пробились сквозь окружение и вышли к своим.

Охватив фланги, французы все сильнее атаковали центр. Уверенные в победе, маршалы предлагали Багратиону сдаться, чтобы не губить весь отряд. Багратион не отвечал.

Упорно обороняясь и часто переходя в контратаки, его отряд отходил к Гутенсдорфу. У Гутенсдорфа Багратион поставил свой резерв, приказал пропустить отходившие полки и опять задержал французов.

День клонился к концу, а бой продолжался. Он продолжался и ночью. Солдаты ходили в атаки, вступая в рукопашную схватку с численно превосходившим противником. У Багратиона осталось почти пол-отряда, но свою задачу он продолжал выполнять.

А в это время русская армия уходила все дальше и дальше, все глуше доносилась до нее канонада у Шенграбена, где в неравной борьбе сражалась «дружина героев», закрывавшая дорогу к Цнайму, по которой уходили их товарищи.

Глубокой ночью Наполеон, убедившись, что дальнейшие атаки бесплодны, приказал прекратить огонь. Багратион отбросил окружавшие его французские полки, пробился штыковым ударом и догнал далеко ушедшего Кутузова. Багратион вернулся к Кутузову, который уже не надеялся видеть его живым, он вернулся с трофейным знаменем, приведя с собой 50 пленных солдат и двух офицеров.

Цель Кутузова была достигнута — русская армия беспрепятственно двигалась к Цнайму.

В истории войн Шенграбенское сражение осталось как изумительный пример арьергардного боя, пример исключительного мужества и героизма русских солдат, о которые разбились все усилия армии Наполеона.

С законной гордостью солдаты полков, участвовавших в бою под Шенграбеном, носили особый знак, на котором было выгравировано: «5 против 30» — 5 русских солдат арьергарда Багратиона сдерживали 30 солдат французского авангарда. В этот момент все тот же «союзный» император Франц, успевший проиграть Ульм, отдать Наполеону Вену и половину своей страны, потребовал от Кутузова остановиться и дать Наполеону сражение. Кутузов отказался, как всегда, вежливо, но твердо.

Кутузов ушел дальше, соединился с подошедшей из России армией Буксгевдена и занял выгодную позицию у Ольмюца. Сейчас у него было 86 000 солдат, к нему могли подойти из Италии 80 000 австрийцев. Русская армия была в безопасности. Ее спас от полного разгрома Кутузов.

Через несколько недель славные боевые полки повел на гибель сам русский царь Александр I.

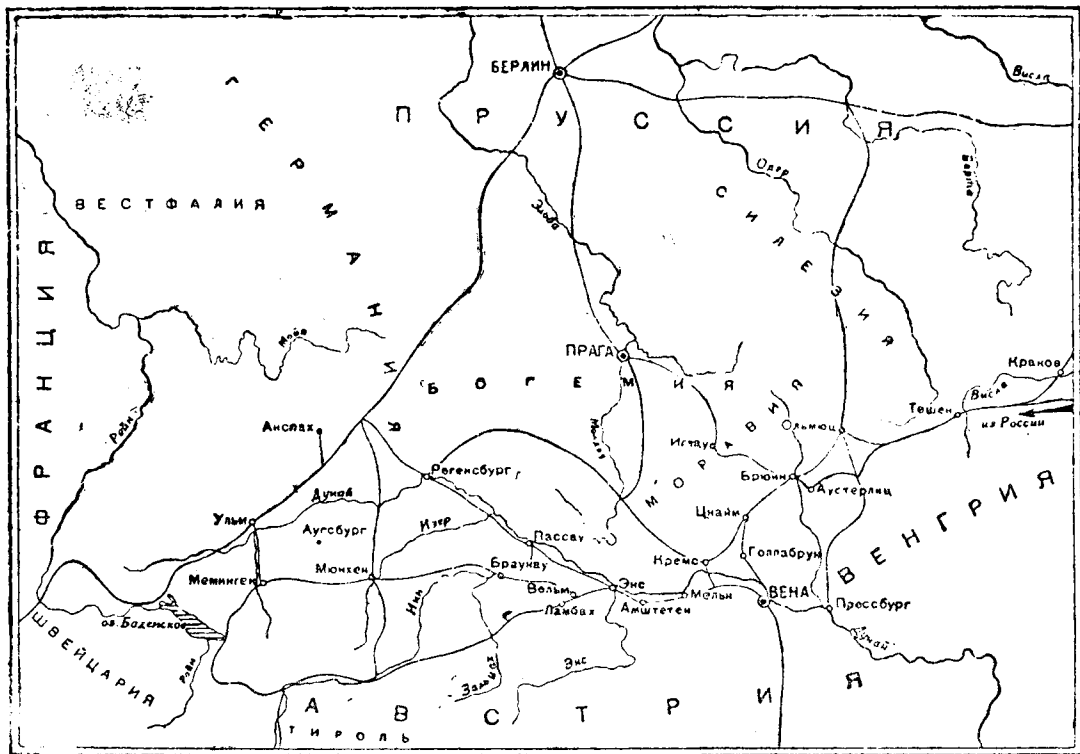

Схема театра военных действий в 1805 году

Глава VI

«...Аустерлиц справедливо считается одной из величайших побед Наполеона и самым сильным доказательством его несравненного военного гения; ибо, хотя первопричиной поражения, несомненно, были ошибки союзников, однако, с *sur d'oeil* (проницательность), с которой он открыл их промах, терпеливое ожидание его завершения, решительность в нанесении сокрушающего удара и молниеносная быстрота в завершении катастрофы — все это стоит выше всякой похвалы и достойно всяческого восхищения.

Аустерлиц представляет чудо стратегии, он не будет забыт до тех пор, пока существует войны», — так писал Энгельс в статье «Аустерлиц».

Какова была роль Кутузова в этом сражении? Почему Кутузов, несмотря на гениальность Наполеона, своим маршем от Браунау к Цнайму добился стратегического успеха, а будучи главнокомандующим союзной армии под Аустерлицем, понес непоправимое поражение? Что это за первопричина поражения, о которой писал Энгельс?

Дело в том, что, несмотря на победу под Ульмом, занятие Вены и половины всей Австрии, марш-отход Кутузова поставил Наполеона в крайне невыгодное стратегическое положение. Французская армия оказалась разбросанной в нескольких направлениях. Она охраняла базы, длинную коммуникацию, занятые города. Свободными у Наполеона оставалось всего 50 000 солдат, а решающее сражение было еще впереди.

Русские сохранили свои силы и могли их удвоить. Возможность победы союзной армии была налицо.

Александр вначале колебался. Он впервые участвовал в войне. Ему очень хотелось видеть себя в лаврах победителя Наполеона, но в то же время он не хотел брать на себя формальную ответственность за руководство армией. Царь принял, как и всегда, двойственное решение. Он назначил главнокомандующим Кутузова, а фактически армией стал руководить сам, с помощью бестолкового, неоднократно битого Наполеоном австрийского генерала Вейротера.

Расчет Александра был прост. В случае победы над Наполеоном героем победы будет он, русский царь, а в случае поражения ответит Кутузов.

С этого момента Кутузова фактически отстранили от управления армией, вынудили оставаться свидетелем подготавливаемой аустерлицкой катастрофы, свидетелем, бессильным помешать бездарной деятельности русского и австрийского монархов, их свиты и в первую очередь Вейротера.

Александр созвал военный совет, на котором предложил атаковать армию Наполеона.

Решено было наступать. Только один Кутузов высказался против наступления. Кутузов предлагал не давать Наполеону решающего сражения и продолжать отход в районы, обеспеченные продовольствием. Он был прав, говоря: «Надо отходить дальше, и там, в Галиции, я погребу кости французов...»

Кутузов понимал, что, несмотря на то, что у Наполеона сейчас меньше сил, чем у союзников, его разбросанные корпуса могут подойти к нему раньше, чем подойдут австрийские, и тогда русская армия, покинув выгодную ольмюцкую позицию, опять попадет в тяжелое положение.

Были у Кутузова и другие серьезные соображения, которые он не высказывал на военном совете. Еще после Ульма, слушая оправдания и слезливую болтовню Макка, разгадал Кутузов, что Наполеон отпустил австрийского генерала не по доброте душевной, не из рыцарских побуждений, а поручил Макку за спиной у русских предложить австрийскому императору мир.

В предстоящем сражении под Аустерлицем австрийцы собирались выставить всего 16 000 солдат — в пять раз меньше того, что выставили русские. Но даже и эти 16 000 не могли выдержать никакого сравнения с таким же количеством русских солдат.

Решение Александра о наступлении чрезвычайно обрадовало Наполеона. Он понимал, что в случае отступления противника он вынужден будет его преследовать и еще больше ослабит свою армию. Наполеону нужно было сражение. Он хотел разбить союзную армию, пока к ней не подошли все резервы. Но для этого ему нужно было выиграть несколько дней, чтобы подтянуть свои войска. Он решил отойти назад, навстречу подходящим к нему корпусам.

Когда союзная армия двинулась вперед, Наполеон приказал своим арьергардам не упорствовать.

Колонны союзной армии ползли медленно — по 10—12 километров в день, увязали в осенней грязи, на привалах разбредались в поисках пищи и, наконец, через трое суток подошли к Аустерлицу.

Многочисленные шпионы и разведчики сообщали Наполеону о намерениях союзного командования. Ему стало ясно, что сражение произойдет на Аустерлицком поле.

Поле Аустерлица примечательно тем, что в его юго-западной части находится целая система озер и рыбных прудов, образующих вместе с речкой Литавой ряд дефиле, где и разыгралась трагедия русской армии. В центре, возвышаясь над

всем полем, находятся Праценские высоты, на которых решалась участь сражения.

Пока Наполеон готовился к сражению, определились ошибки союзников, о которых писал Энгельс как о первопричине поражения.

Вейротер, «осененный идеей» отрезать Наполеона от Вены, поставил армии задачу обойти правый фланг Наполеона. Обход этот Наполеону ничем не грозил. Для успеха нужен был огромный перевес сил, а союзная армия численностью не превышала французскую, двигалась она медленно, даже без боя делая не более 10—12 километров в сутки, а путь лежал через дефиле, обороняемые противником. Задуманный Вейротером обход был даже выгоден Наполеону. Союзная армия, покидая выгодные Праценские высоты, сама подставляла под удар свой фланг. План Вейротера немедленно утвердили и Александр I и австрийский император Франц, только через полгода спросивший, в чем же заключалась его сущность.

С утвержденной двумя императорами диспозицией боя Вейротер приехал в штаб Кутузова, где был собран военный совет, и долго и нудно читал ее собравшимся командирам. Закончив чтение, Вейротер заявил, что все предусмотрено и гибель Наполеона неминуема, тем более что на этом же поле австрийская армия проводила маневры. Австрийский граф Бубна предостерег Вейротера: «...не наделайте только опять таких же ошибок, как в прошлом году на маневрах, не запутайтесь, как и тогда, на этой местности». Оставив без внимания это замечание, Вейротер на вопрос, что делать, если Наполеон сам перейдет в наступление, ответил: «Это не предвидится...»

Большинство собравшихся понимало, что диспозиция никуда не годится, но, во-первых, она была уже утверждена, а во-вторых, другой быть уже не могло: до начала сражения оставалось несколько часов.

Кутузов во время чтения диспозиции безучастно слушал Вейротера, молчал, а потом посоветовал всем перед боем выспаться.

Кутузов был против наступления. Он как никто в армии союзников понимал создавшееся положение. Сам же Кутузов не в состоянии был отменить сражение, изменить весь план войны, а только это могло изменить судьбу русской армии. Все остальное: сопротивление императорским приказам, споры с австрийскими генералами и даже уход в отставку, — не спасло бы его от ненависти царя, а русскую армию от разгрома.

Он не мог решительно противопоставить свое уменье мнениям двух императоров, их свите, венскому двору и австрийскому генералитету. Но в этом проявились не карьеризм и лживость, а величайшая драма Кутузова.

Это была драма и Суворова, и всех передовых людей России, видевших не раз, как цари губят страну, народ, армию, и бессильных помешать этому. Кутузов понял, что «плетью обуха не перешибешь». И так же, как Суворов прикрывался чудачеством, так Кутузов усвоил себе манеру во всем соглашаться, но в интересах России и русской армии все делать по-своему.

Люди, ненавидевшие и не понимавшие Кутузова, постоянные посетители великосветских петербургских салонов, говорили о нем как о лживом царедворце, готовом ради личной карьеры пожертвовать интересами русской армии; в качестве примера они указывали на его поведение под Аустерлицем. Способствовал распространению этих разговоров в первую очередь и сам царь, главный виновник Аустерлица. Он сказал:

«Я был молод, неопытен, и Кутузов должен был удержать меня от сражения».

На кровавом Аустерлицком поле русская армия расплатилась за навязанную ей систему «павловщины», которая слепо скопировала отжившую прусскую военную систему. Против слаженных, органически слитых из трех родов оружия корпусов и дивизий Наполеона стояли колонны случайно сведенных частей, солдаты которых стреляли в два с половиной раза медленней французских.

Русская армия расплачивалась за отсталую, заимствованную у Пруссии военную систему, которая устами ее поборника — Александра I — требовала, чтобы солдаты шли по полю сражения в ногу.

У Кутузова оставалась только надежда на беспримерную храбрость русских солдат, на то, что в ходе боя правильным решением он сумеет спасти положение.

Над полем Аустерлица, в далекой Моравии, глубокая ночь. Русским солдатам запрещено покидать строй, и каждый лег там, где стоял.

Иногда со стороны противника доносились крики и шум. Это Наполеон объезжал лагерь. Он праздновал годовщину своей коронации. Солдатам читали его приказ. Французские солдаты верили своему полководцу, верили в победу и готовились к ней.

Русские солдаты в глубоком молчании ждали утра.

В осеннее туманное утро по рядам окопавшихся солдат пронеслась протяжная команда: «Вставай!» Армию подняли и

повели в бой. Кутузов ехал впереди четвертой колонны, которой командовал австрийский генерал Коловрат, и эта колонна оказалась единственной, действиями которой Кутузов имел возможность руководить.

Четвертая колонна заняла Праценские высоты. По диспозиции она должна была следовать дальше, но Кутузов ее задержал. «Он верно оценил значение Праценской высоты и считал, что ее не следует легкомысленно оставлять. По меньшей мере русским главнокомандующим руководил в этом случае счастливый инстинкт, но, вероятно, что-либо и лучшее», — писал об этом прусский военный историк Юстров. Кутузовым руководило особое чутье местности, которым одарен подлинный полководец, понимание природы сражения и тактики врага.

Слева в болотистую долину ушла уже половина армии под командованием Буксгевдена, но там был и Дохтуров.

Справа от Кутузова, вдоль Брюннского шоссе, наступал Багратион.

Вейротер все время требовал, чтобы четвертая колонна ушла с высот, так как оба императора и австрийский генералитет считали, что, испуганный якобы неожиданным ударом, Наполеон будет обороняться на месте или позорно покинет поле боя. Кутузов все же не покинул Праценские высоты и стал готовиться к сражению.

На другом конце Аустерлицкого поля, окруженный маршалами, стоял Наполеон. Его знака ждали корпуса Мюрата, Сульта и Бернадота — около 50 000 солдат из 70 000, которыми он располагал. Маршалы рвались в бой. Наполеон медлил. Он ждал, пока освободятся Праценские высоты, не решаясь на трудный во всех условиях боя фронтальный удар.

Маршал Султ просил разрешения атаковать высоты.

— Сколько вам надо времени, чтобы их атаковать? — спросил Наполеон.

— Четверть часа.

— Подождем еще.

То ли шпионы передали Наполеону план союзного командования, о чем имеются некоторые данные, то ли он действительно разгадал диспозицию Вейротера, но он упорно ждал, пока русские уйдут с высот.

Так они стояли в это туманное утро, два великих полководца, не видя, но отлично понимая друг друга.

Неизвестно, как бы развернулось сражение, как провели бы бой молодой, поднимающийся к зениту своей славы полководец, собравший в кулак всю свою армию, и старый,

умудренный боевым опытом, замечательный русский генерал, если бы он был подлинным главнекомандующим союзной армии.

Недовольный Кутузовым, Александр I прискакал на Праценские высоты, и свита услышала трагический для Аустерлица диалог, переданный Волконским:

«Александр Михайло Ларионович! Почему не идете вперед?»

Кутузов. Я поджидаю, чтобы все колонны собралась.

Александр. Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки!

Кутузов. Государь! Потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете...»

Император приказал. Он толкнул с высот четвертую колонну, а с ней и всю русскую армию на гибель.

— Теперь пора, — просили Наполеона маршалы.

— Господа, — ответил Наполеон, — когда неприятель делает ошибку, мы никоим образом не должны прерывать его. Подождем еще двадцать минут.

Но вот уже стало ясно, что русские войска идут вниз, освобождая высоты. Момент, который выжидал Наполеон, наступил.

— Солдаты! — закричал он. — Враг подставил себя под ваши удары, мы покончим с войной одним ударом грома...

Передовые части четвертой колонны были смяты и раздавлены. Она сдерживала атаку с фронта, но была атакована с фланга. Французы заняли Праценские высоты. Русские войска стремились отбить их.

Кутузов лично участвовал в бою; Милорадович, Каменский один за другим водили полки и бригады в контратаки. «Знамена вперед!.. Знамена вперед!..» — раздавалась команда и пехота, лейб-улань, конная гвардия, кавалергарды, казаки в течение двух часов, сменяя друг друга, устремлялись в бой, но все напрасно. Силы были неравны, удар противника внезапен.

Спасти положение мог только сильный резерв, но Кутузов его не имел, он не был предусмотрен диспозицией Вейротера. Помочь мог Буксгевден, и Дохтуров указывал ему, что обстановка в корне изменилась, решающий бой идет в центре, там гибнут русские войска, что и Сульт также подставил свой фланг, по которому выгодно бить.

Но все тщетно.

Фридрих-Вильгельм Буксгевден был непоколебим. Он точно выполнял параграф диспозиции. Сдерживаемый Даву, отказав в помощи гибнущим частям центра, он медленно

продвигался вперед, все больше подставляя свой фланг и тыл.

Центр был прорван. Все попытки Кутузова остановить войска оказались безуспешными. Сам он был ранен, рядом с ним убили мужа его дочери Тизенгаузена, бросившегося со знаменем вперед.

Кутузов медленно отходил с одной бригадой, пытаясь все же выйти из-под удара и перейти к обороне.

Справа еще дрался Багратион, героически сдерживая атаки корпуса Ланна, сражаясь до последней возможности. Слева находилась главная масса войск — колонны Буксгевдена. Кутузов послал ему приказ немедленно отходить.

Выполнение этого приказа сохранило бы большую часть русской армии и могло изменить результат сражения.

Тупое самомнение и полное непонимание обстановки мешали Буксгевдену подчиниться приказу Кутузова. Он продолжал бессмысленное, гибельное наступление.

Наполеон, прорвав центр и бросив на одиннадцатитысячный отряд Багратиона восемнадцатитысячный корпус Ланна, все свои силы обрушил на тыл колонн, заведенных Буксгевденем в озерные дефиле. Только теперь понял Буксгевден, что надо отходить. Но было уже поздно.

Началась аустерлицкая катастрофа. Войска, прорываясь из окружения, устремились через мельничную плотину, но мельница загорелась от артиллерийского огня, путь оказался отрезанным.

Войска переправлялись через реку Литаву по мосту, но мост рухнул, — был отрезан и этот путь. Солдаты бросились на лед, едва покрывший пруды и озера. Лед подломился, люди тонули.

С высоты в упор по запертым в дефиле, по гибнущим в воде людям били десятки французских орудий.

Это была бойня.

Буксгевден бежал, бросив войска. Из окружения их выводил Дохтуров; ему обязаны спасением те, кто уцелел в аустерлицком аду.

Над полем опустилась ночь. Наполеон приостановил преследование войск. Победа и без того была полная.

Где же были оба императора, Вейротер, Долгоруков, Аракчеев, вся свита, все «герои», жаждавшие сражения?

Они бежали. Постыдно бежали при первой же неудаче, а Аракчеев и вовсе не появлялся в тот день в районе боя.

За царями бежали их свиты, генералы и явившиеся было благодарить бога за победу попы в полном облачении. По дорогам мчались обозные фуры и коляски придворных. Этот

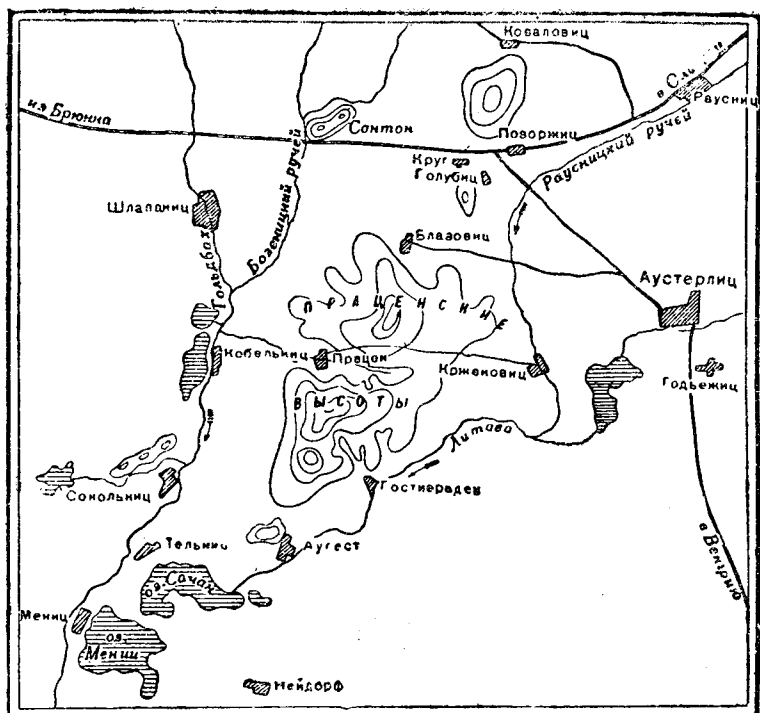

Схема Аустерлицкого поля сражения

позорный кортеж открывала царская карета, в которой уносил ноги гофмаршал Толстой.

Разнесся слух, что Кутузов убит, царь ранен и все гибло... Но Александр был жив и невредим.

В ночь, когда раненный в лицо Кутузов, Дохтуров и Багратион собирали измученных и раненых солдат, чтобы отразить новые удары врага, император и вся свита его благополучно отбыли из Австрии.

В то же утро в избушке австрийского крестьянина рыдал старик Кутузов. Друзья пытались успокоить его, напоминали, что в самые страшные минуты боя, раненый, видя смерть Тизенгаузена, он оставался спокоен.

— Вчера я был полководцем, — сдерживая рыдания, отвечал Кутузов, — сегодня я отец...

Кутузов оплакивал не только смерть родного человека, и не своя рана вызвала у него слезы.

— Рана здесь, — указывал он на бегущих по Аустерлицкому полю солдат, когда ему кричали, что он ранен в щеку.

Тысячи русских солдат, погибших под Аустерлицем, в болотах и озерах, тысячи героев, сражавшихся в окружении, расстреливаемых в упор, продолжавших борьбу, так же как Кутузов, были неповинны в поражении русской армии.

Даже в «Описании войны 1805 года», сделанном по повелению Николая I, автор вынужден был признать героизм русских воинов. Он описал, как нижние чины одной батарейной роты, невзирая на отлучку офицеров, оставшись без прикрытия, остановились и открыли пальбу. Окруженные французами, они все же прорвались и через четыре дня под командой фейерверкера пришли в свою часть.

В Азовском полку раненый унтер-офицер Старичков, видя гибель полка, сорвал с древка полковое знамя и спрятал у себя на груди.

Умирая в плену, он передал боевое знамя товарищу, который сберег его и принес после войны в Россию.

Нарвского мушкетерского полка рядовой Нестеренко, тоже попав в плен, спас знамя полка, бежал из плена и принес знамя Кутузову.

Русская армия возвращалась на родину после Пресбургского мира в 1806 году. Долго еще к ее колоннам присоединялись бежавшие из плена храбрецы, прошедшие через Силезию, через леса и горы Богемии и разными путями пробивавшиеся к своим после страшного боя, в котором они потеряли двадцать пять тысяч товарищей, посланных на гибель русским царем.

Когда всем стало известно, что виновник аустерлицкого поражения сам русский император, а не Кутузов, Александр I еще больше возненавидел Кутузова и, удалив его из армии, назначил генерал-губернатором Киева.

Современники писали, что Михаил Илларионович был очень доступен населению, вникал в его нужды, заботился о благоустройстве города.

Оттуда, издали, наблюдал Кутузов, как в 1806 году в войне между Пруссией и Францией под ударами армии Наполеона затрещала прусская военная доктрина и рухнуло призрачное военное могущество Пруссии, как перестала существовать прусская армия, обреченная на гибель своими же руководителями, разгромленная под Иеной и Ауэрштедтом.

Одержав победы под Иеной и Ауэрштедтом, Наполеон

прошел всю Пруссию я, став хозяином в этой стране, издал в Берлине свой знаменитый декрет о континентальной блокаде Британских островов. Наполеон для осуществления континентальной блокады должен был подчинить себе всю Европу и в первую очередь Россию.

Французская армия двинулась к русским границам, и началась новая война — 1806—1807 годов.

Долго искал Александр главнокомандующего для русской армии, но имени Кутузова он и слышать не мог. Потребовались новые поражения в войнах, чтобы заставить Александра вернуть в армию великого полководца. Но пока он готов был назначить кого угодно, только не Кутузова, которого ненавидел.

В декабре 1806 года царь назначил главнокомандующим армией выжившего из ума старого генерала Каменского, который спустя несколько дней под предлогом болезни бросил войска и уехал, умоляя с пути Александра отпустить его в деревню доживать свой век. Каменского сменил Беннигсен.

Русская армия ненавидела и презирала Беннигсена. Он в продолжение всего времени играл предательскую роль.

Выходец из Ганновера, воевавший против России, затем перешедший на русскую службу и при этом заявивший, что он «в российском подданстве быть не желает и на то присягою не обязан», типичный наемник и казнокрад, он привел русские войска в 1807 году под Фридрихсборгом к поражению.

России был навязан Тильзитский мир.

По мирному договору, заключенному в Тильзите, Наполеон получал полную свободу действий в Западной Европе. Россия признала его захваты и подчинилась континентальной блокаде. Взамен этого Наполеон выразил согласие на занятие Россией Финляндии и обещал поделить Турцию.

Но только обещал. Натравив Турцию на Россию в 1806 году, он все время то явно, то тайно поддерживал ее в борьбе против России. Война между Россией и Турцией длилась 5 лет, у русских сменились 4 главнокомандующих, но победить турок не удалось. И только когда стала очевидной неотвратимость новой войны с Францией, в которой должна была решиться судьба России, и мир с турками стал крайне необходим, Александр I понял, что только Кутузов может спасти положение. Он вынужден был назначить его главнокомандующим Дунайской армией.

Возвращение в армию талантливейшего полководца явилось не только поворотным моментом в ходе русско-турецкой войны, но и повлияло на ход военных событий во всей Европе.

Глава VII

Был апрель 1811 года. У сильнейшей турецкой крепости Шумлы собралась шестидесятитысячная армия великого визиря; султан приказал ей перейти в наступление, решив вернуть все крепости и провинции, занятые Россией. Русские войска, изнуренные пятилетней войной, оказались в крайне трудном положении. Из 9 дивизий 5 были уже отозваны Александром для переброски на запад; вместо 85 000 солдат, которыми располагали Прозоровский и Каменский, Кутузову оставили 46 000, да и те были растянуты по Дунаю на фронте в 1 000 километров.

Александр требовал, чтобы Кутузов с этой армией добился решающей победы (Прозоровский на это просил 150 000 солдат) и заключил мир на условиях, которые султан не раз уже отвергал. Теперь же, узнав, что русские войска, которым турки сопротивлялись пять лет, уменьшились вдвое, султан о мире и слышать не хотел. Не допускал этого и Наполеон.

Кутузов отказался от осады и штурмов укрепленных позиций и крепостей.

— Важно не крепость взять, а войну выиграть, — говорил Кутузов. В своих действиях он не слепо копировал Суворова, а, возрождая суворовские традиции, в новых условиях, в крайне сложной обстановке, искал новых стратегических решений.

Из суворовской «Науки побеждать» Кутузов взял ее основу — разгром живой силы противника, но решил эту задачу по-своему.

Он не только отказался от штурма крепостей, но даже очистил занятые укрепления Силистрии и Никополя, срыв их, чтобы они не достались и туркам. Растянутую кордоном армию (наследие австрийской школы Ласси) Кутузов сосредоточил к важнейшим стратегическим направлениям, собрав главные силы у крепости Рушук. Фланги он прикрыл сильными отрядами, но правый фланг все же оставался в опасности, потому что на Дунае у крепости Виддина стояли 400 турецких судов и турки могли быстро переправиться через реку и зайти в тыл русской армии. Но Кутузов устранил и эту опасность.

Зная о постоянных раздорах турецких пашей, он восстановил против великого визиря виддинского пашу, купил у него все стоящие у Виддина суда и угнал их.

Кутузов решил выманить визиря из Шумлы. «Может быть, писал он царю, — завлеку я тем неприятеля в сражение на равнинах...»

Расчет Кутузова оправдался.

Визирь действительно намеревался использовать суда вид-

динского паши, но их уже не было, и визирь двинулся к Рушуку, где его терпеливо поджидал Кутузов.

Позиция, на которой расположилась русская армия, была открытой для атак с фронта и с левого фланга, а в четырех километрах за ней протекал Дунай, и при неудаче русские войска, прижатые к реке, могли бы быть истреблены. Эта позиция была «не совсем выгодная, но единственная», как определил ее сам Кутузов. Он не думал о неудаче и смело шел на риск, зная, что решающее значение в бою имеет не столько позиция, сколько войска, защищающие ее. В своих же солдатах и командирах он был уверен, хотя их было только пятнадцать тысяч против шестидесятитысячной турецкой армии.

Сорокалетний опыт боев с турками убедил его, что опасны лишь их первые отчаянные атаки, особенно стремительные атаки их конницы.

Но Кутузов знал, что в открытом полевом бою русские войска дерутся неизмеримо лучше турецких и, если отразить первые атаки турок, они потеряют решимость.

План боя под Рушуком был построен на основе огромного боевого опыта полководца, на глубоком знании противника, а главное — на знании силы русских солдат, способных отразить бешеные атаки вчетверо сильнеешего противника.

Первую атаку турецких войск русские отразили огнем. Тогда визирь атаковал правый фланг и, отвлекая туда внимание Кутузова, обрушил десять тысяч анатолийских всадников на левый фланг русской армии.

Левый фланг был смят, турецкая конница прорвалась в тыл русской армии, отрезав ее от переправ на Дунае.

Со стороны Рушука турецкую конницу встретила русская пехота, а Кутузов, повернув кругом свою кавалерию, атаковал зарвавшихся турок и остановил их продвижение. Немедленно вслед за кавалерией он бросил в контратаку каре егерей, и турецкая конница, потеряв половину своего состава, начала отходить.

Переломный момент боя, которого ждал Кутузов, настал. Он стремительно бросил все силы в общее контрнаступление.

Разбитая турецкая армия обратилась в бегство. Великий визирь на почтительном расстоянии от Рушука торопливо окапывался, ожидая со дня на день нового удара русской армии. Но Кутузов даже не преследовал противника. Через три дня он взорвал и покинул крепость Рушук, стоившую русским столько потерь, и, очистив правобережье, перешел со всей армией на левый берег Дуная.

Узнав, что Кутузов также отступил, визирь был изумлен и не мог понять, что это значит. Затем, решив, что побежден,

очевидно, не он, а Кутузов, донес в Константинополь о разгроме русской армии и бегстве Кутузова за Дунай. В Константинополе отпраздновали победу, султан щедро наградил визиря и радостно сообщил о победе Наполеону. Очень доволен был и Наполеон. Но больше всех радовался Кутузов, хотя его действий никто не понимал в русской армии, и, как всегда, меньше других их понял Александр I, гневно потребовавший объяснений.

Кутузов писал царю: «Я по совершенному убеждению принял мысль тотчас после одержанной над визирем победы оставить Рушук; сие только и можно было произвести после выигранной баталии; в противном случае казалось бы то действием принужденным; и ежели бы вместо выигранного сражения была хотя малая неудача, тогда бы должно было переносить все неудобства и для чести оружия не оставлять Рушук. Итак, несмотря на частный вред, который оставление Рушук сделать может только лично мне, а предпочитая всегда малому сему уважению пользу государя моего, я, выведя жителей, артиллерию, снаряды, — словом, все, и подорвав некоторые места цитадели, перешел 27-го числа на левый берег Дуная».

А рвавшимся в бой офицерам Кутузов объяснил:

— Если пойдем за турками, то, вероятно, достигнем Шумлы, но потом что станем делать? Надобно будет возвратиться, как и в прошлом году, и визирь объявил бы себя победителем. Гораздо лучше ободрить моего друга Ахмет-бея, и он опять придет к нам.

И Кутузов терпеливо ждал. Мудрый и неторопливый, он умел выжидать и использовать время, а главное — ошибки противника.

Как показали дальнейшие события, русский полководец и на этот раз оказался прав.

Ободренный бездействием русских войск и подгоняемый Наполеоном и султаном, великий визирь усилил свою армию до 70 000 человек и двинулся через Дунай на позиции русской армии. Около 50 000 он переправил на левый берег и расположил против русских укреплений, а на правом берегу оставил лагерь — 20 000 солдат, знамена, продовольствие, вооружение.

Все это не ускользнуло от внимания Кутузова. С помощью лазутчиков он следил за каждым движением турецкой армии.

Темной осенней ночью далеко от лагеря, вверх по течению Дуная, куда не добирались турецкие разведчики, скрытно переправился на правый берег отряд генерала Маркова,

5 000 пехоты и 2 500 кавалеристов и казаков к рассвету были уже на правом берегу.

Первыми с анатолийской конницей столкнулись казаки, поддержанные пехотой. Опрокинув неприятельскую кавалерию, русские появились на высотах вблизи турецкого лагеря.

Паника у турок была полная. Русские взяли в плен 20 000 солдат, захватив огромный лагерь со всеми запасами оружия и провианта, потеряв при этом всего девять убитых и сорок раненых.

Быстро установив в захваченном лагере орудия, русские открыли огонь в тыл туркам, находившимся на левом берегу.

Следивший за действием отряда Маркова Кутузов немедленно бросил в атаку все свои силы, прижимая турок к Дунаю. Подошли суда русских, вооруженные пушками. Семидесятитысячная турецкая армия великого визиря была полностью окружена. Кутузову стало известно, что визирь намерен бежать. «Пусть бежит», — решил Кутузов. Он знал, что по турецким законам визирь, находясь в окружении, не имеет права вести переговоры о мире, а Кутузову прежде всего нужен был мир. Ночью на небольшой лодочке визирь бежал.

Наутро к нему явился адъютант Кутузова с букетом цветов и, поздравив от имени Кутузова с благополучным бегством, предложил вступить в переговоры о мире.

В надежде на помощь окруженные турки пытались держаться, однако русские захватили турецкие крепости Туртукай и Силистрию, и на важнейшие направления были брошены отряды, преградившие путь турецким резервам.

— И кто мог бы это предвидеть, этого ожидать! Поймите этих собак, этих болванов турок, у которых дарование быть битыми!.. — воскликнул Наполеон, узнав о разгроме турецкой армии. Дружбу с султаном пришлось прервать. Планы Наполеона использовать Турцию в войне против России рухнули.

В окруженной турецкой армии начался голод, вспыхнули эпидемии. Приближалась зима, армия могла вся погибнуть. Кутузов сначала посылал осажденным сухари, а потом предложил до перемирия «взять на сохранение», предупреждая турок, что иначе они перемрут.

Турецкая армия перешла «на сохранение» Кутузову. Александр I был недоволен, считая, что надо было требовать полной капитуляции, а взяв «на сохранение» турецкую армию, Кутузов унизил достоинство русского оружия. Но главнокомандующий Дунайской армией объяснил царю, что султан, подстрекаемый Наполеоном, не шел на капитуляцию, а если

бы турецкие войска вымерли или сдались, визирю совсем незачем было бы спешить с миром. Подкармливая же турок, русские тем самым подталкивали султана скорей заключить мир, чтобы спасти хоть треть уцелевшей армии, состоявшей из отборных турецких солдат.

Талантливый полководец тогда же проявил себя не менее способным дипломатом и накануне вторжения Наполеона в Россию успел подписать с Турцией мир. Именно успел, ибо Александр I, как всегда недовольный Кутузовым, прислал нового командующего Дунайской армией — адмирала Чичагова, впоследствии бесславного героя Березинской операции.

Кутузов почтительно сдал дипломатические дела и, покидая русскую армию на Дунае, обратился к ней со следующим приказом:

«...Обратим внимание на подвиги, столь славно сопровождающие все дни кампании 1811 года. Чего не превозмогли Вы, дунайские воины... 60 тысяч надменных турецких войск под предводительством верховного визиря мечтают перенести владычество свое в места, Вашим мужеством и кровью приобретенные; но 12 тысяч из среды Вашей смиряют их кичливость и обращают в бег. Сей удар блистательного оружия поразил силы многочисленных толп турецких, собранных из всех концов Оттоманской империи, до такой степени, что до 28 августа в войне наступательной с силами превосходными не имел неприятель довольной твердости сделать какое-либо покушение на нас, спокойно расположенных по Дунаю, но и тут готовили Вы ему новый удар. Кто не участвовал, тот с восторгом видел блистательный переход на правый берег, взятие и истребление императорского лагеря, трофеи, пленных и необыкновенную добычу, храбрыми приобретенную. Наконец, взятие Туртукая, падение Силистрии со всюю артиллерией поразили дух неприятельский до того, что оную, составленную некогда из отличнейших азиатских арнаутских войск и цареградских янычар, на сей стороне находившуюся стесненную армию с предводителем ее трехбунчужным пашою визирем Чабак-оглы, многими другими, с татарскими султанами, 50 пушками, храбростью и бедствиями утомленную, повергли Вы... Дунайская армия... славу к славе приложившая, останется навсегда незабвенною в сердцах патриотов в любезном нашем отечестве... Расставаясь со здешней армией, приношу чувствительнейшую благодарность мою всему вообще войску за ту любовь, которая оградила меня употребить власть, высочайше мне предоставленную, к обращению кого-либо силою к своим обязанностям. Воспоминание сего оста-

нется навсегда неизгладимым в сердце моем и сопровождать
будет лучшие часы жизни моей...

Бухарест, 12 мая 1812 г.

Подлинный подписал генерал граф К у т у з о в.

Кутузов уехал в свое поместье Горошки, Волынской губернии. Он был отстранен от командования в тот момент, когда к западным рубежам России уже подходила армия французского императора, почти два десятилетия не знавшая поражений.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I

«...Я не могу быть спокоен за свои успехи в Европе, пока в России каждый год прибавляется полмиллиона детей», — так выразил Наполеон свое опасение в том, что, развиваясь, Россия может стать серьезным соперником Франции. Ему нужно было подчинить Россию своей политике, поработить ее народ, ограничить его развитие и сделать самостоятельное, жизнеспособное государство — Россию — колонией буржуазной Франции. Наполеон мечтал стать повелителем мира, а для этого ему надо было сокрушить английское могущество, но это было невозможно, не покорив Россию. Терпела неудачу и экономическая континентальная блокада. Осуществляя политику экономического удушения Англии, Наполеон наводнил Европу своими войсками и агентами, которые конфисковывали, сжигали, выбрасывали в море товары, прибывшие из Англии, и не допускали отправки в Англию сырья и продуктов. Вся Европа была подчинена этой политике и окончательная ее победа означала бы для Наполеона полное владычество.

Но блокада нарушала интересы русского дворянства, на которое опирался Александр. Бойкот английских товаров сокращал англо-русскую торговлю, а значит и сбыт сельскохозяйственных продуктов — основных товаров помещицкой России.

Это привело к тому, что Россия нарушила условия Тильзитского мира, и фронт блокады оказался прорванным в России.

Наполеон узнал, что под видом нейтральных кораблей в порты России прибывают суда с английскими товарами. Александр ввел высокий таможенный тариф на предметы роскоши, ввозимые главным образом из Франции.

Наполеону стало ясно, что пока он не завоюет Россию, политика континентальной блокады, которая не могла долго продолжаться, так как она ухудшала экономическое положение самой Франции, потерпит крах. Решить все вопросы должна была новая война, и Наполеон начал подготовку к вторжению в Россию.

Он внимательно изучал театр предстоящих военных действий, прочитал все имеющиеся на французском языке описания операций в Польше и России. Особенно внимательно Наполеон изучил историю похода Карла XII. На французский язык были переведены для него лучшие сочинения о русской армии, русские карты.

Подготовке к войне Бонапарт придал огромный размах, охватив ею почти все завоеванные им страны Европы. Короли, князья и герцоги, превратившись в вассалов Наполеона, угодливо старались ему служить, помогать в войне с Россией.

Трусливый король Фридрих-Вильгельм III Гогенцоллерн по требованию даже не самого Наполеона, а его министра услужливо обеспечил французским корпусам путь через Пруссию.

Сотни тысяч пудов пшеницы и ржи, овощей, мяса, сена, овса, миллионы бутылок вина и пива, тысячи лошадей для кавалерии и обозов отдал прусский народ за долги прусской монархии, получая взамен от французов налоговые квитанции.

В глубокой тайне формировались во Франции и Пруссии, в Австрии и Голландии, в Польше, Италии и Португалии части великой армии для нападения на Россию. В Париже пополнялась отборными людьми краса и гордость наполеоновской армии, ее главный резерв — императорская гвардия.

Особенно заботился Наполеон о формирований огромных масс конницы и увеличении артиллерии. Он предусмотрел все мелочи, необходимые в этом грандиозном походе. Подготовка нападения маскировалась вероломными заявлениями о миролюбии императора, о дружбе с Россией. Наполеон, прикрываясь этой завесой дипломатической лжи, готовился к войне. Сотни шпионов и диверсантов проникали в Россию, забываясь в пограничные города, в московские салоны и петербургские придворные канцелярии.

День за днем руководил Наполеон из Парижа движением к Висле своих корпусов, днем и ночью прибывали к нему донесения маршалов, доклады интендантов, сообщения шпионов из России, Польши, Австрии, Пруссии.

Подготовка вторжения подходила к концу. Но даже в последние дни перед отъездом из Парижа на Вислу Наполеон попрежнему стремился скрыть свои намерения. Своим приближенным он приказал покинуть Париж заблаговременно,

запретив им даже попрощаться с родными. Употребив изощреннейшую дипломатическую ложь, Наполеон избежал встречи с русским послом Куракиным, добивавшимся от него объяснения, и, обманув его, покинул Париж.

И только днем позже, 10 мая 1812 года, в газете „Moniteur“ появилась заметка:

«Император отбыл сегодня из Парижа для осмотра собранной на Висле великой армии».

Сознавал ли Наполеон, начиная войну с Россией, какие затруднения она принесет Франции? Видел ли он опасности, которые она таит? Многие заставляло его и наиболее благоразумных его соратников с тревогой задумываться.

Не допуская мысли о поражении, Наполеон понимал все же, что ведет свою армию сражаться с лучшими в мире русскими солдатами, и поход будет нелегким. Путь от Франции до России лежал через порабощенные им страны. Агенты и ставленники Бонапарта вместе с монархами и князьями, лебезившими и заискивавшими перед ним, подавляли малейшие попытки покоренных народов к восстанию. Но Наполеон сознавал, что это только до поры до времени, до тех пор, пока он силен и власть его неограниченна.

Народ Испании несколько лет вел беспримерную героическую борьбу с войсками Франции, и конца этой борьбы не было видно.

Народ Франции был недоволен политикой императора. Народ не хотел воевать ради интересов крупной буржуазии. Франция переживала тяжелый экономический кризис. Мастерские опустели, рабочие были без хлеба. Появились афиши с призывом к мятежу. В Нормандии вспыхнуло голодное восстание. Наполеон больше всего боялся голода в стране накануне самой войны, однако он надеялся и этот вопрос решить своим обычным средством — военной победой. Но одна война сменяла другую, гибли сотни тысяч людей, народ не видел этому конца, и новые призывы в армию вызывали сопротивление населения. Отряды жандармов охотились за уклонившимися от рекрутчины людьми. За уклонение от призыва отвечал не только рекрут, но и семья, и родственники, и все те, кто дал работу или еду дезертиру.

Если уклонялись от мобилизации французы, то что же можно было сказать о рекрутах других стран? Маршал Удино в первые же дни похода сообщал, что в швейцарском, да и в других полках имелись сотни больных и слабых; маршал объяснял это тем, что рекруты были приведены к нему в кандалах, истомленные, обессиленные. Маршал Ней тоже доносил, что рекруты портят его старые испытанные батальо-

ны. В Померании крестьяне уговаривали своих земляков-солдат бежать, и каждый дезертир мог рассчитывать, что крестьяне укроют его и накормят. Один из полков пришлось даже на ночь окружить специальными патрулями. Маршал Даву приказал каждого отставшего расстреливать, как дезертира.

Не так охотно, как раньше, вели на войну свои корпуса и многие маршалы. Некоторым, разбогатевшим в войнах и походах, пресытившимся успехом и славой, не так уж хотелось покидать Париж и опять идти за неугомонным императором навстречу опасностям и лишениям.

Но Наполеон верил в непобедимость своей армии. Ему казалось, что нет конца его силе. По всей Европе сплошным потоком шли его корпуса на Россию.

Шли десятки тысяч кавалерии, могущественная артиллерия, шла гордость Наполеона — лично ему подчиненная императорская гвардия под командованием маршалов Лefевра, Мортье и Бесьера. Двигались на Россию польские легионы, баварские и саксонские, прусские и австрийские, голландские и итальянские, швейцарские и португальские полки — почти всех стран Европы.

Ими командовали прославленные маршалы Франции Ней и Даву, Мюрат и Богарне и много других храбрых, опытных и честолюбивых генералов.

Пронесаясь в своей карете мимо войск, Наполеон слышал приветственные крики. Он видел в рядах старых боевых ветеранов, любивших своего полководца и веривших в него. Они помогли Наполеону увлечь и значительную часть молодых солдат, которых опьяняла близость легкой победы, славы, наград, почестей.

Вот что писал молодой французский солдат своему отцу:

«...Мы вступим сначала в Россию, где мы должны посражаться немного, чтобы открыть себе проход дальше. Император должен прибыть в Россию, чтобы объявить войну их ничтожному императору. О, мы скоро расколотим их в пух и прах! Ах, отец, идут удивительные приготовления к войне. Старые солдаты говорят, что они никогда не видали ничего подобного. Это правда, ибо собирают огромные силы. Мы не знаем только, против одной ли России это. Один говорит, что это для похода в Индию, другой — что для похода в Египет, не знаешь, кому и верить. Мне все равно. Я хотел бы, чтобы мы дошли до самого конца света».

Наполеон прибыл в Дрезден. Его окружили австрийский император и прусский король, министры и дипломаты, герцоги

и князя, их дочери и жены — все они буквально пресмыкались перед ним.

Покинув Дрезден, Наполеон направился к берегам Немана, где начиналась необъятная страна, заселенная великим русским народом.

24 июня 1812 года с границы, «взятой в кредит» у польских панов, без объявления войны, Наполеон начал вторжение в Россию.

Европа в напряженном молчании ожидала развязки событий.

Глава II

В том, что русская армия будет разбита в первом же пограничном сражении, никто в Европе не сомневался. И не только потому, что всемогущим казался Наполеон, но и потому, что Александр I плохо подготовил Россию к войне 1812 года. Континентальная блокада сократила экспорт России и пагубно отражалась на ее экономике. Непрерывные войны требовали все новых расходов и расстроили финансы России. Разрыв с Англией после Тильзитского мира бил по интересам дворянства, вызвал его недовольство, и в столичных салонах открыто и резко осуждали политику царя. Оказалась недовольной и буржуазия. Начавшееся развитие русской промышленности тормозилось крепостным правом. Крестьянство изнемогало от рекрутчины, от податей и налогов. Обещанные Александром I при вступлении на престол реформы осуществлены не были, и крестьянство глухо роптало.

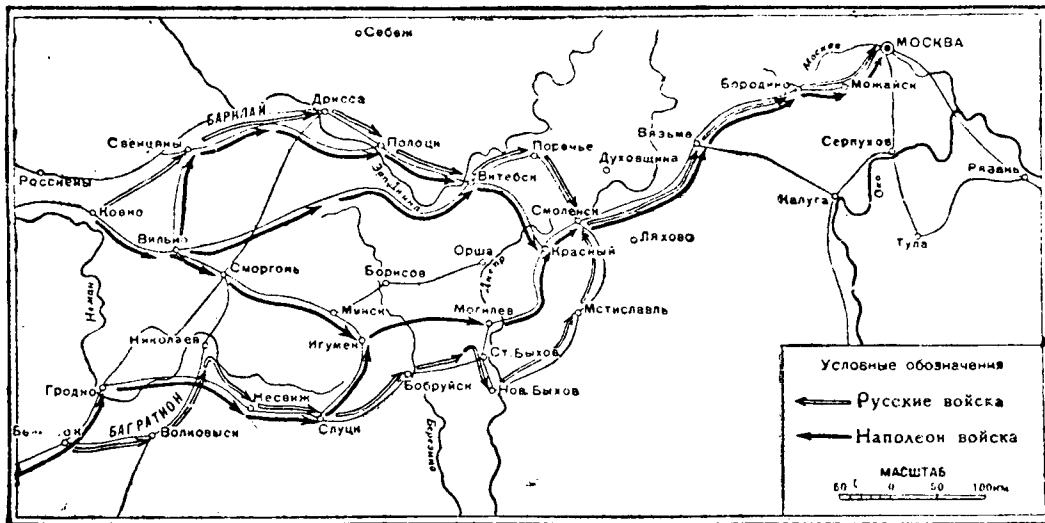
Дипломатические успехи, достигнутые перед войной, облегчали положение России, но коренным образом соотношения сил в Европе не изменили.

Победа Кутузова и заключенный им Бухарестский мир позволили перебросить часть войск с Дуная на Неман. Договор со Швецией освобождал войска с финляндского театра войны, союз с Англией принес финансовую помощь, а Испания оттянула часть сил Наполеона на себя. Все же вооруженной поддержки ждать было неоткуда.

Перед лицом Франции, за которой шла почти вся Европа, Россия в войне 1812 года оказалась одна.

Против полумиллионной армии Наполеона на западных границах России было только около 200 000 солдат.

Но и эти 200 000 русских воинов были достойными противниками войскам Наполеона. На берегах Немана стояли

Вторжение армии Наполеона в Россию

полки и дивизии, штурмовавшие Измаил и крепости Италии, побывавшие на вершинах Альп и в болотах Польши, на берегах Дуная и Финского залива. Тут были ветераны сражений Суворова, герои кутузовских походов, дважды встречавшиеся с французами и не уступавшие им в бою. Русские оружейные заводы, учрежденные еще Петром I, научились изготавливать хорошие пушки и ружья, часть вооружения поставляла Англия, и к 1812 году русская армия была вооружена не хуже французской.

На основе опыта войн улучшилась и организация войск. Роты, батальоны, полки, батареи, эскадроны были организованы соответственно боевым требованиям, а дивизия, оснащенная артиллерией, стала сильной и удобоуправляемой. Пехота, артиллерия и кавалерия научились взаимодействию в бою. Возродилась суворовская тактика, обогащенная опытом войн с Наполеоном.

Напуганный Аустерлицем, Александр I присмирел и дал волю передовым русским генералам руководить боевой подготовкой армии. Присмирели и любимцы царя. Где им, трусам, вооруженным палками для наказания солдат, вести было воинов в бой.

В 1812 году инструкция офицерам требовала: «Когда фронтом идут на штыки, то ротному командиру должно также идти впереди своей роты с оружием в руках и быть в полной надежде, что подчиненные, одушевленные таким примером, никогда не допустят его одного ворваться во фронт неприятельский...»

Инструкция указывала, что «офицер может заслужить почетнейшее для военного человека название — друг солдата. Чем больше офицер в спокойное время был справедлив и ласков, тем больше в войне подчиненные будут стараться оправдать сии поступки и в глазах его один перед другим стличаться».

Но эта же инструкция требовала, чтобы солдат был прогнан сквозь строй, если он в бою сеет панику, кричит «нас отрезали», а офицер за это же изгонялся из полка. Войскам объясняли, что храбрый не может быть отрезан и, где бы враг ни оказался, «нужно к нему повернуться грудью, идти на него и разбить». Войска закалялись, и от них требовали «к духу смелости и отваге непременно присоединить ту твердость в продолжительных опасностях и непоколебимость, которая есть печать человека, рожденного для войны... Сия-то твердость, сие-то упорство всюду заслужат и приобретут победу».

«Подтвердите во всех ротах, — писал накануне Бородина начальник артиллерии Кутайсов, — чтобы они с позиции не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушке. Сказать командирам и всем господам офицерам, что, только отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции.

Артиллерия должна жертвовать собой. Пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор. Если бы за всем этим батарея и была взята, хотя можно почти поручиться в противном, то она уже вполне искупила потерю орудий...»

Эти замечательные документы, созданные подлинными патриотами родины — суворовскими учениками, отражали суворовские традиции, и в войну 1812 года войска твердо следовали им в боях.

Война 1812 года призвала в строй множество отличных офицеров. Среди них были вернувшиеся из отставки суворовцы, появилась и молодежь.

Любовь к родине, рост культуры в России привели передовую молодежь к необходимости овладения военным искусством, к службе в русской армии. Эта молодежь водила в бои роты, эскадроны, батареи. Из ее среды вышли впоследствии декабристы. На раненого Павла Пестеля Кутузов одел на Бородинском поле орден; много других героически сражались в 1812 году. Руководили этой молодежью старые замечательные суворовцы.

Среди них был Дохтуров, скромный, отзывчивый генерал, сумевший вывести из окружения остатки русских войск под Аустерлицем. Русская армия помнила его слова: «Я никогда не был придворным, не искал милостей в главных квартирах и у царедворцев — я дорожу любовью войск, которые для меня бесценны». Армия платила ему за это горячей любовью и уважением.

Был Ермолов, преследуемый в прошлом Павлом, сидевший в Петропавловской крепости, затем сосланный в Костромскую губернию «на вечное пребывание». В сражении под Прейсиш-Эйлау он увенчал свое имя боевой славой.

Был Раевский, который в кампании 1806 года, раненный в ногу, в течение семи дней, без отдыха, без продовольствия, без подкреплений, не покидал поля сражения; Коновницын, командовавший арьергардом при отходе к Бородину. Назначенный впоследствии воспитателем к будущему царю Николаю I, он написал ему:

«В нужных и необходимых случаях, буде бы отечество потребовало, заплатите собою, прославьте себя, принесите отечеству Вашему услугу, хотя бы то стоило самой жизни». Но Николай Палкин не воспользовался его советами, а сыновья Коновницына примкнули к декабристам и по воле Николая I погибли в ссылке.

Корпусами и дивизиями командовали дельные, храбрые командиры — Неверовский, Лихачев, Монахтин и многие другие.

Войсками России, сосредоточенными на западных границах, руководили лучшие главнокомандующие — Барклай де-Толли и Багратион.

Стройный и гибкий, с характерным лицом грузина, спокойный, мужественный, приветливый с подчиненными и любимый солдатами — таков был главнокомандующий 2-й русской армией Петр Иванович Багратион.

Под стенами Очакова (1788 г.) и на подступах к Варшаве (1794 г.), на полях Италии и вершинах Альп (1799 г.), в Австрии (1805 г.) и опять в Польше (1806—1807 гг.), в Финляндии (1808—1809 гг.) и на Дунае (1809 г.), против поляков, турок, шведов и французов дрался Багратион под руководством Суворова и Кутузова. Он всегда первым вступал в сражение и последним покидал поле боя. Командовал авангардом, когда русские войска шли в наступление, и командовал арьергардом, когда они вынуждены были отступать; находился неизменно там, где был кризис боя, где решалась участь сражения. Тридцать лет из сорока семи лет своей жизни провел он в рядах русской армии и участвовал во всех войнах, которые вела Россия с 1788 по 1812 год.

Барклай де-Толли, командовавший 1-й армией, шотландец по происхождению, сын бедного поручика, с детства начал службу в русской армии и двадцать лет провел в походах и войнах. Это не наемник из иностранцев вроде Беннигсена и ему подобных, стремившихся в России сколотить состояние. Барклай де-Толли отдал России всю свою жизнь, дрался под Очаковым, Бендерами, Аккерманом, в Польше; командуя полком, совершил поход в Австрию. Его мужество и непоколебимость в бою останавливали натиск французских маршалов в войне 1806—1807 годов, и только серьезная рана, полученная у Прейсиш-Эйлау, вынудила его покинуть на время строй. В 1809 году он снова участвовал в операциях против шведов в Финляндии и совершил беспримерный переход по льду Ботнического залива к берегам Швеции.

«Победа и слава храброму войску должны быть покорны», — писал Барклай в приказе своему корпусу перед походом в

Швецию, и поход этот оказался «по трудности только русскому человеку под силу», донес он в Петербург. Но главная заслуга Барклая перед русской армией заключалась в плодотворной работе по организации армии накануне 1812 года, когда он был назначен военным министром России. Он создал «Учреждение о большой действующей армии», сыгравшее громадную организующую роль в управлении войсками. «Непритязательный, настойчивый, решительный и полный здравого смысла», — так характеризовал Барклая де-Толли Маркс.

Командиры русской армии нисколько не уступали по своим боевым качествам командирам армии Наполеона.

Теперь, когда война велась уже не на полях Австрии и не на Дунае, где все могло окончиться дипломатическим торгом, теперь, когда решался вопрос о судьбе России как самостоятельного государства и вся армия, охваченная патриотическими чувствами, была готова на великие подвиги, как никогда, было необходимо четкое, разумное общее руководство войсками. Но прибывший в Вильно император Александр I отдал приказ, что он «будет при армии».

Согласно «Учреждению о большой действующей армии», которое, по представлению Барклая, царь утвердил в 1811 году, прибытие его на театр войны снимало ответственность с Барклая. Царь сам становился у руководства вооруженными силами. Однако хитроумный приказ, гласивший, что царь «будет при армии», можно было толковать как угодно, и Александр, словесно подтвердив Барклаю, что тот остается главнокомандующим, фактически командовать стал сам. Этим было положено начало преступной путанице. Корпусами 1-й и 2-й армий стали одновременно командовать и Барклай, и через голову последнего главнокомандующий Александр I, и окружавшая его свита приближенных генералов.

Тот план войны, который осуществлял Александр и его бездарная свита, обрекал и 1-ю и 2-ю армии на разгром по одиночке, и о нем правильно сказали, что это «план сумасшедшего или изменника...»

Автором этого плана являлся советник Александра I — прусский генерал барон Карл-Людвиг-Август фон-Пфуль.

По плану Пфуля, русские войска были разделены на две армии. 1-я армия — Барклая де-Толли — была растянута почти на 200 километров в районе Вильно и 2-я — Багратиона — растянулась на 100 километров в районе Волковыска. 1-я армия под давлением сил Наполеона должна была отходить к укрепленному лагерю на реке Дриссе, а 2-я — атаковать

Французов во фланг и тыл¹. Между армиями был разрыв более 100 километров. Пфуль не учел, что Наполеон, имея 500 000 солдат, мог сосредоточить превосходящие силы и против 1-й и против 2-й армий одновременно и, пользуясь их разобщенностью, разгромить их.

Сколь деятельно готовил Наполеон вторжение, столь же деятельно русский император занимался парадами и балами.

В ночь на 24 июня в честь царя бал давал барон Беннигсен. Веселье было в полном разгаре, когда в зале появился гонец с грозной вестью о том, что армия Наполеона перешла границу и вторглась в Россию.

Царь со своим штабом уехал в Свенцяны. Барклай начал отход к дрисскому укрепленному лагерю.

Теперь Барклай и царь руководили войсками не только из двух штабов, но и из двух отдаленных друг от друга пунктов. Пагубность этого больше всего сказалась на положении Багратиона.

Используя ошибки плана Пфуля и неразбериху, созданную «руководством» царя, Наполеон главными силами занял Вильно, оказался на фланге расположения 2-й армии, двинул корпус Богарнэ в разрыв между 1-й и 2-й армиями, а против 40-тысячной армии Багратиона — корпус маршала Даву и войска своего брата Иеронима — 115 000 солдат.

«Барклай и Багратион никогда больше не увидятся», — заявил Наполеон, уверенный в их гибели.

Надвигалась новая, еще более страшная, чем Аустерлиц, катастрофа. Брат царя Константин умолял Александра заключить мир, а наиболее умные из царских приближенных посоветовали ему «для спасения России» покинуть армию, что тот довольно быстро и выполнил. Однако перед отъездом Александр не распорядился, кто же из командующих армиями — Барклай или Багратион — будет главнокомандующим, когда 1-я и 2-я армии соединятся.

Единственно разумное, что мог сделать Барклай, — это продолжать отход, ибо отход, как писал Маркс, стал уже вынужденной необходимостью.

Героически отбивая атаки врага, трижды изменив направление движения, Багратион избежал окружения и также отходил на восток.

Наполеон занимал один город за другим, война охватывала все новые губернии. Но уже пришли в движение силы народа и нанесли первый удар врагу.

¹ 3-я армия Тормасова в районе Луцка прикрывала направление на Киев и фланг армии Багратиона. Активные действия она начала лишь в конце войны, объединившись с Дунайской армией Чичагова.

Одна из основ стратегии Наполеона заключалась в том, что его армия питалась за счет народа побежденной страны и потому, не привязанная к базам, могла свободно и быстро совершать маневры.

Покоряя страны, Наполеон немедленно накладывал контрибуции, и его главный интендант Дарю беспощадно взимал их с населения. «Враг, как сноп, — говорили французы, — чем больше бьешь, тем больше выколачиваешь». В иных случаях, отняв все у населения, Наполеон прибегал к закупкам продовольствия в местности, не охваченной войной.

Но в России Наполеона ждало другое. Крестьянство увидело, что освобождения от крепостного права он не принес. Наполеон и не собирался освобождать русских крестьян. Буржуазное правительство Наполеона «задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии»¹.

Действуя в интересах крупной буржуазии, Наполеон стремился создать мировую монархию, и «...после победы реакции внутри страны, контр-революционная диктатура Наполеона превратила войны со стороны Франции из оборонительных в завоевательные»².

Наполеону нужно было порабощенное население побежденных стран. И Россия нужна была ему не как свободное, растущее государство с раскрепощенным народом, а как колония буржуазной Франции.

Русское крестьянство поняло, что Наполеон, сохраняя ярмо помещика, несет еще иго иноземного поработителя, и крестьянство поднялось на борьбу. Крестьяне покидали свои деревни, поджигали все, что могло служить врагу. Каждое утро по 10—20 солдат от роты отправлялись далеко в стороны от дороги в поисках хлеба, фуража. Редко кто из них возвращался живым — их убивали крестьяне, в лучшем же случае они приходили с пустыми руками.

Так повторялось изо дня в день. Французская армия стала испытывать лишения, падала духом. Но все еще грозная, она достигла Смоленска.

Пророчество Наполеона о том, что армии Багратиона и Барклая никогда не встретятся, не сбылось. Оба генерала, проявив замечательное стратегическое искусство, встретились у Смоленска. Здесь разыгрался первый крупный бой, после ко-

¹ И. Столин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников, стр. 12. Партиздат, 1937 г.

² Ленин, Соч., т. XXI, стр. 190

того русская армия отошла дальше, оставив позади невиданный костер — Смоленск горел.

Тот разлад, который оставил царь, не установив единого командования, усилился и привел к конфликту между Багратионом и Барклаем. Багратион был против дальнейшего отхода.

Барклай считал, что отход дальше необходим.

Но отходить не хотели, и русские солдаты. Они рвались в бой.

Дальше так не могло продолжаться. Русской армии, побеждавшей в Европе, вдвойне готовой к героизму в отечественной войне на своей земле, за свою родину, нужен был полководец, который сумел бы найти правильный путь к победе, ибо на этот раз от победы зависела судьба России.

В это тревожное время Кутузов приехал из Горошек в Петербург и был избран начальником петербургского и московского ополчений. По ночам, запершись в кабинете, часами просиживал он над картой театра войны, внимательно изучая движения войск. В одну из таких ночей ему доставили письмо императора.

«Михаил Илларионович! — писал Александр I Кутузову, назначая его главнокомандующим. — Известные военные достоинства ваши, любовь к отечеству и неоднократные опыты отличных подвигов приобретают вам истинное право на сию мою доверенность. Избирая вас для сего важного дела, я прошу всемогущего бога да благословит деяния ваши к славе российского оружия и да оправдаются тем счастливые надежды, которые отечество на вас возлагает.

Пребываю к вам благосклонный Александр».

Царь лгал. Он продолжал ненавидеть Кутузова и недоверять ему. Но он вынужден был назначить его главнокомандующим, так как это было общее желание правящих кругов и всего народа. В те же дни он писал своей сестре Екатерине:

«В Петербурге я увидел, что решительно все были за назначение главнокомандующим старика Кутузова: это было общее желание. Зная этого человека, я вначале противился его назначению, но когда Ростопчин письмом от 5 августа сообщил мне, что вся Москва желает, чтоб Кутузов командовал армией, находя, что Барклай и Багратион оба неспособны на это... мне оставалось только уступить единодушному желанию, и я назначил Кутузова. Я должен был остановить свой выбор на том, на кого указывал общий глас».

Назначение Кутузова главнокомандующим Александр оставил так, чтобы в случае неудачи умыть руки, он передо-

верил подбор главнокомандующего специальному комитету, который единодушно наметил Кутузова. Однако после этого решения Александр назначил начальником штаба Беннигсена, чтобы в нужный момент заменить им Кутузова.

— О, эта «старая лисица севера», — многозначительно сказал Наполеон, узнав о назначении Кутузова.

— Постараюсь доказать великому полководцу, что он прав, — скромно промолвил Кутузов, узнав о реплике Наполеона.

С искренней радостью провожаемый народом, полководец отправился к русским войскам, отходившим к Москве. В пути, изучая обстановку, он рассылал приказы, запросы, распоряжения, требуя сведений о новых формированиях, об ополчении, о противнике. С дороги направил он Милорадовича с резервными войсками навстречу отходящим частям, считая главной задачей «приращение армии».

30 августа под Царево-Займищем, скромно одетый, на небольшом донском иноходце, Кутузов появился перед войсками. Первое, что услышали от него солдаты одного из полков, которые, увидев главнокомандующего, начали суетиться, чиститься, строиться, были слова:

— Не надо всего этого. Мне нужно посмотреть, здоровы ли вы, дети мои. Солдату в походе не до щегольства, ему нужно отдыхать после трудов и готовиться к победе...

Позиция у Царево-Займища не удовлетворила Кутузова, и он вынужден был пока отступить, чтобы найти удобную позицию, соединиться с подходящими войсками Милорадовича и ополчением и дать генеральное сражение.

Положение его как главнокомандующего было исключительно трудным. Армию он принял в состоянии отступления. Если Наполеон, располагавший неограниченной властью, имел в лице своих маршалов и штаба, возглавляемого Бертье, послушную, испытанную систему управления, то Кутузов с первых же часов пребывания в армии столкнулся с ненавидевшим его начальником штаба Беннигсеном, считавшим себя единственным полководцем, способным противостоять Наполеону. Беннигсен был уверен, что Кутузов несправедливо отнял у него должность главнокомандующего.

Десятки интриганов, доносчиков, мешавших ранее работать Барклаю, стали теперь клеветать, вредить Кутузову, который отлично знал, что кроме Наполеона у него есть враги в собственном штабе и что наиболее непримиримый его личный враг остался в Петербурге — сам император.

В одном Кутузов не сомневался, в одно он глубоко верил — в силу русского солдата, в силу русских командиров,

проведших с ним и Суворовым походы и войны. И если Беннигсен писал, что «французская армия кишит великими генералами, а у нас и посредственных нет», то Михаил Илларионович сообщал в письме к жене, что «нашел армию в полном духе, хороших генералов много... Я полон надежды... думаю исправить дела к чести России...».

Быстро разобравшись в сложной обстановке, Кутузов организовал сильный арьергард под командованием спокойного и храброго генерала Коновницына и, продолжая отходить, стал готовиться к сражению. Дальнейшее отступление привело бы к утере того, чем Кутузов более всего дорожил, — к утере «духа чрезвычайного», которым жила русская армия, рвавшаяся в бой. Кутузов дал знаменитое Бородинское сражение, имевшее огромное политическое и стратегическое значение не только в ходе войны 1812 года, но и во всей истории русского народа.

Глава III

Поле, где разыгралось сражение, лежит близ села Бородино, в 110—112 километрах от Москвы, в 10—12 километрах западнее Можайска. Оно чуть всхолмлено в центре, местами изрезано небольшими оврагами, на дне которых протекают ручейки; пересекает его река Колоча, впадающая в Москву-реку. В центре поля — деревня Семеновская, правее, по сторонам новой Смоленской дороги, за рекой Колочей — село Бородино, рядом с ним — деревня Горки, а у старой Смоленской дороги, отделенная лесом и кустарником, приютилась деревушка Утица. Ничем не приметное, обычное поле средней полосы России. Выбрали его штабные командиры, посланные Кутузовым, потому что оно перехватывало обе Смоленские дороги, ведущие к Москве, и прикрыто рекой Колочей. Открытая местность была доступна для действия масс конницы. И хотя поле, открытое для наблюдения со стороны противника, не имело в центре и на левом фланге серьезных естественных препятствий, усиливающих оборону, все же было решено, что лучшего поля не найти «в сих плоских местах».

Русская армия заняла позицию. Фронт ее протянулся от деревни Маслово у Москвы-реки через Бородино до деревни Шевардино, прикрываясь почти на всем протяжении рекой Колочей и опираясь правым флангом на Москву-реку, а левым — на выстроенный у Шевардина редут.

Натиск на Шевардинский редут начался 5 сентября. Весь день за редут шли жаркие бои, и только к ночи он был оставлен по личному приказанию Кутузова. 11 000 русских

солдат сдерживали почти 35 000 французов. Русские потеряли в бою около 6 000 человек. Столько же примерно потерял и противник. Наполеон занял редут, уже не имевший большого тактического значения, ибо из-за дальности он не мог быть включен в систему обороны основной бородинской позиции, на которую отошли русские войска.

Но и Кутузову и Наполеону бои 5 сентября многое показали. Наполеону в этот день на требование привести русских пленных ответили, что русские в плен не сдаются, предпочитая умирать на месте.

6 сентября боев не было, и оба полководца провели этот день в рекогносцировках, готовя армии к генеральному сражению.

Медленно проезжал Кутузов на своих широких дрожках по Бородинскому полю, указывая окончательное расположение укреплений и войск. Укреплений было немного, строили их ополченцы, не имевшие опыта, а главное — без шанцевого инструмента, который генерал-губернатор Москвы Ростопчин, несмотря на все требования главнокомандующего, прислал лишь к концу Бородинского сражения. Но все же на правом фланге, у деревни Маслово, укрепления были вырыты, в центре соорудили Курганную батарею (Раевского), а на левом фланге, южнее деревни Семеновской, построили флеши, названные впоследствии «Багратионовы». Русская армия занимала позицию, фронт которой теперь протянулся от деревни Маслово вдоль реки Колочи до села Бородино, поворачивая далее на юг через Курганную батарею, Багратионовы Флеши до деревни Утица. Позиция, прикрытая на правом фланге крутыми берегами реки Колочи, была труднодоступна для атаки французов, но на левом фланге, особенно в районе флешей, естественных препятствий не имела и была наиболее уязвима. На этой позиции и разыгралось сражение, причем главные атаки велись на фронте в 2½—3 километра, от Бородина до флешей. Позицию от деревни Маслово до Курганной батареи обороняли части 1-й армии под командованием Барклая, а от Курганной батареи до флешей — части 2-й армии.

Близ деревни Утица у старой Смоленской дороги Кутузов приказал «поставить скрытно» в засаде корпус Тучкова и ополчение. В резерве оставались два пехотных корпуса и артиллерия. Всего русская армия насчитывала 120 000 солдат, из них 10 000 ополченцев, в бою не участвовавших, 7 000 казаков и 640 орудий.

Наполеон из полумиллионной армии привел под Бородино 135 000 солдат при 587 орудиях. Часть его сил осталась прикрывать длиннейшие коммуникации, часть действовала на

петербургском направлении; много солдат он потерял в боях за Смоленск и Шевардино, дорого расплачиваясь за каждую попытку атаковать русских при их отходе. Масса больных, оставших, дезертиров покинули ряды его армии, но все же под Бородино Наполеон привел лучшие свои части под командованием прославленных генералов и маршалов. И когда он сосредоточил свои войска для наступления, казалось, что полная победа предрешена.

* * *

Наступила ночь перед битвой.

Во французском лагере царил глубокая тревога и неуверенность. Теплый солнечный день сменила дождливая осенняя ночь. Ожидание боя мешало уснуть; на сырой земле было холодно лежать, дров на костры нехватало, они горели тускло и не согревали. Накануне вся французская армия видела огромное поле Бородина, и все оно, насколько мог видеть глаз, было занято русскими войсками. Их стойкость все уже знали, и каждый понимал, что многим и многим не придется завтра вернуться к своим бивуакам. В эту ночь под Можайском они с особой силой почувствовали, как далеки от них Берлин, Париж, Лиссабон, родные города и села. Тревога охватывала солдат французской армии.

Медленно текли напряженные часы ожидания.

В штабе, в деревне, над всем огромным лагерем русской армии царил глубокая тишина. Вечером по лагерю еще разъезжали адъютанты Кутузова, проверявшие, как заняли войска свои позиции, затем и они исчезли. У бивуачных огней почти никто не спал. В суровом спокойствии готовились русские люди к сражению. Десятки солдат, раненных под Шевардиным, тайком покинули лазареты и вернулись в свои полки, чтобы участвовать в завтрашнем бою. У костров шли тихие беседы, люди дивились названиям рек и ручьев, пересекавших Бородинское поле, и, вдумываясь в названия: «Война», «Стонец», «Огник», «Колоча», жалели, что седая старина утаила объяснения, с кем и как воевали, какие огни горели, с кем бились люди московской земли на этом же поле в незапамятные времена.

Солдаты вспоминали слова Михаила Илларионовича о том, что завтра придется стоять за русскую землю, и готовились стоять за нее крепко, не щадя свои жизни. Земляки условились передать последний наказ родным через тех, кто останется жив, родственники и братья, находившиеся в разных полках, сходились и молчаливо прощались. Многие чистили

оружие, чинили амуницию или задумчиво глядели в осеннее темное небо.

К утру стало еще тише. Смолк приглушенный говор, многие спали.

С рассветом французская армия была уже на ногах. Разрывая тишину полей, глухо рокотали барабаны, и под их мерную дробь полкам читали воззвание императора:

«Воины!

Вот сражение, которого вы столь желали. Победа зависит от вас. Она необходима для нас; она доставит нам все нужное, удобные квартиры и скорое возвращение в отечество. Действуйте так, как вы действовали при Аустерлице, Фридрихсвальде, Витебске, Смоленске. Пусть позднейшее потомство с гордостью вспомнит о ваших подвигах в сей день. Да скажут о каждом из нас: он был в великой битве под Москвой!»

Пятнадцать лет тому назад, став во главе французской армии, найдя ее голодной, полураздетой, Наполеон обещал солдатам: «Я поведу вас в самые плодородные страны...»

И повел их в Италию, отдавая ее города на разграбление изголодавшимся людям.

В день Бородинского боя Наполеон воздействовал на те же чувства своих солдат. Ходом войны они были приведены в положение, когда победа им казалась такой же необходимой, какой ее считал Наполеон, говоривший: «Победите, и победа доставит нам все нужное, удобные квартиры и скорое возвращение в отечество».

Далеко за лесом вставало солнце.

Наполеону донесли, что русские не ушли, что они попрежнему стоят на позиции.

— Наконец они у нас в руках! Вперед! Откроем ворота Москвы! — воскликнул Наполеон. Он быстро вышел из палатки и помчался на командный пункт у Шевардинского кургана. Здесь он вызвал к себе одного из лучших генералов, командира дивизии Компана, и в знак особой милости приказал ему первым атаковать русских.

Наполеон любил эти минуты, когда по его приказу: «Пойдите и принесите мне победу», с криком «Да здравствует император!» войска устремлялись в атаку.

В предрассветную тишину, царившую в деревне Татаринцево, ворвался первый гулкий пушечный выстрел. Кутузов спокойно вышел из штаба, сел на свою небольшую гнедую лошадку и без свиты, с казаком, который вез его скамейку, медленно поехал на командный пункт у деревни Горки. В утренней мгле гасли костры, двигались люди. Главнокомандующий остановился на высоте у Горок и, склонившись к луке

седла, с усилием перенес ногу через круп коня и тяжело опустился на скамейку, быстро подставленную казаком.

Вниз к Бородину, исчезая в тумане, убегала широкая светлая лента Смоленской дороги. Над рекой Колочей клубился туман. Медленно поднимаясь, он открывал поле с разноцветными пятнами войск, холмы, лесистые берега реки, избы и церковь Бородина. Оттуда доносилась частая, лихорадочная стрельба и шум атаки.

Это была первая атака Бородинской битвы.

В тумане, прикрывшем подступы к селу Бородино, тихо подошли войска Евгения Богарнэ и, отвлекая внимание от дивизии Компана, внезапно кинулись в бой. Егеря, охранявшие село, упорно отбивались, но Богарнэ, наступая вдоль Смоленской дороги с запада, перевел часть солдат через реку Вдйну и одновременно атаковал с севера.

Бородино в позицию не входило, служило лишь передовым пунктом, не имевшим даже орудий. Удар был внезапным. Солдаты Богарнэ ворвались в село, полк егерей потерял половину солдат и начал отходить за реку Колочу. Мост через реку зажечь не успели, и противник перешел Колочу, врываясь все дальше в глубину оборонительной позиции русской армии.

Барклай де-Толли бросил в контратаку свежие егерские полки. Они прижали ворвавшегося противника к реке, бóльшую часть истребили. Командир полка генерал Плезонн был убит, а остатки полка были отброшены за реку. Им на выручку подоспели новые французские полки, бой завязался за мост через реку Колочу, но матросы команды мичмана Лермонтова, действовавшие в качестве саперов, под огнем, потеряв половину своих товарищей, зажгли мост.

Рубеж реки Колочи на всем участке они удержали, но Бородино осталось у французов, на его высотах стала французская артиллерия.

Бой разгорелся на всей позиции русской армии, достигая небывалого ожесточения на левом фланге. На командный пункт Кутузова стали прибывать адъютанты с донесениями. С каждой минутой картина боя становилась яснее.

Вначале обозначилась угроза правому крылу в районе Бородина, но здесь находились главные силы русской армии, была расположена центральная батарея, недалеко — главный резерв, и за правый фланг Кутузов был спокоен. Наступление Понятовского против левого фланга у деревни Утица было опасно, и хотя там стоял в засаде корпус Тучкова и большая часть ополчения, но оттуда Кутузов с наибольшим нетерпением ждал сведений.

У Багратиона на левом фланге спокойно. Но все чаще и чаще раздается стрельба у деревни Семеновской, орудийные выстрелы слились в непрерывный грозный гул. Силы, брошенные Наполеоном на флешу, велики, и с каждым часом они прибывали.

Все яснее становился замысел Наполеона, обозначался его главный удар, — он решил прорвать центр левого крыла русской армии, обойти ее главные силы, прижать к реке и уничтожить.

И каждый адъютант, привозивший с Семеновских флешей все новые и новые вести, то грозные, тревожные, то радостные и бодрые, подтверждал, что там, на флешах, решается в эти часы участь сражения.

Французская дивизия Компана под прикрытием леса подошла к флешам и стала выстраиваться к атаке. Но русские артиллеристы открыли ураганный огонь. Компан был ранен, его дивизия хлынула обратно в лес. Тогда впереди головной бригады своего корпуса стал маршал Даву и сам повел его в атаку. Французы смяли гренадерскую дивизию и ворвались на флешу. Но уже устремились в контратаку брошенные Багратионом батальоны 27-й пехотной дивизии и выбили французов из флешей. Французские генералы Тест и Десе были тяжело ранены, под Даву убита лошадь, сам он контужен, его войска бежали. Их преследовали ахтырские и новороссийские гусары и драгунский полк. Русские гусары и драгуны гнали французов, пока не налетели под удар кавалерийских бригад противника и вынуждены были отступить.

Наполеону донесли об отбитых атаках, о ранении генералов и контузии Даву, которого он считал лучшим своим маршалом. Пораженный, он несколько минут не произнес ни слова. Затем приказал Мюрату стать вместо Даву и снова вести его корпус на флешу. Ему на поддержку он выдвинул 3-й корпус маршала Нея, а вскоре и 8-й корпус Жюно. Позади трех пехотных корпусов Наполеон выстроил три кавалерийских корпуса — Нансути, Монбрюна и Латур-Мобура. Против километровой полосы он сосредоточивал все новые и новые войска, удвоил артиллерию, подготавливая тот страшный удар, который должен был прорвать левое крыло русской армии и положить начало ее разгрому.

Багратион видел, как у высот Шевардина сгущается эта грозная масса войск и опасность становится все более явной и близкой. На помощь сводной гренадерской дивизии Воронцова, оборонявшей флешу, Багратион вызвал 27-ю дивизию Неверовского, приказал Тучкову передать ему 3-ю дивизию Коновницына, выдвинул всю свою артиллерию. Он сообщил

Барклаю де-Толли и донес Кутузову о нависшей над флешами опасности.

Главный удар Наполеона, решающее направление его атак определилось, и согласно его движениям Кутузов начал переводить силы с правого фланга к левому. К флешам были двинуты 2-й пехотный корпус, из резерва брошены полки Измайловский, Литовский, Финляндский, три полка кирасир, сводные гвардейские батальоны и роты гвардейской артиллерии. Барклай передвинул к флешам часть войск центра.

Но силы эти были еще на пути к флешам, когда, подготовленные сильнейшим огнем артиллерии, на флешах одна за другой обрушились атаки корпусов французской армии.

Удар опять приняла сводная гренадерская дивизия и почти вся «исчезла не с поля боя, а на поле боя», как писал ее командир. И опять 27-я дивизия Неверовского штыковой контратакой выбила части корпуса Нея, занявшие флеша.

Третья атака была отбита.

Но тут же дивизию Неверовского атаковали и начали теснить Мюрат и Даву, оставшийся в строю, несмотря на контузию. На помощь Неверовскому бросились кирасиры и драгуны и отчаянной атакой отбросили и погнали французов. Мюрат удерживал бегущих. Он остановил командира одной из бригад, тот указал на флеша, где полегла половина его бригады, и крикнул, что не может оставаться в этом аду.

— Я-то ведь здесь остаюсь, — ответил ему Мюрат. Он обнажил шпагу и, задержав бегущих, бросил их в четвертую атаку, и снова французы ворвались на флеша. Им ударила во фланг 3-я дивизия Коновницына. Четвертая атака французов была отбита, и любимец Наполеона маршал Мюрат сам едва не попал в плен.

Уже не 100 орудий со стороны Наполеона и не 50 со стороны Багратиона, а 400 французских и 300 русских пушек открыли ураганный огонь у Семеновских флешей, и в жесткой схватке сошлись 35 000 французских и 18 000 русских солдат.

Одновременно войска Богарнэ начали атаку Курганной батареи. Но и здесь первая атака была отбита. Быстро восстановив порядок и подготовив вторую атаку, Богарнэ бросил бригаду Бонами опять на батарею. На этот раз атака удалась. Французы овладели центральной батареей, 1-я и 2-я русские армии были разобщены.

Проезжавший позади батареи начальник штаба 1-й армии Ермолов, посланный Кутузовым осмотреть поле сражения и ободрить войска, мгновенно оценил обстановку, понял опасность катастрофы и, собрав ближайшие батальоны Уфимского

полка, скомандовав сопровождавшей его конной артиллерии открыть огонь, бросился в контратаку.

Увлеченные примером солдат Уфимского полка, на врага устремились егерские полки, гусары, даже раненные поднимались и шли в контратаку, охваченные общим порывом.

— Братцы!.. — крикнул солдатам начальник штаба корпуса Монахтин, указывая на батарею. — Батарея эта — Россия, отстоим ее грудью! — В этот момент пуля попала ему в живот, и Монахтина унесли с поля битвы.

Солдаты ворвались на батарею. Генерал Бонами был взят в плен русским фельдфебелем. Французы бежали. Сила натиска была так велика, что русских солдат, преследующих противника, нельзя было остановить. Пришлось послать казаков, чтобы они обогнали и вернули героическую русскую пехоту.

С кургана опять «заговорила» русская артиллерия.

Наполеон ждал вестей от Понятовского, думал, что его атака удастся и изменит обстановку в центре. Он знал, что Понятовский ждет из его рук польской короны, надеется найти ее здесь, в этом бою, в пепле сожженной деревушки Утицы, и поэтому отчаянно дерется с Тучковым. Но Тучков не сдавался. Выведенный Беннигсеном из засады на открытую высоту Утицкого кургана, лишенный возможности внезапно ударить во фланг Понятовскому, Тучков принял фронтальный бой, и все усилия Понятовского оказались напрасными.

Победы не было ни на батарее Раевского, ни на флешах, ни на Утицком кургане.

Близился полдень. Тучи пыли и дыма закрывали солнце, высоко поднимавшееся над полем. Пыль и дым застилали флешы и батареи.

По полю двигались войска то стройными колоннами, то квадратными каре, то, вдруг рассыпавшись беспорядочными толпами, они бежали обратно. Падали убитые и раненые, носились потерявшие седоков кони. Потом вновь строились колонны и каре; приливы и отливы людских лавин чередовались один за другим, час за часом. Остатки разбитых полков отходили в тыл, на смену им двигались новые, вступали в штыковой бой, опять разбегались, и опять начинался грозный артиллерийский поединок. Это было самое кровавое сражение за время похода. За 10 часов русская и французская армии потеряли 90 000 человек. Сами участники называли это сражение битвой гигантов. Бой шел не утихая, и никто не мог сказать, когда он кончится.

На десятки верст вокруг разносился гул артиллерийской канонады, дрожал воздух. Могучее эхо отдавалось и таяло

в лесах, в долинах рек, и крестьяне, покинув избы, в тревожном ожидании прислушивались к звукам далекого сражения, решавшего судьбу их родины.

Молчаливый и угрюмый сидел в эти часы Наполеон на командном пункте у Шевардинского кургана, почти не вмешиваясь в ход боя. Окружавшая его свита не узнавала своего императора.

На другом конце поля, на командном пункте у Горицкой высоты, сидел Кутузов. И если бы рука Кутузова не помахиwała плетью, если бы он время от времени не принимался рукояткой чертить на песке узоры, генералы и адъютанты, окружавшие полководца, решили бы, что он спит.

Толстый, с шарфом через плечо, в белой приплюснутой фуражке на большой седой голове, к которой дважды прикасалась смерть, бесстрашный, молчаливый, но властный, грузно сидел он на деревянной лавке.

Немало нашлось современников, и особенно историков, которые осудили обоих полководцев за их якобы безучастность и пассивность в Бородинском сражении.

Но между двумя великими полководцами в эти часы шла титаническая борьба. Только взглядыываясь в то, что происходило на поле боя, вдумываясь в значение битвы, в историю всей войны, можно было понять, какого напряжения стоила эта кажущаяся безучастность, это молчаливое раздумье, в которое погрузились и Наполеон, и Кутузов — два полководца, разгадавшие друг друга, сторожившие каждое движение друг друга.

Они руководили прямой фронтальной борьбой и не предпринимали новых действий только потому, что оба уже сделали невероятные усилия, оба верили, что эти усилия принесут успех, и ждали результатов, направляя действия своих войск, к которым перешло решение Бородинской битвы.

Кутузов перевел к левому флангу все свободные силы правого фланга, бросил войска своего резерва и часть сил центра, пошел на короткий маневр на своем правом фланге, чтобы облегчить положение на флешах, и ждал результатов этих мероприятий.

Он, казалось, бесстрастно слушал грохот боя и приказывал, соглашался или не соглашался на те или иные движения войск, но он не был равнодушен. Он оставил правительство и царя в невероятной тревоге. В случае поражения царь, конечно, немедленно с позором прогонит его, свалит всю вину на него, сменит Беннигсеном, которого царь посадил рядом с ним и который только и ждет провала Кутузова. Тогда

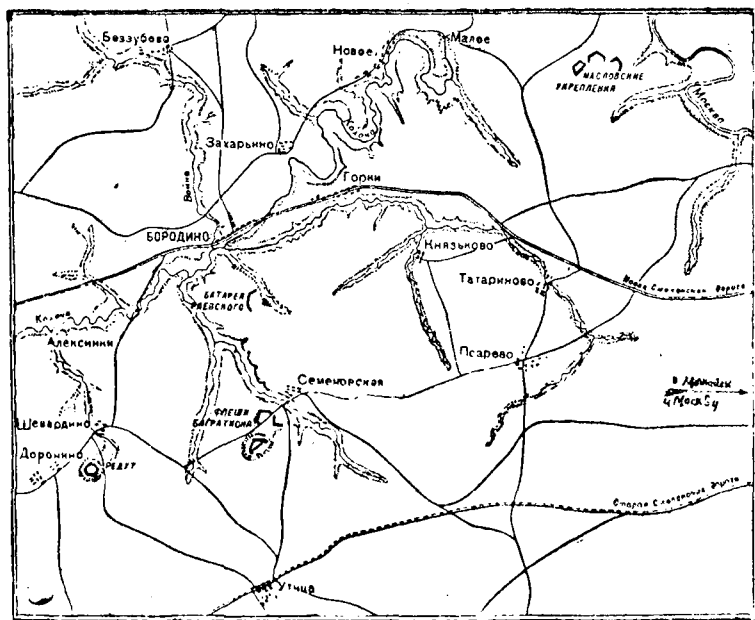

Схема Бородинского поля сражения

ему, старому полководцу, останется опозоренному уйти в могилу. Но это не спасет Россию — Наполеон станет хозяином в русской стране.

Как никто в армии, никто в России, понимал Кутузов значение победы или поражения в Бородинской битве. Страна только от него, своего любимого генерала, ждала ответа за исход боя, за исход войны, и он не мог быть и не был равнодушен к судьбам своей армии, Москвы, России, он не мог быть и не был безучастен к делу всей своей жизни.

Внешне он был спокоен, потому что умел сохранять самообладание в самые критические минуты боя и верил в силу русских солдат, защищавших родную землю. Он верил в силу Петра Багратиона, руководившего обороной флешей. Тот же Багратион, который в невероятно тяжелых условиях сдержал под Шенграбеном маршалов Ланна, Сульта, Мюрата, теперь вот уже полдня отражает атаки «храбрейшего из храбрых» — маршала Нея, того же Мюрата и настойчивого Даву, не отдав им пока ни пяди земли. Кутузов был спокоен, зная, что и Барклай де-Толли не отступит и хотя для Богарне «сама мысль потерпеть неудачу была невыносимой», но вот уже две его

атаки на Курганную батарею были отбиты, и она продолжает обстреливать французские войска.

Против Понятовского у деревни Утица действовал Тучков, покинувший поле боя только после тяжелой раны, — брат Тучкова, погибшего в тот же день на флешах со знаменем в руках.

Мюрат, обнажив шпагу, не покидал поля боя, но и Милорадович не выходил из-под пуль и даже завтракать сел в районе батареи, там, где скрещивался огонь наибольшей силы.

— Живым или мертвым, но я буду там! — вскричал Коленкур¹, получив приказ взять Курганную батарею. Он сдержал свое слово, но погиб на кургане, там же, где без эффектных слов погиб и Кутайсов, двадцативосьмилетний начальник артиллерии русской армии, бросившийся вместе с героем Ермоловым в контратаку.

Невиданную храбрость проявили Раевский, Дохтуров, Коновницын, Неверовский, Лихачев — славная плеяда героев, учеников Суворова, соратников Кутузова.

47 французских и 23 русских генерала погибли и были ранены в этой битве, и Кутузов знал, что русские генералы не уступят противнику боевой чести.

Кутузов был спокоен главным образом и потому, что решение войны перешло в руки солдат, овеянных великой славой замечательных побед, сынов русского народа, отстаивавшего свою землю. Геройски боролись не только полки и дивизии, солдаты которых прошли боевой путь с Кутузовым, но геройски дрались и только что сформированные части. Ярким примером является 27-я дивизия Неверовского. Ее сформировали в дни войны. Она состояла из крестьян, взятых прямо из деревень, наспех обученных. Дивизии пришлось контратакой спасти гренадер Воронцова, погибавших под ударами французских корпусов; она столкнулась с дивизиями Даву, Нея. Армия Кутузова, защищавшая Россию на Бородинском поле, была действительно армией героев, — так ее называли не только друзья, но и враги.

«Они умирают там, где начальник им приказал умереть», «Они предпочитают смерть плену», — писали французы.

«Преданность генералов, непоколебимая храбрость солдат спасла Россию. Другие войска были бы разбиты и, может быть, уничтожены задолго до полудня», — писал французский историк Пелле.

¹ Брат французского посла в России в 1807—1811 гг. Армана де-Коленкура, автора мемуаров о Наполеоне. *Ред.*

Кутузов не суетился, не дергал командующих армиями и всем своим видом как бы говорил своему штабу: «Вы видите, несмотря на все тяжелые события и ужасы, о которых вы мне докладываете, все идет, как я и предвидел».

В этой борьбе воля Наполеона впервые сдала, поколебалась. Он тоже не был пассивен, и гений его не померк. Впервые в истории войн Наполеон стал создавать массирование артиллерийского огня. Ряд сражений выиграл он, разрушая артиллерийским огнем боевой порядок противника и сокрушая его ударами также массированной живой силы. Но ни в одном из своих сражений Наполеон не сосредоточивал такого количества орудий, как перед флешами: на фронте протяжением в 800—1 000 метров было сосредоточено 400 орудий — невиданная до того времени в военной истории сила и плотность огня.

При их поддержке ходили на штурм части Нея, Даву, Мюрата, столько раз приносившие победы своему императору; вслед за пехотой кидались в атаку кавалерийские корпуса.

Наполеон наносил могучие удары, а победы все не было. Он привык, что после первых же атак с радостными лицами мчались к нему адъютанты, донося о победах, а здесь один за другим они доносили о неудачах, передавая просьбы маршалов о поддержке.

В любом другом сражении Наполеон бросил бы им на поддержку свой резерв, а здесь он колебался. Приехавшему за помощью генералу он приказывает посмотреть еще раз, что делается на поле боя, и, когда тот, вернувшись, доносит, что Багратион опять готовит контратаку, Наполеон отвечает, что он еще не уяснил себе свой шахматный ход.

К нему приносят тяжело раненного любимого адъютанта, которому он ночью объяснял, что вся сущность войны заключается в том, чтобы быть сильнее противника в данном месте в данный момент.

— Ну что, Рапп, что там наверху?

— Надо послать гвардию, — говорит Рапп.

— Нет, — отказывается Наполеон, — я не хочу, чтобы ее разбили.

Обозленные маршалы снова и снова бросали в атаку свои дивизии. Армия Багратиона таяла, но героически отбивала и пятую, и шестую, и седьмую атаки.

«Упорство русских приобрело ужасный, зловещий характер», — писал один из историков Наполеона.

Идет восьмая атака французских дивизий. Ее встречают с флешей картечью, но французы, не обращая внимания на убий-

ственный огонь, бегут по трупам товарищей, все ближе и ближе.

— Браво, браво! — кричит восхищенный доблестью противника Багратион и мчится впереди кирасирской дивизии навстречу французским маршалам.

Вокруг Багратиона падали кирасиры, врач его армии Гангарт, не покидавший его ни на минуту, упал вместе с убитым конем.

— Спасите Гангарта! — коротко приказал Багратион и поехал дальше, но в это мгновение, смертельно раненный, поник к шее коня.

Это была последняя его встреча с противником. Ни разу не уступив в бою, он не сдал бы своих укреплений и сейчас, если бы не смертельная рана.

Дивизия кирасир ушла в контратаку, а Багратиона, окружив небольшим конвоем, медленно везли к деревне Семеновской. Он пришел в себя, запретил везти себя в тыл. Его опустили на землю. Лицо Багратиона было бледно, местами обожжено порохом, но спокойно. Санитары снимали сапог с раздробленной ноги, а он требовал доклада о результатах атаки и, выслушав, приказал:

— Передайте Барклаю, что теперь он решает судьбу боя.

Багратион видел, что маршалы, воспользовавшись его отсутствием и минутным замешательством, захватили флешы и появились на фланге 1-й армии.

В командование войсками 2-й армии вступил Коновницын и стал отводить их за Семеновский овраг. Между флешами и Утицей, где дрался корпус Тучкова, произошел разрыв, и корпус, чтобы не быть отрезанным, тоже стал отходить.

Наступил критический момент боя. Армия Багратиона была расстроена, французская артиллерия стала в районе флешей, подготавливая новый удар кавалерийских корпусов, которые должны были завершить разгром.

Кутузову донесли о ране Багратиона, падении флешей и отходе левого фланга.

Командовать войсками левого фланга Кутузов послал Дмитрия Сергеевича Дохтурова.

Полководец был попрежнему внешне спокоен, хотя отлично представлял себе, что ждет Дохтурова у Семеновского оврага. Там стояли посланные из резерва гвардейские Литовский, Измайловский и Финляндский полки. Но отошедшие части 2-й армии были в беспорядке. С флешей уже гремели залпы французской артиллерии, вдали строились к атаке кавалерийские корпуса Нансути и Латур-Мобура.

Как и семь лет тому назад, посылая Багратиона к Голла-

бруну удержатъ французскую армию хотя бы ценой гибели всего арьергарда, так и теперь Кутузов написал Дохтурову: «Дмитрий Сергеевич, держаться надо до последней крайности». Он знал, что Дохтуров выполнит его приказ.

Герой бесчисленных боев, спасавший армию в болотных теснинах Аустерлица, с беспримерной храбростью отстаивавший Смоленск, Дохтуров так же храбро и умело действовал у Бородина. На небольшой усталой лошадке — это была четвертая лошадь, трех под ним уже убили — подъехал он к войскам 2-й армии. С рассвета не выходил он из-под огня. Усталый, медленно проезжал он между расстроенными полками и спокойно отдавал приказы. От его незаметной фигурки в поношенном, потертом сюртуке один за другим с распоряжениями отъезжали адъютанты, и с каждой минутой восстанавливался порядок, командиры опять брали в свои руки управление людьми. Все это было как нельзя вовремя, потому что на ослабевшие полки шли в атаку знаменитые французские кирасирские дивизии — дивизии «железных людей».

Могучие всадники в металлических кирасах, на огромных конях, под развевающимися знаменами неслись за Мюратом.

* * *

На Бородинском поле высятся десятки памятников полкам и дивизиям. Большинство их по замыслу одинаковы: двухглавый хищный орел наверху обелиска, под ним название полков и надпись, прославляющая царя, который в дни Бородина, объятый великим страхом, сидел в Санкт-Петербурге, — вот обычный памятник. Но на холме, за деревней Семеновской, стоит невысокий монумент. Он врос основанием в землю, квадратный, гранитный, неприступный. В этот памятник вложена глубокая идея. Здесь стояло каре гвардейских полков, которое приняло на себя страшный удар дивизии «железных людей» и точно вросло в землю, как поставленный в их память квадратный гранит. О них, как о гранит, разбилась атака кирасир. Кирасиры бросались на каре, а гвардейские полки, пишет Глинка, как острова в этом движущемся море всадников, затопившем вокруг всю местность, непоколебимо стояли, гибли под ударами, но отвечали огнем и штыками. Натиск длился до тех пор, пока не подоспели русские кавалерийские полки и отбросили кирасир.

Весь правый фланг французской армии продолжал теснить остатки армии Багратиона, но сил завершить победу у французских маршалов не было, они истощили их в бою.

И маршалы опять и опять просили Наполеона бросить в бой свою гвардию. Ней прислал генерала Бельяра и донес,

что уже видна Можайская дорога, проходившая в тылу позиции, у деревни Семеновской. Нужен один только натиск, чтобы окончательно решить сражение. Мюрат головой ручался за успех и также требовал гвардию.

Сейчас, когда пали флешы и в центре держалась только Курганная батарея, когда кризис обороны русской армии достиг высшей точки, Наполеон решил, что, наконец, наступил единственный и неповторимый момент в сражении, когда сильный неожиданный удар решит исход сражения.

Наполеон лаконической фразой «Гвардию — в огонь!» двинул в бой свою молодую гвардию и резервную кавалерию. Сомкнутыми рядами, могучая, монолитная, двигалась в атаку гвардейская пехота; сокрушая все на своем пути, гренадеры врывались в каре войск противника, сея смерть, ужас и панику. Карьером шла в атаку гвардейская кавалерия и, скрываясь в дыму и пыли, гнала, уничтожала и добивала противника.

Вот она наступает, эта неповторимая и единственная минута победы. И вдруг:

— Казаки!.. казаки!.. казаки!..

Это слово с ужасом произносят примчавшиеся на взмыленных конях адъютанты. Это слово повергло в тревогу весь штаб. Наполеон узнал, что на левом фланге его армии, угрожая ее тылу, севернее Бородина, появились казаки и русская регулярная кавалерия. Находившиеся на фланге войска Орнано и Дельзона смяты и отошли. Богарнэ, остановив атаки на батарею, повел итальянскую гвардию на защиту левого фланга. Попав под атаку казаков, гвардейцы бежали. Сам Богарнэ едва спасся, укрывшись в каре гвардейцев.

Паника охватывала войска и особенно тылы. Наполеон приостановил действия.

Шли минуты, часы. Французский император терял время, а с ним и возможность победы.

Начальник штаба Бертье, маршалы и приближенные Наполеона тихо посовещались, и Дарю, один из самых близких Наполеону людей, вежливо, но твердо передал императору, что все считают необходимым бросить в бой старую гвардию. Наполеон молча выслушал это требование. Лицо его вначале выражало досаду, он казался больным, нерешительным. Дарю настаивал.

Вдруг знакомое всем выражение бешеного гнева и раздражения залило лицо Наполеона. Голосом тихим, но полным ярости и тревоги он сказал:

— Если завтра будет сражение, скажите, Дарю, кто будет драться?

В этой фразе — выражение всех планов, мыслей, чувств, тревог, обуревавших Наполеона с первых же неудачных атак и достигших апогея после атаки казаков на его фланг.

Кутузов, бросив казаков Платова и кавалерийский корпус Уварова в решительную контратаку на левый фланг французской армии, внес смятение в ряды противника и тем выиграл время, подвел к батарее и к левому флангу резервы и вырвал у Наполеона инициативу. Он не разрешил казакам углубляться в тыл французской армии, понимая, что для этого их сил недостаточно, и вскоре отозвал их обратно.

Действия кавалерии и казаков сыграли огромную роль в ходе Бородинского сражения. Два часа, потерянные Наполеоном, позволили русской армии укрепить разбитый левый фланг.

Нерешительность, колебания Наполеона, охватившие его во время атаки на флешы, после угрозы его тылу и флангу завладели теперь им целиком и окончательно парализовали его волю. После отхода Уварова и Платова он приказал маршалам и Богарнэ возобновить атаки, но свою старую гвардию, без которой победа не могла стать решительной, он наотрез отказался дать.

Собрав все свои силы, Богарнэ начал последнюю атаку на батарею Раевского — фатальный редут, или «редут смерти», как его называли французские солдаты. С фронта атаку вели пехотные дивизии, с флангов и тыла — кавалерийские корпуса. Дорого обошлась эта атака французам.

Дорого обошлась она и русским. Две предыдущие атаки вывели из строя защищавшую батарею 26-ю пехотную дивизию, Барклай сменил ее 24-й дивизией Лихачева, но и она понесла большие потери. Половина орудий батареи оказалась подбитой, укрепления сравнялись с землей.

На кожаном складном стуле, на краю кургана, сидел больной старик, командир дивизии Лихачев.

— Братцы, позади Москва! — кричал он солдатам, и солдаты продолжали вести огонь и штыками отражали натиск противника.

Вдруг грохот орудий стих. Издали казалось, что гигантская бронированная гусеница вползает на батарею, покрывая собою весь курган, сверкая на солнце желтой чешуйчатой броней. С фронта на русских кинулась пехота.

Немногие уцелевшие русские артиллеристы, не имея возможности стрелять, схватили банники, которыми прочищают орудия, и сбивали ими кирасир с коней. Артиллеристы все погибли у своих пушек. Почти вся 24-я дивизия легла там, где защищалась. В Ширванском полку из 1 400 солдат уце-

дело лишь 92. Сам Лихачев встал со стула, расстегнул мундир и с обнаженной грудью, шатаясь, пошел на штыки французов.

Рядом с русским Ширванским полком легли 1116 солдат 9-го парижского полка.

«Бородино стало могилой французской кавалерии», — писали французы, и большая часть ее нашла эту могилу на Курганной батарее.

Через несколько часов французы покинули батарею; все орудия были подбиты, укреплений не существовало. Лишь ряды мертвых французских и русских солдат остались на высоком кургане.

Близился финал Бородинской битвы. Назревал ее последний кризис. Он мог стать более катастрофичным, чем падение флешей и батарей, мог привести к полному поражению русской армии, хотя он разыгрался не на поле битвы, а на командных пунктах полководцев.

Бои еще шли. Войска были расстроены, но еще гремела артиллерия, местами шла ружейная перестрелка, на равнине, возле Курганной батареи, завязался горячий кавалерийский бой. Это Барклай де-Толли повел в контратаку на французскую кавалерию русские кавалерийские полки. Повел их сам, обнажил шпагу и дрался, как рядовой всадник. В этот день рядом с ним было убито несколько адъютантов, он сменил четырех коней, бывал в самых опасных местах. Внешне спокойный и невозмутимый, но глубоко оскорбленный отстранением от командования, травмированный не понимавшими его людьми, он искал в этот день смерти. Смерть обходила его.

Под конец воля его сдала. Он послал своего адъютанта Вольцогена к Кутузову. От имени Барклая Вольцоген передал Кутузову, что все пункты захвачены неприятелем и ничем их отбить, что русские бегут и нет возможности их остановить, что надо скорее отступать, пока не погибла вся армия.

Кутузов сам знал о тяжких потерях, понесенных войсками, знал, что пали флешей и батарея, в руках Наполеона деревни Бородино, Семеновская, Утица, что Багратиона нет, а Барклай сам настаивает на отступлении, знал, что на обоих флангах нависли корпуса маршалов Наполеона, а его главный резерв — императорская гвардия — еще не введена в бой и готова к удару.

Кутузов, всегда спокойный и сдержанный, закричал, что Барклай ничего не знает, что русские не бегут, что они завтра погонят врага с поля сражения.

Кутузов, мудрый и опытный, кровно связанный со своей армией, веривший в русских солдат, видел и понимал то, что

было недоступно пониманию даже лучших его генералов. Он помнил битвы под Мачином и штурм Измаила, катастрофу Аустерлица и разгром турок под Рушуком. Полвека слушал он грозную музыку сражений, видел страшные картины смерти, разрушений, пажики, когда у него на глазах таяли ряды неприятельской армии, а уцелевшие, в панике бросая оружие и артиллерию, спасались, отдавая территорию, покидая раненых, покидая немногих храбрейших, готовых еще драться, когда солдаты переставали слушаться командиров и те бессильны были что-либо сделать с воинскими частями, превратившимися в беспорядочную толпу.

Похоже ли это было на состояние русской армии в Бородинском сражении, когда оно многим казалось проигранным?

Нет. Кутузов, проведенный полвека в боях бок о бок с солдатом, был твердо уверен, что русский солдат не побежит. Только он один в этот критический момент сражения смог найти в себе то великое мужество и волю, которые он противопоставил тяжелым впечатлениям дня. Он не допустил отхода, а следовательно гибели русской армии. Гибели потому, что армия не батальон и в четверть часа не отрывается от противника, не выходит из боя так, как ей хочется, а, расстроенная боем, отступает под воздействием противника, к которому целиком переходит инициатива; отход превращается в бегство, отступающая армия гибнет под ударами преследования. Кутузов выгнал Вольцогена. Баркляю казалось все потерянным, он опять послал Вольцогена, потребовал у Кутузова письменного подтверждения приказа не отступать.

Уцелев в атаке и узнав, что Кутузов еще не решил отходить, Барклай сам прискакал на командный пункт Кутузова убедить его в необходимости отхода.

Кутузов отдал приказ готовиться к контрнаступлению: «Завтра атаковать противника». Этот приказ он послал объявить всем командирам, всей армии. Воля Кутузова онаиралась на волю к победе тысяч русских солдат, аккумулировала ее, вдохнула новые силы в измученные боем войска.

К Наполеону, на Шевардинский редут, тоже съехались маршалы. Они уже не просили, не уговаривали, а требовали послать в бой старую императорскую гвардию. Ней возмущенно говорил своим товарищам, что, если Наполеон «хочет быть только императором и не хочет командовать, пусть отправляется в Тюильри и предоставит нам командование». Мюрат в последний раз настаивал на разрешении ввести в бой гвардейскую кавалерию, ручаясь, что сражение, а с ним и вся кампания будут выиграны.

Впервые за весь день Наполеон сел на коня и сам поехал

к линии огня. Он приблизился к сгоревшей, разрушенной деревне Семеновской, и то, чего не понимали Барклай и французские маршалы, но что понимал Кутузов, понял и Наполеон.

Он видел десятки сражений, видел победы, когда мимо него гнали беспорядочные толпы пленных, волокли знамена и орудия, представляли униженных пленных генералов. Здесь же он не видел ничего подобного. Воля Кутузова вновь собрала воедино русские полки, и «видно было, как они, не теряя мужества, смыкали свои ряды, снова вступали в битву и шли умирать...» — писал Сегюр, стоявший в ту минуту рядом с Наполеоном.

Опять, разделенные полем сражения, стояли друг против друга два полководца. Разыгралась последняя сцена борьбы, из которой Кутузов вышел победителем. Именно здесь, под сожженной русской деревней Семеновской, почувствовал Наполеон тот первый страшный удар, после которого стал возможен удар под Ватерлоо. Именно этот грохот Бородина сменился глухой могильной тишиной на острове Святой Елены, и там Наполеон говорил, что «из всех сражений, мною данных, самое ужасное то, которое дал я под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми».

Маршалы опять заговорили о гвардии.

— Я не могу рисковать своим последним резервом за 3 000 километров от Парижа, — оборвал их Наполеон и повернул обратно коня.

Он возвращался к Шевардину. Страшен был, пишут очевидцы, вид его воспаленных, блуждающих глаз. Вся его сгорбившаяся фигура выражала усталость и безнадежность.

Хриплым голосом отдал он приказ отступить, а войскам Мортье приказал удерживать занятые позиции. Вскоре он опять вызвал Мортье и спросил, понял ли он его приказ стоять на месте и ни в коем случае не наступать.

— Делайте, что вам говорят, и ничего более, — потребовал Наполеон.

Через несколько часов он опять вызвал Мортье и приказал отвести войска. Не добившись победы, он оставил на Бородинском поле почти 50 000 убитых и раненых своих солдат.

Кровавая битва затихла. «Раненые звали родных, но позади был Гжатск, а не Дрезден», — с горькой иронией пишет французский врач. Если раньше они рвались в Россию, надеясь поработить русских людей, как опьяненные, шли за На-

полеоном, то в бою этот хмель прошел, и «...раненый вестфалец, — пишет тот же врач, — проклинал Наполеона, проклинал брата Наполеона — вестфальского короля, за которыми пошел в Россию, и жалел, что не может им отомстить...»

Таких искалеченных, изуродованных вестфальцев, пруссаков, итальянцев, поляков, португальцев, французов были десятки тысяч. Они плакали, стонали, некоторые бредили; им казалось, что они еще в аду сражения. Раненые молили о помощи, но их некому было подобрать, некуда было положить, и они лежали на холмах и в долинах, их стоны доносились из оврагов и из-под груды мертвых тел. Никто не приходил к ним на помощь.

Близилась ночь, полил дождь, дул резкий осенний ветер. Становилось темно, холодно. Раненые умирали. Далеко-далеко от Бородинского поля в траур оденутся города и деревни Франции, Германии, Польши, Италии, Португалии и десятков других стран, солдаты которых пошли за Наполеоном в Россию.

Сегюр, доктор Роос, Цезарь Ложье и другие с изумлением писали о том, как стойко вели себя русские раненые. Они почти не стонали, не жаловались, некоторые отказывались говорить с врачами, некоторые сами крепко перевязывали перебитые ноги ветками деревьев и медленно ползли на свою сторону.

«...Никакое бедствие, никакое проигранное сражение, — пишет Ложье, — несравнимо по ужасам с Бородинским полем, на котором мы — победители. Все потрясены, подавлены. Армия неподвижна. Раненым нехватает места, кругом трупы, трупы людей, коней, лужи крови, брошенное оружие, разрушенные и сгоревшие дома, земля, изрытая ядрами. На батареях смерть уложила всех людей и коней. Русские канониры, изрубленные кирасирами, лежат у своих орудий, целые ряды пехоты полегли, как скошенные. Генералы, офицеры, солдаты молча бродят подавленные, изумленные. Они не верят, что живы, незнакомые начинают говорить друг с другом. Все голодны. Забыв все на свете, солдаты шарят по карманам убитых, разыскивая сухари...»

«Безмолвны бивуаки, — писал Сегюр, — ни пения, ни говора, даже вокруг императора не слышно обычной лести. Суровая тишина. Солдаты поражены количеством убитых и раненых и ничтожным количеством пленных, а ведь только ими определяется успех. Убитые свидетельствовали о храбрости противника, а не о победе над ним. Если он отшел в таком блестящем порядке, что значит для нас приобретение

какого-то поля битвы? Контуженный русский раненый встает и идет к своим, и никто его не останавливает».

Наступила ночь.

Состояние прострации овладело великой армией.

* * *

Наполеону удалось занять укрепленные позиции Кутузова. Он достиг тактического успеха, но русскую армию не сокрушил и вынужден был, опасаясь контрнаступления, оставить захваченные укрепления, потеряв этот единственный успех и лишившись 50 000 солдат и офицеров. Наполеон хотел разгромить русскую армию и, одним ударом победив Россию, закончить войну, а вместо этого сам перешел к обороне, что явилось стратегическим поражением наполеоновской армии. Это не помешало Наполеону написать бюллетень о победе над русскими — «самый лживый из своих бюллетеней», — писал Сегюр. Этим он не надолго обманул Европу, но армию свою он не мог обмануть.

К ночи подсчитали пленных и трофеи и доложили Наполеону, что взято в плен 700 русских солдат, в большинстве своем раненых, и 13 орудий. Наполеон не поверил, приказал пересчитать; пленных пересчитали, и опять доложили, что из двадцатитысячной армии в плен попало всего 700 солдат. Наполеону указали на бесчисленное количество трупов русских, пытались говорить о его победе, но он ответил, что он сам видит победу, но не видит выгод, наоборот, можно ждать нового наступления русской армии.

На Бородинском поле Кутузов заставил Наполеона перейти к стратегической обороне, и это привело Наполеона впоследствии, в Москве, к обороне в политике.

Ночью русская армия заняла новую позицию восточнее Бородина — на опушке леса.

Теперь никто в русской армии не считал сражение проигранным. Ее живая сила не была ни уничтожена, ни взята в плен, ни разбита, что явилось бы поражением, она не бежала, теряя оружие, она, сохранив силы, вооружение и волю к борьбе и победе, боеспособной отошла на новую позицию, готовясь к новому сражению утром 8 сентября.

Казачьи отряды, посланные в разведку, добрались до Шевардинского редута, где находилась палатка Наполеона, и охранявшая ее гвардия дважды кидалась к оружию. Разведка показала, что батарея Раевского, и флеши, и все Бородинское поле оставлено французами, и это еще больше облегчило русской армии наступление.

В этот момент Кутузов приказал... отходить к Москве. Этому никто не хотел верить. Кутузов остался верен себе. Он приказал произвести расчет войск, и ему донесли о потере 44 000 солдат и 23 генералов. Он знал, что Наполеон понес меньшие потери, но понимал, что новое сражение 8-го даже при успехе русской армии и отступлении Наполеона приведет французскую армию к ее же резервам, а русские, истощив в новом бою все силы, не смогут реализовать победу. Он знал также, что у Наполеона осталась нетронутая его гвардия, и это новое сражение было рискованно для русских.

Силы воюющих государств в ту эпоху были таковы, что одним ударом далеко не всегда решался исход войны,—стратегия требовала ряда последовательных сокрушающих ударов. И если первый успех русской стратегии — отход к Бородину — ослабил французов и дал свои результаты, второй успех под Бородиным был победой, то нужны были новые могучие удары, чтобы разгромить нашествие. Предстояла еще жестокая борьба.

Для этого, добившись стратегической победы под Бородиным, Кутузов под утро 8 сентября снялся с позиции и в полном порядке отошел.

В штабе Наполеона были изумлены — армия Кутузова исчезла. Наполеон ободрился. Он еще не смог сразу начать преследование, потому что войска русского аррьергарда оставались на позициях, но Кутузов все-таки ушел.

Наполеон проезжал Бородинским полем, кто-то обратил его внимание на это гигантское кладбище. Он сам знал, что у него выбыли из строя 57 000 солдат и 47 генералов, но сегодня он бодро ответил: «До Москвы два дня пути, а в Москве все забудется».

Наполеон двинул вперед в авангард кавалерию Мюрата.

Французы не верили своим глазам. Дорога была пуста. Ни одного человека, ни одной повозки, даже ломаного колеса не оставил Кутузов в пути. Свежие могильные насыпи и кресты говорили, что русская армия отходит спокойно, успевая хоронить своих мертвых бойцов. А в армии этой были десятки тысяч раненых, огромный обоз и неисчислимые потери в конском составе.

— Что это за армия, которая после такой битвы так образцово отошла? — сказал Мюрату изумленный Ней.

Мюрат подошел к Можайску и, уверенный, что погонит русских дальше, пригласил Наполеона ночевать в городе.

Наполеон приехал, и на его глазах авангард Мюрата после упорного боя был отброшен с потерями от Можайска. Наполеон был потрясен. В глубоком раздумье, не обращая

внимания на окружающих, он продолжал ехать к Можайску. Кто-то указал ему на опасность. Наполеон долго смотрел на бивуачные огни шестидесятитысячной русской армии, прикрывавшей пути к Москве.

Образцовый отход Кутузова, бой за Можайск окончательно показали Наполеону, что Бородино не было победой. Борьба продолжалась.

Глава IV

Русская армия, отойдя от Можайска, подходила к Москве. Вслед за ней, медленно, точно ощупью, двигалась армия Наполеона.

Кутузов чувствовал, как с каждым шагом, приближающим армию к Москве, кризис войны обостряется. Кризис тяжелый и опасный для России, для армии, для него самого.

Высказывают иногда мнение, что Наполеон потому потерпел поражение в Москве, что, растянув свои коммуникации, он вынужден был оставить на них большую часть войск и не мог стянуть достаточно сил к Москве. Кутузову ничего не стоило бы воздействовать на коммуникации французской армии и выиграть войну. Но при этом забывают, что только из-за растянутых коммуникаций войн не проигрывают, особенно такие полководцы, как Наполеон.

Войну решали не только коммуникации, действия армии, но и ряд других политических, экономических и стратегических факторов. Учесть и правильно решить их, то-есть решить судьбу Москвы и всей России, было далеко не так просто, не так легко. И в сентябрьский день 1812 года образ Кутузова, стоявшего на Поклонной горе под Москвой, на вершине своей полководческой славы, либо на краю возможного своего бесславия и позора, рисуется не только великим, но и глубоко трагичным. Надо было решать вопрос, как вести войну дальше.

Кутузов знал, что исход войны зависит прежде всего от воли к победе русского народа и русской армии, от тех военных резервов, которые имеет Россия. Но сейчас все зависело от его — Кутузова — решения.

Что мог решить Кутузов? Народ и армия видели в нем спасителя России, ждали, что он поведет войска в новое сражение, что не сдаст без боя Москву. Народ и армия готовы были сражаться под стенами Москвы. Население Москвы в эти дни рвалось к оружию.

— Лучше умереть в Москве, чем сдать ее неприятелю, — говорили в армии.

«Там, за Москвой, казалось, начнется иная жизнь, невыносимая, если сдадут Москву», — писал современник.

Все это говорило Кутузову, что надо сражаться под стенами Москвы, и если придется, то дать бой, самый кровавый и ужасный из всех видов боя, — уличный бой.

В этом бою можно потерять всю армию, но ее можно было потерять и без боя, потому что сдача Москвы грозила деморализацией армии и потерей ее боевого духа. Кутузов еще более остро, чем под Бородиным, почувствовал, что сдача Москвы без боя вызовет гнев царя и что это явится достаточным мотивом для смещения главнокомандующего. Оно будет означать, что и Бородино было поражением, а не победой, как доносил Кутузов.

Что это будет так, об этом говорило поведение Беннигсена, Ростопчина и всей толпы завистников и клеветников, которые, почуяв шаткость положения Кутузова и поддержку царя, обнаглели в своих обвинениях, говоря, что старик боится Наполеона и помешался на ретирадах.

Кутузов помнил, как удалили его из армии после Аустерлица, затем — после Рущука, но тогда царь вынужден был вернуть его, поставить во главе вооруженных сил и опять доверить ему судьбу России. А сейчас Кутузов чувствовал, как конфликт между ним и царем, то затихавший, то обострявшийся, на этот раз достиг кризиса, и стоит только решиться на сдачу Москвы, как его, старого полководца, навсегда прогонят из армии. Он должен будет уйти, оставив армию Беннигсену. Ему останется короткий путь к могиле, путь к позору и бесславному забвению. Кутузов, любивший свою родину, не мог примириться с мыслью, что он сдаст Москву Наполеону.

Это не то, что сдать крепость Рущук, чтобы потом вернуть ее, и даже не сдача Вены. Речь шла о существовании родной столицы, о существовании русского государства, о судьбах родного народа.

Москву надо было защищать.

К этому решению вели не только мысли Кутузова в тот час на Поклонной горе, — на этом настаивали почти все окружавшие Кутузова командиры, для которых хотя и ясно было, что на позиции, избранной Беннигсеном, драться невозможно, но еще более невозможным казалось им сдать Москву без сражения.

И все же мысль полководца Кутузова пробивалась к единственно верному решению. Истина точно мерцала вдали, скрываемая разноречивыми доводами и соображениями. Но мысль полководца двигалась к истине могучими усилиями

ума и сердца. Она отвергала все препятствия — волю царя, с которым он теперь вступил в открытую борьбу, заботу о личной славе, даже мнение народа и армии. Он видел перед собою не только Москву, но и всю Россию, весь гигантский театр военных действий, где могла быть решена судьба войны.

Москва должна быть сдана.

Кутузов знал, что народ решил защищать Москву, но надеялся, что сдача Москвы не обескуражит русских людей, а, наоборот, вызовет в них новые силы, еще большую готовность к борьбе, и в этом будет залог успеха. Он знал, что вся армия готова погибнуть под стенами Москвы, но знал также, что армия уже потеряла массу солдат и много командиров. Он должен выиграть время, чтобы пополнить армию, готовить ее к новым боям.

Кутузов говорил, что «Россия там, где русский народ». Он знал, что Россия непобедима, пока народ ее защищает, и центром политической жизни может стать (и стала) деревня Леташевка, если этот центр имеет за собой реальные силы. И эти силы Кутузов решил сберечь, даже ценой временного оставления территории.

Кутузов-полководец решал и как замечательный политик и дипломат, неизменно учитывавший психологию солдат армии противника, острым умом проникавший в замыслы ее полководца, в обстановку, сложившуюся в Европе. Он верил, что страшный удар, нанесенный под Бородиным, скажется позднее и Бородино в судьбе России будет победой. Глубокое понимание природы войны подсказывало Кутузову, что война вступает в решающий этап, но что нужно еще время и время.

И он, мудрый, всегда неторопливый, решил ждать и не форсировать событий. Но ожидать, не полагаясь на произвольный ход событий и не подчиняясь воле Наполеона и его действиям, а маневрировать так, чтобы поставить свою армию в безопасное положение и самому получить свободу действий.

Маневр надо прикрыть военной хитростью, которая столько раз помогала ему; надо обмануть Наполеона, ввести его в заблуждение относительно своих замыслов и скрыть эти замыслы даже от своего штаба, которому Кутузов, за исключением отдельных командиров, окончательно перестал доверять. Если он раньше шутливо говорил, что «подушка, на которой спит полководец, не должна знать его мыслей», если всю жизнь это было для него правилом, то теперь он уже не сомневался, что Бенингсен и его компания разболтают

любой его секрет, выдадут самую сокровенную военную тайну.

Решая сдать Москву без боя и скрывая свои замыслы, он не только не оправдывался перед царем, народом, армией, а, наоборот, усугублял «вину», оставив себя без защиты от гнева императора Александра, дав широкий простор для клеветы Беннигсена, Ростопчина и других.

Но Кутузов пошел и на это ради спасения родной страны.

Сдача Москвы противнику была величайшей трагедией русского народа, русской армии, мучительной трагедией полководца Кутузова.

Стоя на Поклонной горе, он смотрел на Москву, огромную и величественную, сверкавшую под лучами холодного сентябрьского солнца, и молча слушал, как окружавшая его свита обсуждала позицию, избранную Беннигсеном.

Барклай, всегда все сам проверявший, несмотря на мучившую его жестокою лихорадку, сел на коня и объехал позицию. Вернувшись, он указал Беннигсену на невозможность обороняться в избранной позиции и доложил об этом Кутузову.

Беннигсен сделал вид, что изумлен этим открытием, обещал еще раз осмотреть местность, но этого не сделал.

Кутузов послал на рекогносцировку Ермолова и Толя, спросил, можно ли отойти с этой позиции на Калужскую дорогу, и уехал в Фили, где в 5 часов собирался военный совет.

Совет начался с опозданием. Все ждали Беннигсена, который вместо рекогносцировки обедал и на совет не торопился. Борьба между ним и Кутузовым вступала в решающий этап, и все его действия были направлены к тому, чтобы дискредитировать Кутузова. Беннигсен решил настаивать на новом генеральном сражении под Москвой.

Он мог действовать без проигрыша. Если победит русская армия, он припишет победу себе, а за поражение все равно ответит главнокомандующий. К тому же дело шло о чуждых для него интересах чужого ему народа в чужой для него стране. И на совете Беннигсен поставил вопрос: «Сразиться ли под стенами Москвы, или сдать ее неприятелю?»

Кутузов сердито прервал его, указав, что такой вопрос обсуждаться не может, что обсуждать нужно вопрос: следует ли рисковать всей армией, расположенной на невыгодной позиции, или сдать Москву без боя...

Мнения разделились. Пользуясь разногласиями, Беннигсен стал настаивать на своем.

— Мы те же русские! — с притворным пафосом восклицал иностранный наемник. — И будем сражаться так же храбро, как и прежде.

На Беннигсена не подействовали доводы Баркляя и других генералов, но его отрезвило вежливое, но полное глубокого сарказма напоминание Кутузова о Фридланде, когда Беннигсен поставил русскую армию в точно такое же положение и обрек ее на поражение.

Более страшного аргумента, чем напоминание о Фридланде, не потребовалось, и Беннигсен умолк. А Кутузов продолжал говорить о том, что с потерей Москвы еще не потеряна Россия, что русский народ идет на беспощадную борьбу, он готов на любые жертвы ради спасения России, но сейчас для нанесения решающего контрудара надо сначала отойти по Рязанской дороге. Наконец, Кутузов тихо произнес тяжелые и решающие слова:

— Приказываю отступить.

Молча покидали генералы военный совет и, не глядя друг на друга, разъехались по корпусам. Кутузов остался один. Никто так и не узнал, что пережил он в эту ночь. Говорят, что из его комнаты иногда доносились глухие, сдерживаемые рыдания.

Весть о сдаче Москвы обожгла сознание всей армии. В некоторых корпусах отказывались верить приказам отступить, в штабах говорили об измене.

Армия покидала Москву, но солдаты считали, что их ведут через Москву в обход атаковать армию Наполеона. Они двигались по затихшим улицам мимо безмолвных жилищ.

Но вскоре открылась истина — войска повернули на Рязанскую дорогу, оставив позади Москву. У дороги близ старообрядческого кладбища Кутузов остановил свои дрожки, пропуская мимо себя полки.

Сгушался сумрак. Над опустевшей Москвой плыл звон колокола. Слепой пономарь кладбищенской церкви, для которого не существовало событий, медленно и ритмично дергал за веревку. Толь доложил, что французы уже вступили в Москву, но фельдмаршал, облокотившись рукой на колено, был в глубоком раздумье и ничего как будто не слышал.

В этот момент к нему подъехал руководитель партизанского отряда капитан Фигнер. Он доложил, что приказание Кутузова выполнено и на квартире Фигнера собраны люди для выполнения тайного приказа полководца, сложены ракеты и зажигательные вещества.

— Москва запыляет в первую же ночь, — закончил свой доклад Фигнер.

Кутузов обнял Фигнера и тихо произнес:

— Москва станет последним торжеством Бонапарта.

Замыслов Кутузова никто не понял.

Ростопчин доносил царю, рисуя Кутузова предателем Москвы, а Беннигсен доносил так, что Кутузов казался помешанным стариком.

Государственный совет требовал прислать протокол совещания в Филях и объяснения, почему Москва сдана без сражения.

Царь запрашивал, что привело Кутузова к «столь несчастной решимости».

Кутузов не отвечал, и впоследствии перепуганный император истошно завопил из Петербурга: «Князь Михаил Илларионович! Со 2 сентября Москва в руках неприятеля... на вашей ответственности остается, если неприятель в состоянии будет отрядить значительный корпус на Петербург. Помните, что вы еще обязаны ответом оскорбленному отечеству в потере Москвы...» Кутузов не ответил и повел армию дальше по Рязанской дороге, так и оставив открытой дорогу на Петербург.

Разные слухи ползли в народе, проникали в армию. Появилась опасность, что армия и народ могут усомниться в успехе войны, а это означало катастрофу.

Раненый в бою под Бородиным, Монахтин, узнав о падении Москвы, в гневе сорвал повязки со своих ран и умер.

Даже мужественный и честный Барклай заколебался. «Благодарите бога, что вас отозвали отсюда, у нас здесь нельзя ожидать ничего дельного...»,—сказал он отъезжавшему в Петербург Клаузевицу.

В глубоком раздумье смотрел Кутузов на ночной небосклон, озаренный заревом пожара Москвы. Мимо него двигались обозы, толпы людей. Порою холодный сентябрьский ветер приносил пепел и запах пожарища, шевелил седыми волосами полководца, и никто тогда не знал, какие думы обуревают его старую голову, какие чувства волнуют сердце, по каким путям поведет он народ, русскую армию к спасению России. Великий полководец попрежнему хранил невозможное молчание.

Ни русский народ, ни русская армия, ни Кутузов повинны были в сдаче Москвы. Россия была отсталой феодальной страной, и сдача Москвы явилась вынужденной жертвой, принесенной в дань российской отсталости. Великой жертвой, принесенной ради великой победы над врагом.

Велик героизм всего русского народа, велик талант Ку-

тузова, и огромны были жертвы, которые сделали Россию победительницей в неравной войне 1812 года.

На то же место, где стоял на Поклонной горе Кутузов, прибыл со штабом Наполеон.

— Наконец! Вот он, знаменитый город! — вырвалось восклицание у Наполеона.

Да и пора уже: все усилия, все тяготы, все жертвы были позади, а цель, великая цель всей жизни, к которой он стремился столько лет, наконец, достигнута — Москва у его ног, а он господином положения, победителем стоит на Поклонной горе на вершине своих самых дерзких мечтаний...

Начиная войну с Россией, он имел в виду прежде всего весьма определенные выгоды. Он хотел победить Россию и сокрушить Англию. Но иногда наиболее близким людям он высказывал и другие, неизмеримо дальше идущие мечты.

— У меня хранится карта, — говорил он Нарбонну, — на которой указаны экономика народов и пути, по которым можно пройти от Эривани и Тифлиса до английских владений в Индии... Представьте себе, что Москва взята, Россия сломлена, с царем заключен мир или он пал жертвой дворцового заговора; что, может быть, явится новый, зависящий от меня трон, и скажите мне, разве есть средство закрыть отпавшим из Тифлиса великой французской армии и союзным войскам путь к Гангу? Разве недостаточно прикосновения французской шпаги, чтобы во всей Индии обрушились подмостки торгашеского величия?..

Но и этого ему было мало. Воюя с Россией, он одновременно занимался Египтом и Сирией, откуда посланные им люди присылали ему сведения об этих странах.

Став хозяином в завоеванной России, он будет хозяином Черного моря, и если раньше турки, побежденные русской армией, отказались от предписанной им роли в войне 1812 года, то теперь он продиктует волю Оттоманской империи в Константинополе, он проникнет в Азию, покорит ее слабые народы, и тогда... император Запада будет господином Востока, повелителем мира.

Не для этого ли в его личном обозе везли тщательно укрытые, специально охраняемые повозки, где хранились его статуя, которую он собирался установить в Кремле, и драгоценные императорские регалии.

Полушутя, полусерьезно жаловался он своим приближенным, что не может заставить народы почитать себя, как бога...

— Я явился слишком поздно, — говорил он, — нельзя свершить ничего великого. Согласен: карьера моя хороша. Я

прошел прекрасный путь. Но какое различие с древностью! Вспомните Александра Македонского: когда он завоевал Азию и объявил себя сыном Юпитера, ведь за исключением Олимпии, которая знала, как к этому относиться, да еще Аристотеля и нескольких афинских педантов, ему поверил весь Восток! Ну, а если бы мне пришлось в голову объявить себя сыном предвечного и воздать себе преклонение в качестве такового? Ведь последняя торговка захочет мне в глаза. Нет! Народы теперь слишком просвещенны!

Он говорил об этом раньше полусуто, но теперь, стоя на Поклонной горе над покоренной Москвой, Наполеон ни на минуту не сомневался в том, что он властелин мира.

Осталось только разыграть сцену принятия ключей от Москвы, сцену, которую он так любил и к которой он привлек в Европе.

Он принимал ключи Берлина и ключи Вены, ключи итальянских городов и ключи Лиссабона и многих других крепостей и городов, но шел час... другой... третий, а ключей от Москвы ему не несли. Москва была пуста.

Русские люди не понесли «властелину мира» ключей от своей столицы.

Он вспомнил, что так же, как пуста Москва, был пуст и Смоленск, были пусты самые глухие русские деревушки почти на всем его пути от Немана. Но он еще не понимал, да и не мог бы примириться с мыслью, что его свергают в бездну.

По одному мановению руки императора французские корпуса двинулись вперед и несколькими потоками вливались в улицы Москвы. Сам Наполеон поселился в Кремле и спокойно уснул сном победителя.

Страшно было его пробуждение.

В окна кремлевского дворца било зарево пожара. Наполеон вскочил. Мамелюк подал ему одежду, но сапоги полетели в лицо любимого лакея, а император, босой, полуголый, кинулся к окнам, выходящим на Красную площадь. На Красной площади горели торговые ряды. Он кинулся к окнам, выходящим на Москву-реку, и увидел, как, охваченное огнем, пылало Замоскворечье.

Одевшись, он вышел на кремлевский двор, стал отдавать распоряжения потушить пожар, но все было напрасно.

— Какое ужасное зрелище! Это они сами поджигают, — произнес он. — Сколько прекрасных зданий, какая необычайная решимость! Что за люди! Это скифы.

Огонь подступал все ближе, и маршалы уговорили Напо-

леона бежать. Они едва прорвались сквозь горевшие улицы и благополучно добрались до Петровского дворца.

Но Наполеон не знал тогда, что еще более страшный для него пожар, в котором погибнут его армия и его слава великого полководца, разгорается за стенами Москвы: то был пожар партизанского движения, пожар народной войны, свергнувшей в бездну высоко забравшегося захватчика...

После пожара Москвы, бушевавшего несколько дней и уничтожившего почти всю столицу, Наполеон возвращался в Кремль. По сожженным улицам бродили его солдаты, продолжавшие грабить, не обращая внимания даже на него—их грозу и кумира. Это потрясло Наполеона. Он отдавал приказ за приказом, но дисциплина армии, основа ее боеспособности, падала на его глазах, и он не в силах был остановить этот разрушительный процесс.

— Где же Кутузов и его армия? — стал тревожиться Наполеон.

Он потребовал ответа у Мюрата, и тот приказал своему авангарду, преследующему Кутузова по Рязанской дороге, разбить арьергард, прикрывающий русскую армию, и разведать ее главные силы. Командовавший авангардом Себастиани выполнил приказ. Арьергард Кутузова был отброшен, но... оказывается, он никого не прикрывал. Русской армии за ним не было. Семидесятитысячная армия исчезла среди бела дня. Мюрат метался в поисках несколько дней, не решаясь донести Наполеону, что он потерял всю русскую армию, потерял и не может найти, как иголку в стоге сена.

Кутузов завершил свой гениальный марш-маневр. Дойдя до Красной Пахры, Кутузов приказал арьергарду отходить все дальше и дальше на Рязань, заманивая за собой французов, а сам со всей армией быстро и скрытно свернул с Рязанской дороги и пошел на Калужскую дорогу, став близ деревни Тарутино, угрожая коммуникациям французской армии.

Сдача Москвы и последовавший за ней гениальный марш-маневр — вершина полководческого искусства Кутузова.

Вся сущность и многообразие полководческого таланта Кутузова выявились здесь с наибольшей яркостью. Он понимал природу войны, предвидел дальнейший ход операций. Он верил в силы своего народа, в силу русской армии, он проникал в замысел противника и противопоставлял ему свой замысел. Замечательным маневром, разумно организованным маршем он занимал стратегически выгодное положение. Свой замысел он прикрывал военной хитростью и глубокой военной тайной. Мудрый и осторожный, он стремился к победе

малой кровью, сберегая жизни солдат и командиров. Он осуществлял свои решения с огромным упорством и гибкой последовательностью, не щадя своей жизни и благополучия, оставив нам замечательный пример мужества и ответственности перед родиной.

Марш-отход Кутузова к Цнайму, отход за Дунай после Рушука и особенно отход к Москве после Бородина дали основание врагам Кутузова говорить, что он полководец нерешительный, склонный к отступлению, что он добивается победы пассивно, предоставив все терпению и времени, дожидается гибели противника, совершившего ошибку.

Но осторожность Кутузова никогда не была нерешительностью. Она всегда вела к победе «не числом, а умением».

Отходы Кутузова — это маневр, направленный к выигрышу времени и пространства для решительного удара. Так было под Рушуком, Кремсом и, наконец, под Бородиным. Не «генерал ретирад», как его пытались изобразить враги или не понявшие его историки, а полководец, сущностью искусства которого был широкий стратегический маневр вне поля боя, переход от обороны к наступлению и разгром противника в то время, когда все данные для успеха, казалось, были на стороне неприятеля. И только теперь, когда, совершив изумительный марш-маневр к Тарутину, Кутузов создал реальную угрозу французам, все поняли, что полководец был прав.

Теперь вспомнили слова Кутузова о том, что «самой сдачей Москвы я приготовлю гибель Наполеону», что «армия французская рассосется в Москве, как губка в воде»; вспомнили, как убеждал он, что Москва сдана за Россию, а Россия там, где русский народ, как обещал, что заставит французов питаться кониной, как год назад заставил это делать турок. Тогда на все эти слова Кутузова не обращали внимания, а они были пророческими.

Теперь стало всем ясно, что отходить сразу по Калужской дороге означало поставить армию под разгром с флангов и что движение на другие дороги стратегических выгод не сулило, в то время как маневр на Рязанскую дорогу, прикрытую по условиям местности с флангов, уводил русскую армию, особенно до перехода Москвы-реки, от опасности. Это сближало ее с армиями Тормасова и Чичагова. Стало ясно, что неожиданное появление армии на Калужской дороге преграждало Наполеону путь в южные губернии России, к оружейным заводам Тулы и Брянска и ставило под удар основную коммуникацию Наполеона на Смоленской дороге.

В ходе войны 1812 года обозначился перелом.

Глава V

Лагерь русской армии расположился у деревни Тарутино за небольшой болотистой рекой Нарой.

Кутузов хотел дать войскам отдых, накопить новые силы. К лагерю подходили все новые и новые вооруженные отряды. Народ поднялся на войну с иноземными захватчиками. Кутузов решил пока не тревожить Наполеона, не вызывать его на новые бои, а, наоборот, успокоить своим якобы бездействием.

Но полководец снова оказался не понятым императором Александром и его приспешниками. Александр видел, что Наполеон спокойно сидит в Москве, дорога на Петербург остается открытой, а русская армия «бездействует» у Тарутина, и, не разобравшись в новой стратегической обстановке, он настаивал, чтобы Кутузов дал сражение Наполеону.

Удалить Кутузова из армии царь на этот раз побоялся. Он это легко делал в 1805 и 1811 годах, когда война заканчивалась, но сейчас наступил самый критический момент, и удалить Кутузова, за которым стояли армия и народ, он не решился. К тому же в тайном военном совете в Петербурге нашлись люди, понимавшие лучше царя, что Кутузов не бездействует, и на донос Беннигсена член совета Кнорринг ответил: «Каждый день его «бездействия» стоит победы».

Сидя в сожженной Москве, Наполеон ждал, что русские сами предложат мир.

Однако русские парламентарии не появлялись. Надо было что-то решать самому.

Наполеон старался прочно обосноваться в Москве. Из оставшихся в Москве дворян и купцов был создан Московский муниципалитет, но он не смог наладить жизнь в сожженной Москве и почти никакой роли не играл. В Москве голодало не только население, но и наполеоновская армия. Были сделаны попытки наладить снабжение из окрестных деревень, но крестьянство оставалось непримиримым, и были случаи, когда крестьяне убивали не только французских фуражиров, но и своих односельчан, если они вступали в сделку с врагом. Не было сражений, но были донесения о разгроме целых отрядов, посланных на фуражировку или следовавших в Москву на пополнение армии Наполеона. Французская армия находилась точно в осаде. Регулярные части, казаки, партизаны, местами все население лишали французскую армию возможности питаться и жить за счет народа, как это проводилось Наполеоном в Италии, Австрии, Пруссии и что составляло одну из важнейших основ его стратегии.

Наполеон не понял России и ее народа, хотя знал о ней все, что могли сообщить его шпионы. Он не понимал, почему взятие Вены и Берлина приносило ему мир, а Москва принесла новые бедствия. Честолюбие мешало ему признать себя побежденным.

Долгими часами император Франции шагал по залам кремлевского дворца в поисках выхода из создавшейся обстановки. Неподвижную тишину дворца нарушал доносившийся сюда пронзительный крик ворон, которые неисчислимыми стаями кружились над Кремлем.

За окнами лил осенний дождь, ветер крутил пепел пожара, на улицах валялись кучи хлама, разбитой домашней утвари, и по небу плыли, чуть не цепляя колокольню Ивана Великого, тяжелые, темные осенние тучи.

Наполеон чувствовал себя точно в плену. Он волен и в то же время бессилен что-нибудь предпринять. Иногда ему казалось, что он все же повелитель Европы и отсюда, из кремлевского дворца, будет диктовать свою волю вселенной. И вдруг становилось ясно, что он не император мира, а сторож сожженной Москвы, посадил его здесь старый одноглазый фельдмаршал Кутузов, который сжег столицу, как простую деревню, и оставил его, французского императора, сторожить пожарище.

Миновал сентябрь, наступил октябрь, а ответа на предложение о мире не было. Тогда Наполеон послал в штаб Кутузова бывшего посла в России Лористона. Прощаясь с ним, Наполеон не выдержал. Он чувствовал безвыходность положения, боялся потерять последнюю возможность спасения, и вместо обычной бравады Лористон услышал беспомощную мольбу:

— Я хочу мира, мне нужен мир, нужен во что бы то ни стало, спасайте только честь...

Лористон спешно выехал в Тарутино.

Но, отправляя своего посла, Наполеон «не думал о том, что заключать мир с ним будет русская нация, а не царь», — писал Франц Меринг.

Выражая волю своей нации, Кутузов не шел на мир с Наполеоном. Он встретил Лористона изысканно вежливо, принял у него два письма — одно для Александра, другое для себя — и, положив их на стол, завел беседу с послом о погоде и музыке, о парижских женщинах.

Лористон, прервав фельдмаршала, высказал надежду, что курьер с письмом для Александра двинется в Петербург сегодня же. Но Кутузов посмотрел в окно и ответил, что на ночь глядя посылать нет смысла. Тогда Лористон предложил,

чтобы сократить путь курьеру, послать его через Москву, обещая пропуск, но Кутузов ответил, что русские сами знают дорогу в свою северную столицу, и возобновил прерванный разговор.

Теряя терпение, Лористон прямо предложил Кутузову прочесть письмо, адресованное Наполеоном ему лично. Кутузов вскрыл конверт, прочел письмо, затем опять заговорил о французских женщинах, о Париже, который он когда-то посетил, и Лористон почувствовал, что русский полководец играет им самим и его императором и в его старческих пухлых руках теперь не только письмо, на которое он волен отвечать или не отвечать, но и судьба французской армии, судьба Европы.

Забыв о выдержке, французский дипломат прямо заявил, что Наполеон предлагает кончить войну.

— Кончить войну? — переспросил Кутузов. — Да ведь мы ее только начинаем...

И великий русский полководец, дипломат и политик дал понять Лористону, что он знает состояние французской армии и положение самой Франции, знает, что французы терпят поражения в Испании и что европейские дела тревожат Наполеона, а на упрек Лористона, что война ведется «не по правилам» и нельзя убивать французских фуражиров, Кутузов ответил, что не может изменить настроение народа, который более двухсот лет не видел на своей земле завоевателей.

Он не отказывался от переговоров, рассчитывая, что этим еще дольше удержит французов в Москве и продлит отдых своей армии, но и не давал каких бы то ни было обещаний.

Так ни с чем и уехал Лористон. Наполеон понял, что надо отступать. Но своим маршалам он говорит не об отступлении, а о наступлении на русскую армию.

— Мы пойдем на Калугу, и горе тому, кто преградит нам путь! — говорил Наполеон.

Это была еще действительная угроза. Наполеон вел за собой стотысячную армию, еще боеспособную и сильную. В ней поредела кавалерия, убавилось пушек, но пехота способна была наносить мощные удары. Многие считали, что силы Наполеона иссякли и французская армия уже не представляет опасности. Но Кутузов знал, с кем имеет дело, и когда какой-то офицер пошутил над Наполеоном, Кутузов сурово оборвал его:

— Молодой человек, кто тебе позволил так отзываться о величайшем полководце?

Предстояло еще раз столкнуться с неприятелем, и Кутузов деятельно готовился к этому. В первый же день пребы-

„Мир во что бы то ни стало“
(С картины худ. Верещагин.)

вания в Тарутинском лагере он затребовал для армии полушубки, обозы с провиантом, сюда же приказал направлять партии рекрут. Он накапливал силы для решающего удара и каждый день отдыха войскам отстаивал с величайшим для себя риском в борьбе с царем и Беннигсеном. Сдав Москву, он мужественно и просто написал об этом царю и больше не вступал ни в какие объяснения, уверенный в том, что каждый день пребывания Наполеона в Москве ослабляет французскую армию, что Наполеон не усидит в Москве, а вынужден будет бежать не только из Москвы, но и из России. Когда же ему окончательно досадили советами и упреками, что бездействие русской армии беспокоит царя и Россию, он резко и в последний раз объяснил:

— Дело надо вести к тому, чтобы спасти Россию, а не к тому, чтобы ее успокоить.

Уверенность полководца в правильности избранного им пути опиралась на гениальный стратегический анализ обстановки, сложившейся в Европе, в Москве, Петербурге и де-

ревнях. Кутузов учел психологию военачальника враждебной армии и свой опыт борьбы с ним под Браунау, Аустерлицем, Бородиным.

Уверенность Кутузова в правильности избранного пути покоилась на вере в свою армию, в свой народ, который поднялся на борьбу. В Тарутинский лагерь прибывали сотни людей, но с разными целями шли они к Кутузову и по-разному участвовали в войне 1812 года. Шли иногда просто убедиться, что русская армия существует и может продолжать войну, ибо после сдачи Москвы и распространения панических слухов из Петербурга многим казалось, что все погибло. В Тарутинно нахлынули купцы, развернувшие бойкую торговлю. Прибыло духовенство благословлять русское оружие и предавать анафеме Наполеона. Приехали помещики, чтобы потребовать, если удастся, возмещения убытков за разоренные войной имения, и пришли крестьяне за оружием для борьбы с врагами родины.

Дворянство кричало о патриотизме, о любви к отечеству, а на деле это сводилось к тому, как пишет современник, что «гостинные наполнялись патриотами — кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто отказался от лафита и принялся за русские щи; заговорили о Минине и Пожарском, стали проповедовать народную войну, сами, однако, собираясь на долгих отправиться в дальние саратовские деревни... Кричали о народном ополчении и сдавали в армию людей пожилых, с телесными недостатками, плохого поведения».

• Эти «патриоты» говорили о жертвах и требовали возместить убытки за вытоптаннный урожай и за разлетевшихся при пожаре Москвы канареек, за убитых крепостных и разбитые четыре кувшина сливок, за серебряные оклады с икон и пропавшие при бегстве из Москвы чулки и шемизетки.

Не дворянство решало исход битв и не купечество, «сдиравшее за ружье 80 рублей вместо 15, за саблю — 40 рублей вместо 6». Сам Ростовчин писал, что «всяк, бежавший из Москвы купец, беглый поп и малодушный дворянин, почитает себя героем». Не они были героями, не они вели народную войну. Только часть дворянства, та, из которой вышли декабристы, ходила в героические атаки на Бородинском поле.

Шестнадцатилетним мальчиком будущий знаменитый декабрист Муравьев скрылся из дому, чтобы участвовать в борьбе с французами.

«...Пойти парламентаром, чтобы всадить Наполеону в бок кинжал», — стремился будущий декабрист Лунин.

На вопрос царя, каков «дух народный», будущий декабрист Волконский отвечал:

— Каждый крестьянин — герой, преданный отечеству и вам.

— А дворянство?

— Стыжусь, что принадлежу к нему, было много слов, а на деле ничего...

Не царю был предан русский крестьянин. Устами одного дворца Курской губернии, осужденного синодом к вырыванию ноздрей, палочным ударам и каторге за слова: «Государь проспал Москву и всю Россию», крестьянин сказал, кому он предан. Он был предан своей родине, разоряемой вторгнувшимися завоевателями. За родину он поднялся на борьбу с ними, убедившись, что долгожданной свободы не несет и Наполеон; наоборот, он вооруженной силой поддерживает помещиков против крестьян.

Наполеон вел захватническую, грабительскую войну, он не только штыками поддерживал крепостнический гнет, но покушался на национальную независимость русского народа, нес русскому народу бедствия и разорение.

В. И. Ленин писал, что «...войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контр-революционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона»¹.

Вот на эту национально-освободительную отечественную войну и поднялся русский народ, мужественно и беззаветно защищая свое отечество, добровольно пополняя армию новыми тысячами рекрут, вливавшихся в героические кутузовские полки. Из далеких донских степей в Тарутино пришли 26 казачьих полков, шли все новые и новые рекрутские пополнения.

Кутузова часто можно было видеть окруженным тысячной толпой крестьян, с которыми он вел беседы, указывал, как вести партизанскую борьбу.

В те дни Крылов написал свою басню «Волк на псарне». Знаменитый библиописец волком изобразил Наполеона, а ловчим — Кутузова.

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 181.

Однажды перед собравшимися крестьянами Кутузов прочел эту басню и, читая последние слова: «Ты сер, а я, приятель, сед...», снял фуражку, открывая свои седины. Могучее «ура» прокатилось над тарутинским полем. Каждый понял, какого волка зовет их травить старый испытанный ловчий. Партизанские отряды кутузовской армии не давали покоя французам. Располагавшиеся в деревнях резервные партии просыпались в подоженных домах и, выбегая, гибли под ударами партизан. Крупные части наталкивались на разобранные мосты и заваленные дороги, конвой почти никогда не спасал обозы от захвата. Огромную роль в партизанской борьбе играли отряды Давыдова, Фигнера, Сеславина, Дорохова, Кудашева и другие, выделенные из кавалерийских и казачьих частей кутузовской армии, но не меньшую роль играли и партизанские отряды, которыми командовали выдвинутые крестьянами руководители.

Вот Герасим Курин, избранный вождем партизан Вохтинской волости, организовавший отряд крестьян, участвовавший с ним в серьезных сражениях. История сохранила имя старостихи Василисы, партизанившей в Сычевском уезде.

Талантливейшим организатором и командиром оказался рядовой Киевского драгунского полка Четвертаков. Крепостной помещика Черниговской губернии, он был сдан в солдаты в 1804 году. Не выдержав каторжных условий солдатской жизни, он бежал, был пойман, жестоко наказан розгами, опять собирался бежать, но началась война 1805 года, затем войны 1806—1809 годов, в которых он выказывал замечательную храбрость, и, наконец, война 1812 года. В арьергардном бою под Гжатском Четвертаков был ранен, взят в плен, выздоровел, бежал из плена и начал беспощадную партизанскую борьбу на территории, занятой французами.

Сначала за ним пошел только один крестьянин. Хитростью они захватили в плен двух конных французов. Вооружившись, убили еще нескольких. Скоро отряд Четвертакова вырос до 47, а затем до 150 человек, и, наконец, весь район поднялся под его руководством, очищая деревни от захватчиков. Во всех волостях Четвертаков установил замечательный порядок, который поддерживался самими крестьянами. Все входившие в его отряд проходили специальную военную подготовку. Отнятые у пленных кирасы служили мишенями, на отбитых у французов коней он посадил партизан, создал кавалерийский отряд. В конце войны отряд Четвертакова соединился с регулярными частями.

Много было народных героев, подобных Курину, Четвер-

такову, чьи храбрость и талант во многом содействовали успеху войны.

Кутузов в гигантском масштабе объединил усилия войск с усилиями партизан и вел их к одной цели — к спасению России.

Удары армейских и крестьянских партизанских отрядов имели огромное стратегическое значение. Самые скромные подсчеты показывают, что за время пребывания в Москве французская армия потеряла свыше 30 000 убитыми и взятыми в плен, в то время как действовавшие в лесах партизаны почти не несли потерь.

Представим себе, что произошло бы, если бы Кутузов не совершил фланговый тарутинский маневр и не опирался бы на поддержку партизан, которых он обучал военному делу, действиями которых он руководил.

У Наполеона оставалась бы открытой возможность сообщения с Европой, и, сидя в Москве, он имел бы полную возможность продолжать черпать из покоренных стран людские резервы и продовольствие. Он и рассчитывал на это, устроив огромные магазины и склады в Данциге, Грауденце, Модлине, Варшаве, Вильно, Ковно, Витебске, Минске, Орше, Могилеве, Смоленске. Помимо резервов, которые могли выставить Франция и подвластные ей страны Европы, у Наполеона было под ружьем более семи корпусов, входивших в состав его армии. Они действовали на петербургском и украинском направлениях, находились в Польше, но большая часть их могла быть в Москве. Однако стратегия Кутузова сковала Наполеона и не дала ему возможности воспользоваться ни запасами, ни резервами. По оценке Клаузевица, находясь в Москве, французская армия, загнанная острым клином на 120 миль в глубь России, имевшая справа армию Кутузова в 110 тыс. солдат, оказалась к тому же окруженной вооруженным народом и не могла продержаться в Москве.

Этого Наполеон не предвидел. Он не только недооценил силу русских людей, но и не понял характера русского народа, не понял, что Россия непобедима, когда на ее защиту поднимается народ.

— Напрасно вы надеетесь на своих солдат, — говорил он русскому послу. — До Аустерлица они считали себя непобедимыми, теперь они заранее уверены, что мои войска побьют их. У вас не станет людей, где вы наберете рекрут?.. Да и что значит ваш рекрут? Сколько времени нужно, чтобы из него сделать солдата!!

Наполеон не знал, что в петербургском ополчении крестьяне требовали, чтобы их учили воевать не только днем, но

и ночью, используя свет белых ночей. И это ополчение громило отличные баварские войска и взяло Полоцк.

В трагические для Наполеона часы под Малоярославцем, убеждая его отступать, маршал Бесьер говорил:

— Разве не видели мы того неистовства, с которым русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?

То, чего не предвидел Наполеон, предвидел Кутузов; своим фланговым маневром он лишил противника резервов из Европы, к Кутузову же из глубины России шли могучие резервы. Ополчения тульское, рязанское, калужское, владимирское, смоленское, московское составили армию в 200 тысяч человек, прикрывали рубеж реки Оки, окружили Москву, дрались всюду, где представлялась возможность.

Кутузов вооружал крестьян, несмотря на сопротивление помещиков. Помещики попрежнему были против вооружения крестьян, и классовая борьба не прекращалась. Об этом свидетельствует восстание рекрут в Пензенской губернии, решивших побить французов и освободиться от крепостного права; об этом свидетельствует расстрел Бенкенлорфом крестьян, занявших брошенное помещиком имение. Неофициально, но с молчаливого согласия императора крестьянам при призыве их в ополчение было обещано освобождение, как награда за патриотизм.

Крестьяне брались за оружие часто вопреки воле помещика, и их наказывали за уход в армию, как за побег, о чем говорит, например, следующий документ: «Явившийся сего числа в присутствие для записи в ратники помещика Павла Бельского дворовый человек Евтих Михеев, как в отношении г. губернского предводителя обозначено, таковых людей без воли помещика не определять, то посему оный для поступления за побег по законам при сем к вам препровождается».

В этих условиях Кутузов писал царю, что он не только не удерживал населения от вооружения, «но, напротив того, посредством дежурного при мне генерала Коновницына усиливал желания сии и снабжал их неприятельскими ружьями. Таким образом, жители получали ружья из главного моего дежурства».

Крестьяне объединялись, давали общую присягу не выдавать друг друга, жестоко наказывать трусов и шли к штабу Кутузова.

В подмосковные леса, на дороги, ведущие к древней столице России, выходили партизанские отряды, деятельность которых направлял Кутузов.

«По приказанию его светлости, — гласил приказ из штаба Кутузова генералу Орлову-Денисову, — назначается Вашему сиятельству отряд легких войск, с коими вместе Вы отправитесь на новую Калужскую дорогу, откуда, делая нападения на Можайскую и, если возможно, на Рязанскую дороги, стараясь причинить всякого рода вред неприятелю, наиболее иметь в виду сожжение артиллерийских парков, которые к нему от Можайска идут. Не нужно упоминать Вам, сколь деятелен и решителен должен быть партизан, и для того, имея в виду какое-нибудь отважное предприятие, имеете Вы действовать по соответственному усмотрению. Рапорты Ваши имеете Вы посылать как можно чаще, пленных же, если возможно, — под прикрытием некоторых казаков и вооруженных мужиков. Его светлость особенным удовольствием поставит себе отличать тех, коих Ваше сиятельство представите. Ибо Вы отрядом Вашим можете большой вред учинить неприятелю».

Гвардии капитану Сеславиному Кутузов приказывает действовать по дороге от Боровска к Москве на фланг и тыл неприятеля, взаимодействуя с соседним отрядом капитана Фигнера. «Отобранным от неприятеля оружием, — подтверждает Кутузов, — вооружить мужиков, отчего Ваш отряд весьма усилиться может. Мужиков ободрять подвигами, которые оказали в других местах...»

Сеславин обнаружил движение Наполеона из Москвы на Калугу и донес Кутузову. Партизана Дорохова, попавшего в окружение, Кутузов учит, что «партизан никогда в сие положение притти не может, ибо обязанность его есть столько времени на одном месте оставаться, сколько нужно для накормления людей и лошадей, марши должен летучий отряд партизан делать скрытные, по малым дорогам. Пришедши к какому-нибудь селению, никого из оного не выпускать, да не можно было дать об нем известие. Днем скрываться в лесах или низменных местах. Словом, партизан должен быть решителен, быстр и неутомим».

Видя огромный патриотический подъем в народе, чувствуя поддержку народную, Кутузов писал: «Но какой полководец не поражал врагов подобно мне с сим мужественным народом. Я счастлив, предводительствуя русскими». А много лет спустя после войны один из сподвижников Наполеона написал о русских людях вещие слова: «Товарищи, воздадим им должное! Они все принесли в жертву без колебаний! Их доброе имя сохранилось во всем величии и чистоте. Когда во все слои их общества проникнет цивилиза-

дня, этот великий народ создаст великую эпоху и овладеет скипетром славы».

Приведенный в действие гениальный стратегический план Кутузова оправдал себя. Силы русской армии росли. Наступил момент, когда от обороны можно было перейти в решающее наступление. В новые бои повел Кутузов свою армию, которая, помимо партизан и ополчения, насчитывала 97 000 солдат при 622 орудиях.

Глава VI

Темной осенней ночью по грязи и лужам мчался с конвоем казаков штаб-офицер Бологовский. Он загнал одного коня, пересел на другого, карьером поскакал дальше и в час ночи был у штаба Кутузова в Леташевке. В штабе, кроме дежурного адъютанта, все спали. Бологовский, как и все в армии, знал, что двери избы дежурного генерала Коновницына всегда открыты и каждому прибывшему с любым донесением разрешено самим Коновницыным будить его. А донесение, которое привез Бологовский, определяло дальнейшие судьбы войны. Генерал Дохтуров, которого Кутузов выдвинул в направлении Москвы, сообщал, что партизан Сеславин, укрывшись в лесу, «видел Наполеона со всею его свитою, а также французскую гвардию и другие войска в значительном числе». Пропустив их мимо своего отряда, Сеславин захватил нескольких отставших гвардейцев и привез с собою как явное доказательство присутствия самого Наполеона. Один из пленных, расторопный унтер-офицер, показал следующее: «Уже прошло четыре дня, как мы вышли из Москвы. Маршал Мортье с особым отрядом оставлен в Москве и, взорвав кремлевские стены, присоединится к армии. Дальнейшее направление нашей армии — на Малоярославец...»

Коновницын немедленно пошел с донесением к Кутузову, и вскоре к нему вызвали Бологовского. Михаил Илларионович сидел на кровати.

— Расскажи, друг мой, — встретил он Бологовского, — что такое за событие, о котором весть привез ты мне? Неужели в самом деле Наполеон оставил Москву и отступает? Говори скорее, не томи сердце, оно дрожит.

Бологовский повторил рассказ. Михаил Илларионович всхлипнул, стал коленями на кровать, повернулся к иконе и тихо произнес:

— Боже, создатель мой! Наконец ты внял молитве нашей, и с сей минуты Россия спасена...

Терпение и выдержка русского полководца победили,

расчет его оказался верным: Наполеон бежит. А он преградит Наполеону путь, загородит ему обе дороги, ведущие на Калугу, где сосредоточены огромные запасы русской армии и откуда пути ведут в «полуденные», «не разоренные войной губернии России». Это лишит Наполеона единственной возможности спасти свою армию, возможности, к которой действительно рвался в те дни Наполеон.

Теперь в кутузовском штабе уже незаметно медлительности. Главнокомандующий работает с большим напряжением, энергией. Главным силам приказано быть готовыми к выступлению. К дорогам на Калугу стянуты партизанские отряды, в местах переправ наводятся мосты.

Войска ревностно выполняют приказы Кутузова, их ничто не останавливает, им помогает население. Когда Дохтурову пришлось переправляться через глубокую речку Протву, крестьяне разобрали свои избы, свили из проложенной в стенах пакли веревки, связали ими мостки, по которым переправился весь корпус Дохтурова, направлявшийся к Малоярославцу.

Данные разведки окончательно подтвердили, что туда же ведет свою армию и Наполеон. Кутузов оставил Тарутинский лагерь и с главными силами двинулся Наполеону навстречу.

День и ночь шли русские полки. К рассвету они были уже в пяти верстах от Малоярославца, высившегося на крутом берегу реки Лужи, притока реки Москвы.

На узких улицах городка, в садах и оврагах шел уже бой — это Дохтуров столкнулся с Евгением Богарнэ.

Кутузов долго не вводил в бой главные силы, затем фельдмаршал сам выехал к полю сражения. Кругом свистели пули, катились ядра. Генералы указывали Кутузову на смертельную опасность, но Михаил Илларионович оставался равнодушным к предупреждениям. Разобравшись в обстановке, он тихо сказал Коновницыну:

— Ты знаешь, как я берегу тебя и всегда прошу не кидаться в огонь, а сегодня прошу — очисти город...

Коновницын устремился в бой, за ним Кутузов двинул корпус Раевского. Французов выбили из города. Но к Богарнэ подошли главные силы французской армии. Наполеон бросил их в бой. Сражение разгорелось с новой силой и длилось восемнадцать часов. Восемь раз Малоярославец переходил из рук в руки и в конце концов остался за французами, но при первой их попытке пробраться из города на Калужскую дорогу они были отброшены артиллерийским огнем.

Наступила ночь. Бой прекратился, и тишину нарушали лишь редкая перестрелка на окраинах и крики раненых,

оставленных на улицах горевшего города и погибавших в огне. Зарево пожара освещало окрестности Малоярославца.

Отдав все распоряжения, Кутузов спокойно уснул на разостланной бурке в лесу под открытым небом.

Несмотря на глубокую ночь, Наполеон не спал. Ему донесли, что позиция русских за оврагом неприступна. Французский император сидел в заброшенной избе деревушки Городни, недалеко от Малоярославца, опершись на стол, закрыв лицо руками и не глядя на лежавшую перед ним карту России.

Вокруг, молчаливые и неподвижные, стояли маршалы. Они ждали приказа императора. Наконец он заговорил. Ни к кому не обращаясь, ни у кого не спрашивая, он, словно не замечая присутствующих, разговаривал сам с собой:

— Прибытие князя Кутузова изменило обстановку. Неприятель стал на боевую позицию. Мы нападём на него, сражение неизбежно. Должны ли мы дать сражение при настоящем положении дела?

Он посмотрел на карту: дороги тянулись на Калугу и на Можайск. На первой ждал Кутузов, на второй — позор отступления. По какой итти?

Наполеон умолк. В тревожной тишине медленно тянулось время. Наконец Наполеон встал и, не выслушав мнения маршалов, не сказав им своего решения, мановением руки отпустил их.

Всю эту ночь провел Наполеон без сна. Трудно было великому полководцу впервые в жизни принимать решение — бежать от противника.

Стало светать. Наполеон со свитой опять выехал на рекогносцировку, во время которой на них налетел казачий разъезд, и только случайность спасла Наполеона от плена или казачьей пики. Это потрясло Наполеона. Вернувшись в штаб, он потребовал у своего врача яду, очевидно, чтобы отравиться, если не удастся избежать плена.

В 10 часов утра под охраной конвоя Наполеон все же опять выехал на осмотр позиций русской армии. Он не мог еще примириться с мыслью, что должен отступить.

Но грозная и непобедимая, на неприступной позиции стояла армия Кутузова, армия, которую он знал по Аустерлицу, Прейсиш-Эйлау, Бородину, Малоярославцу, и понял Наполеон, что почетного выхода у него нет. Оставался позорный выход — бежать по разоренной Смоленской дороге.

Французская армия получила приказ отступить. Впереди своей гвардии на разоренную Смоленскую дорогу вступил Наполеон. Начиналось бегство.

Гибель разбитой французской армии

«Мог бы я гордиться, что от меня первого бежит Наполеон, — писал Кутузов жене, — но бог смиряет гордыню».

Через пятьдесят два дня после Бородинского сражения Наполеон со своей армией опять подошел к Бородину.

Вся земля была усеяна десятками тысяч трупов, растерзанных хищниками и псами. Потрясенные ужасным зрелищем, проходили по полю солдаты французской армии. Они стремились скорее уйти с этого огромного кладбища без могил.

Солдаты уходили все дальше, но каждый из них, как никогда раньше, понимал, что все жертвы были напрасны. России победить не удалось, а их ждет участь товарищей, чьи изуродованные трупы видели они на Бородинском поле. Смерть следует за плечами, идет сбоку, стоит впереди, заглядывая в глаза. Сзади наседали казаки Платова, на фланге двигалась вся русская армия, впереди ждали голод и зимняя стужа.

В армии Наполеона, шедшей в Россию побеждать «русских варваров», установились звериные отношения между людьми, она сама стала скопищем настоящих варваров. Армия стала распадаться. Солдаты перестали подчиняться офицерам потому что поняли, что гибнут они за чужие интересы, а офицеры бросили на произвол голодных солдат, оберегая лишь имущество, награбленное в Москве. Французская гвардия грабила вестфальские части, отнимая у них провиант, между французами и пруссаками, между итальянцами и поляками, между солдатами десятков национальностей возникали смертные побоища из-за хлеба, из-за теплых вещей, за место у ночного костра. Ночью обкрадывали друг друга, уводили друг у друга коней, раздевали и забирали одежду умирающих, убивали, отнимая кусок хлеба.

Отступавшая армия проходила мимо находившегося у Бородина Колоцкого монастыря, обращенного в лазарет. Узнав об отступлении своей армии, раненые выползали на дорогу, умоляя взять их с собой. Наполеон не выдержал и, хотя сам приказал оставить в Москве тысячи больных, разрешил забрать раненых из Колоцкого монастыря, положив по одному на каждую обозную повозку и на экипажи, груженные награбленными вещами.

Но ночью, когда Наполеон уехал вперед, обозники, интенданты стали сбрасывать в грязь под колеса и копыта коней участников Бородинского сражения. Дикие крики, мольбы и проклятия людей, оставленных на мучительную смерть от холода, голода, на растерзание волков и собак, неслись вслед убежавшей французской армии. Наполеон, находясь в авангарде, сделал вид, что не знает того, что творится позади.

Он сам еще под Москвой не смог проехать сквозь обозы с награбленными вещами, которые тянулись на 35 верст. Но уничтожить их не решился, боясь прямого неповиновения.

Знал Наполеон, что по его же приказу в тылу творится еще одно страшное злодеяние, возмутившее даже маршалов. Пленных русских солдат, которых вели из самой Москвы, изнуренных, полуодетых, приказано было убивать, если они отставали больше чем на 50 шагов. Их никто не кормил, силы покидали их с каждым днем, они шли все медленней, затем отставали на шаг, два... пять... десять... Многие, заведев деревню, тянулись к ней, чтобы не умереть в открытом поле. Друзья приходили им на помощь, вели ослабевших под руки, но силы иссякали, друзья прощались и уходили не оглядываясь, потому что к отставшему подходил конвойный и убивал его. Отставших становилось все больше, выстрелы раздавались все чаще, а затем из экономии патронов отставших стали закалывать штыками или разбивали им головы прикладами.

Французская армия оставляла за собой вереницу трупов русских людей, и это еще больше усиливало непримиримую ненависть к врагу у преследовавших неприятеля солдат и казаков.

С невиданной стремительностью и смелостью они вели преследование. Первая же попытка арьергарда под командованием Даву задержать преследующих стоила ему многих потерь людьми, орудиями и знаменами.

Если русская армия в столь же тяжелых условиях осени, голода, обреченности, имея против себя вчетверо сильнейшего противника, совершила марш-отход Браунау—Цнайм, если она с успехом отошла под тройным превосходством сил от Немана до Москвы, то многонациональная по своему составу, разложившаяся армия, пришедшая с захватническими целями, оказалась неспособной выдержать трудности своего отступления. Каждый обрыв, ручей, мост, река, где скоплялись, задерживая и давя друг друга, разные части, обозы, артиллерия, пехота, стоил новых жертв. Каждый новый удар преследования ускорял гибель наполеоновской армии. К Смоленску у Наполеона из 100 000 солдат, вышедших из Москвы, осталось всего 40 000. Были попытки объяснить столь большие потери холодами и голодом. Теперь уже окончательно установлено, что осень стояла удивительно теплая и только под Смоленском начались холода. Голод начался потому, что Кутузов отбросил Наполеона на разоренную дорогу, но он усилился из-за развала, царившего в бегущей армии после ударов, полученных в бою.

Наконец, французская армия достигла Смоленска. Здесь Наполеон рассчитывал найти запасы провианта, дать армии отдых и привести ее в порядок. Но, узнав, что Кутузов начал параллельное преследование и грозит отрезать ему пути через Оршу, Наполеон, бросив Смоленск, продолжал отступление.

Расчетливо и уверенно вел Кутузов преследование.

«Думаю нанести Наполеону величайший вред параллельным преследованием и, наконец, действовать на его операционные пути, — писал Кутузов из-под Малоярославца. — Я приобретаю разные выгоды, — объяснял он: — 1) Кратчайшим путем достигаю Орши, если неприятель станет на нее отступать. Если же Наполеон обратится на Могилев, то пересеку ему туда совершенно путь. 2) Прикрываю край, откуда к армии приходят запасы».

Невероятные лишения и трудности несли и русские солдаты, преследуя врагов по снежным полям, в морозы и вьюги наступившей суровой зимы.

Кутузов обратился к солдатам с призывом:

«...После таких чрезвычайных успехов, одерживаемых нами ежедневно и повсюду над неприятелем, остается только быстро его преследовать, и тогда, может быть, земля русская, которую мечтал он поработить, усеется костями его. И так мы будем преследовать неутомимо. Настают зима, вьюги и морозы. Но вам ли бояться их, дети севера? Железная грудь наша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов: она есть надежная стена отечества, о которую всё сокрушается. Вы будете уметь переносить кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостью и терпением, старые служивые дадут пример молодым. Пусть всякий помнит Суворова, который научил сносить холод и голод, когда дело шло о победе и о славе русского народа».

Но, требуя от солдат жертв, Кутузов сделал все возможное, чтобы облегчить их положение. «Главнокомандующий для сбережения войск приказал располагать их на кантонир-квартирах», — записал Толь приказ Кутузова. Армия была снабжена полушубками, хлебом, мясом и даже вином, но снабжение иногда отставало от стремительно преследующих, добивавших противника войск.

Под Красным произошло новое сражение, в котором Наполеон потерял 26 000 солдат и 216 орудий и бежал дальше.

Но даже и теперь Наполеон не хотел сознаться, что дело безнадежно.

Ему докладывали о массовом дезертирстве, и он приказал беспощадно расстреливать за малейшую отлучку из части. Но ничего не помогало, и армия продолжала таять.

Погибла вся кавалерия. Из отдельных всадников Наполеон образовал особый эскадрон и назвал его священным, но и это не спасло последних кавалеристов от гибели. Новые удары партизан и казаков, стужа и голод разрушали армию. Она превратилась в скопище людей, над которыми Наполеон потерял управление.

— Больше десяти градусов мороза, а я не могу найти на месте ни одного генерала, — жаловался Наполеон. Он еще не знает, что десятки офицеров, не только итальянцев, немцев, но и французов, перебегают к русским и просят взять их на русскую службу, он не предвидит, что после Березины его любимец Мюрат будет жалеть о том, что своевременно не проданся Англии.

Наполеон приказывает во всех частях бить в барабаны, собрать всех отставших и разбежавшихся и вести к Орше. Но никто не собирается, а, наоборот, заслышав бой барабанов, дезертиры разбегаются еще дальше. Тогда он объявляет, что будут выдавать пищу, но мародеров и это не манит.

Кругом брели люди разноплеменной Европы, их ничто не сплывало, и они превращались в зверей. Они собирались у костров и, чувствуя смертельный холод, тянулись к огню. Иногда пламя охватывало чью-нибудь голову, но потушить огонь не было сил, и живой человек на глазах у других падал в костер. Его товарищи оставались у потухших костров, не имея сил подняться.

Наконец Наполеон решается сделать то, что следовало было сделать еще под Москвой, — сжечь все повозки с награбленным, а лошадей отдать в артиллерию, спасти пушки. Но конидохнут, и по всей дороге тянутся их трупы, брошенные орудия, ломаные повозки, взорванные зарядные ящики, и всюду, всюду мертвые люди. О них уже никто не говорит, только аккуратный Бертье продолжает собирать сухие рапорты командиров полков, но и он в конце концов бросает свою канцелярию, теряет маршальский жезл.

«...Стаи воронов поднимались над нами с зловещим криком, собаки следовали за нами с самой Москвы, питаюсь нашими кровавыми останками, — писал французский офицер Лабом. — То, что не поедает хищники, вороны и псы, покрывает зима».

Вьюга наметала над трупами белые холмики снега, и большая Смоленская дорога стала длинным кладбищем армии Наполеона.

С остатками своей армии Наполеон устремился к Березине. За Березиной Наполеон мог считать себя вне опасности.

Он узнал, что Чичагов в это время, действуя на южном направлении, занимает западный берег Березины, генерал Витгенштейн с корпусом движется с севера, а Кутузов приближается с востока.

Чичагов захватил переправы у Борисова, но южнее Борисова оставалась еще одна переправа. Наполеон, сделав вид, что переправляется там, нашел брод и стал переправляться севернее Борисова, у Студянки.

Искусный обман, военная хитрость — первая причина березинской удачи Наполеона. В конце концов Чичагов разобрался в обмане, имел возможность вступить в бой, но не решился. Нерешительность Чичагова — вторая причина, которая помогла Наполеону избежать окончательной катастрофы. Третьей важнейшей причиной считают медлительность Кутузова, который в нужный момент не поспел к Березине. Кутузов не форсировал марша своих главных сил, так как считал, что сил Чичагова и Витгенштейна вполне достаточно, чтобы захватить Наполеона, тем более что в авангарде у Кутузова шли казаки и Ермолов, который сильнее, чем кто-нибудь другой в русской армии, стремился захватить в плен самого Наполеона. Отпуская его, Кутузов говорил:

— Голубчик, будь осторожен, избегай случаев, где ты можешь понести потерю в людях.

«Ручаясь за точность исполнения, — вспоминает Ермолов, — я перекрестился, но должен признаться, что тогда же решил поступать иначе...»

Кутузов не форсировал марша и без того изнуренной армии, видя, по его собственным словам, что «все развалится без меня» и нужно беречь солдат. Он видел, что борьба прекратится за отсутствием противника и нужно побеждать малой кровью, нужно беречь армию еще потому, чтобы не стать после войны игрушкой в руках сохранивших свои армии Пруссии, Австрии, Англии. «Неприятели все равно пропадут, а если мы потеряем много людей, то с чем придем на границу? Не притти же нам на границу, как толпа бродяг». Стремление к победе малой кровью, стремление сберечь армию, чтобы быть сильным в результате победы над Наполеоном, а не истощать свои силы, красной нитью проходит через все планы Кутузова, и он удерживает своих генералов от форсирования и без того крайне напряженных маршей. О том, насколько напряженными были эти марши, свидетельствует нам участник войны 1812 года и величайший военный авторитет — Клаузевиц.

«Никогда, — пишет он, — преследование неприятеля в большом масштабе не велось так энергично и с таким напряжением сил, как в эту кампанию. В ноябре и декабре после крайне тяжелой, напряженной кампании, среди снегов и льдов России, то по плохим проселочным дорогам, то по совершенно опустошенной большой дороге, при крупнейших продовольственных затруднениях преследовать бегущего неприятеля на расстоянии 120 миль в течение 50 дней представляет собой, пожалуй, нечто беспримерное. Чтобы вкратце очертить огромный масштаб требовавшегося напряжения, достаточно будет указать на то, что главная русская армия, выступившая из Тарутина в числе 110 000 человек, дошла до Вильно в составе 40 000. Остальные 70 000 остались позади.

Представим себе зиму со всей ее суровостью, подорванные физические и моральные силы всех бойцов, армию, непрерывно переходящую с одного бивуака на другой, подвергающуюся лишениям.

Кутузов видел, что нелегко будет довести до границы сколько-нибудь значительные силы, но что успех кампании будет во всяком случае колоссальный; с глубокой проницательностью предугадывал он полное уничтожение противника».

Ежедневно Кутузов объезжал бивуаки и однажды после успешных боев появился перед стоянкой Семеновского полка. За ним ехали генералы, и гвардейцы везли трофейные знамена.

— Здравствуйте, молодцы-семеновцы! — закричал Кутузов. — Поздравляю вас с новой победой над неприятелем. Вот и гостинцы везу вам! Эй, кирасиры, нагните орлы пониже. Пускай кланяются молодцам. Матвей Иванович Платов доносит мне, что сегодня взял 115 пушек и 15 генералов. Вот, братцы, пушки пересчитать можно на месте, да и тут не поверят: в Питере скажут — хвастают.

Он подъехал к палатке командира полка и слез с коня. Кирасиры также сошли с коней, стали в круг, и трофейные знамена образовали шатер над головой Кутузова. Кто-то из офицеров на одном знамени прочел:

— За победу под Аустерлицем.

— Что там? — спросил Кутузов. — Аустерлиц? Да, правда, — продолжал он, — жарко было и под Аустерлицем. Но умываю руки мои перед всем войском: неповинны они в крови аустерлицкой. Вот хотя бы и теперь, к слову, не далее как вчера я получил выговор за то, что капитанам гвардейских полков за Бородинское сражение дал бриллиантовые

кресты и награду. Правда, и в этом я без вины виноват. Но ежели по совести разобрать, то теперь не только старый солдат, а последний ратник столько заслужил, что осыпь их алмазами, и то они все еще не будут достаточно награждены.

Полк двинулся мимо Кутузова, и крики «ура» перекатывались от батальона к батальону.

— Ура спасителю России! — кричали солдаты.

Кутузов стал на лавку и закричал:

— Полноте, друзья, полноте! Что вы! Не мне эта честь, а слава русскому солдату. — И, бросив вверх шапку, возвысив голос, закричал: — Ура, ура, ура русскому солдату!

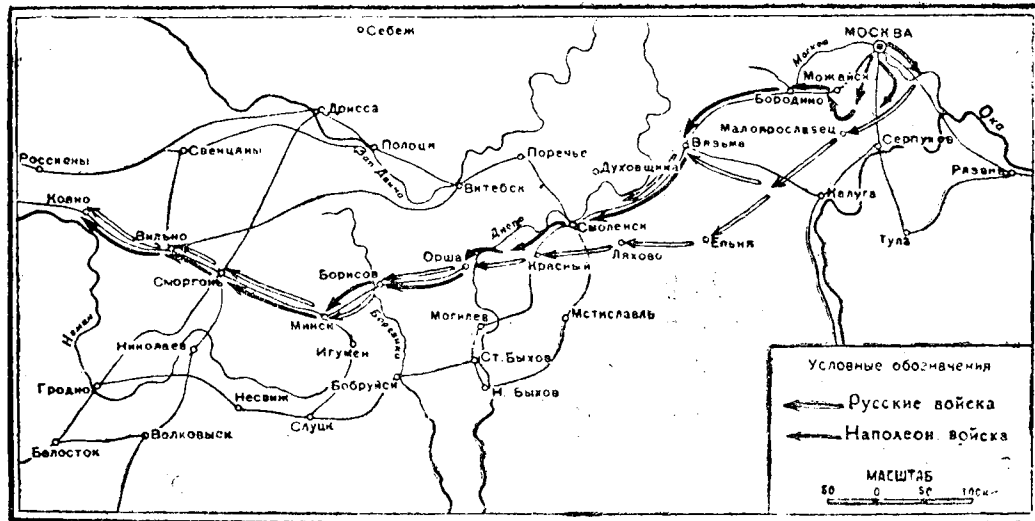
Через шесть месяцев после того, как Наполеон появился на берегу Немана и ввел в Россию корпуса своей полумиллионной армии, он с тысячей уцелевших солдат из тех, что пошли за ним в глубь России к Москве, покидал другой берег — болотистый берег реки Березины. Остальные, кто уцелел в пути и достиг Березины, остались на ее восточном берегу в руках казаков, потому что Наполеон, перейдя реку, приказал, не заботясь о войсках, сжечь переправу, чтобы русские не могли продолжать преследование. На территории Польши, в Сморгони, он бросил толпу одичавших людей, — все, что осталось от его армии, и сказал маршалам, что уезжает в Париж. Маршалы упрекали его, что он покидает их в тяжелую минуту, но император, возразив, что самое трудное позади, а гибель армии не так уж страшна, так как в ее составе было большинство солдат не французской национальности, сел в кибитку и двинулся инкогнито через Варшаву во Францию.

В пути он вынужден был задержаться: ему приходилось браться на почтовых станциях, где не давали перекладных.

Через шесть месяцев после Дрездена, где Наполеон, окруженный королями и министрами Европы, мечтал о власти над всем миром, он остановил полуразрушенный экипаж у варшавского предместья — Праги — и, надвинув на глаза меховую шапку, пешком пробрался в захудалую варшавскую гостиницу.

В холодном номере с замерзшими стеклами окон, задержанных занавесками, он ждал своего посла в Варшаве — аббата Прадта. Неопрятная, заспанная служанка не умела раздуть в камине огонь, комната наполнялась едким дымом. Не было даже вина, чтобы согреться. «От великого до смешного один шаг», — говорил когда-то Наполеон. Этого смешного он боялся больше всего на свете, и первое, что спросил он у Прадта, было:

— Не узнали меня на улицах Варшавы?

Изгнание армии Наполеона из России

Страшась положения, в котором он очутился, он спрашивал у Прадта, что говорят о нем в Европе, как ведут себя Польша и Пруссия. Минутами ему казалось, что еще можно все спасти, он требовал у Прадта «дать ему 10 000 польских казаков», и он остановит Кутузова. Прадт ответил, что это невозможно, вновь сформированные польские батальоны немедленно кладут оружие при одном виде русских казаков. Наполеон снова впадал в тяжелое раздумье.

На вопрос Прадта, где великая армия, он ответил:
— Великой армии больше нет.

Но и здесь не хотел Наполеон признать себя побежденным. Он говорил, что всюду побеждал Кутузова, объяснял свои неудачи холодной зимой и утешался тем, что полководец, одержавший великие победы, должен испытать и большие неудачи.

И только через несколько лет, на острове Святой Елены, когда было много времени подумать о минувшем, Наполеон высказал иную причину своего поражения в России. Он говорил о силе русских солдат, их воле и бесстрашии. Это упорство в борьбе и бесстрашие и явились причиной его поражения.

— Нельзя не содрогаться, — говорил Наполеон, — при мысли о такой громаде, которую невозможно атаковать ни с боков, ни с тыла, тогда как она безнаказанно наступает на вас, наводняя все в случае победы или же отступая в глубь льдов, в недра смерти и печали. Не это ли мифический Антей, с которым нельзя справиться иначе, как схватив его тело и задушив в объятиях? Но где найти Геркулеса? Право претендовать на это принадлежало только нам, и мы попробовали, но, нужно признаться, взялись неловко.

В результате такой попытки гигантская империя Наполеона, охватившая 130 департаментов, выросшая за 20 лет с 24 до 75 миллионов населения, империя, провинциальными городами которой были Гамбург и Кельн, Амстердам и Брюссель, Рим,—империя, подчинившая себе почти всю Европу, рушилась на глазах своего повелителя.

История показала, что Наполеон потерпел сокрушительный разгром не только под ударами русской армии, русского народа, но и потому, что народ Франции отвернулся от императора. Французский народ, народы покоренных Наполеоном стран не хотели войны с Россией и не поддерживали захватнических стремлений Наполеона. Его не спасли ни гениальность, ни громадный опыт, ни подготовленность к за-

хватническим войнам его многочисленной армии, ибо полководец бессилен, он обречен на гибель, когда идет против воли народа.

И, наоборот, полководец непобедим, когда он выполняет волю народа и ведет свои войска в сражения во имя народных интересов, во имя защиты родины. Таким полководцем отечественной войны был Михаил Илларионович Кутузов.

Русская армия расположилась на отдых в Вильно. Точно «какая-то невидимая сила, — писал Кутузов жене, — перенесла меня в тот же дом, в котором я жил два года назад... 22-го августа застал я армию, скрывающуюся от неприятеля, а в декабре неприятель бежит с бедными остатками за границу...»

Всего три месяца потребовалось Кутузову, чтобы сокрушить Наполеона, и теперь, глядя из окон своего дома, как мимо него ведут последние партии пленных, полководец имел право сказать:

— Война окончилась за полным истреблением неприятеля.

Теперь, набравшись храбрости, в армию приехал царь Александр I. Кутузов встретил его с большими почестями, склонил к его ногам десятки трофейных знамен, а царь наградил полководца высшим боевым отличием русской армии — Георгием первой степени.

Оба они оставались непримиримыми врагами.

Царь признавался, что он наградил Кутузова вопреки своей воле. Но это была не первая награда, полученная Кутузовым вопреки воле царя.

Кутузов пришел в русскую армию небогатым, неродовитым, незаметным прапорщиком. Но за бои в Польше, за Кагул, за Ларгу, за поход Браунау—Цнайм получил ордена, награды и чин генерала; за победы над турками на Дунае, за бухарестский мир — графское и княжеское достоинства; чин фельдмаршала — за Бородино; титул — Смоленский — за преследование и разгром Наполеона. За полвека, проведенные в боях, полководец не нажил состояния и из Вильно продолжал посылать семье деньги на уплату долгов. Царь при первой возможности удалял его из армии, ссылал, но обойти боевыми наградами не посмел. Победы Кутузова, которые привели к полному пленению армии великого визиря, к полному истреблению армии Наполеона, прогремели на весь мир, упрочили за Кутузовым любовь русского народа, и царь вынужден был его награждать.

Кутузов видел, что царь образовал свою главную квартиру и, отнимая у него управление войсками, поведет их на

новое поражение. Кутузов сам повел русские войска в Европу.

Войскам читали приказ главнокомандующего.

«Заслужим благодарность иноземных народов, — писал Кутузов, — и заставим Европу с удивлением восклицать: непобедимо воинство русское в боях и подражаемо в великодушии и добродетелях мирных! Вот благородная цель, достойная воинов, будем же стремиться к ней, храбрые русские солдаты!»

Действия русской армии под командованием Кутузова в Пруссии — это цепь непрерывных побед и успехов. Ночной атакой был взят Кенигсберг, который оборонял маршал Макдональд. Сдалась без боя Варшава. Окруженная казаками, пала крепость Данциг. Пройдены Познань, Калиш, десятки других польских и немецких крепостей и городов.

Население Пруссии с восторгом встретило русские войска. Народ аплодировал Кутузову, раздавались приветственные крики: «Да здравствует великий старик!» Девушки бросали русским солдатам цветы.

Кутузов вел русскую армию все дальше и дальше, занял Силезию, овладел Лейпцигом, принял ключи крепости Торн. Это были последние его победы.

В Силезии, недалеко от прусского города Бунцлау, он вышел однажды из кареты и продолжал путь верхом. Стояла сырая, туманная погода. Шел снег. Кутузов простудился и слег.

От русских солдат скрывали его болезнь. С победами шли они вперед и вперед, а старый фельдмаршал впервые оставил в бою своих солдат и, изнуренный болезнью, тяжелыми походами, ранами, прикованный к постели, умирал в маленьком прусском городке.

Тревога охватила его близких. Молча, со слезами на глазах стояли у дверей его комнаты часовые — ветераны его походов. Прусский король прислал знаменитого врача Гуфеланда, но положение больного было безнадежно. С почтительным равнодушием Кутузова посетили придворные. В последние дни его жизни к нему приезжал Александр I. Лицемер и ханжа, травивший его все последнее десятилетие, теперь просил о прощении.

— Я, ваше величество, прощаю, но никогда не простит Россия, — ответил Михаил Илларионович.

28 апреля 1813 года Михаил Илларионович Кутузов умер. Тело его набальзамировали и отправили в Россию, а сердце похоронили недалеко от Бунцлау, на маленьком тихом кладбище у большой дороги из Силезии в Саксонию. Боевые

друзья великого фельдмаршала русского поставили там скромный памятник, мимо которого из России в Европу продолжали идти победоносные русские полки.

На площади тихого Бунцлау стоит обелиск, на нем написано:

«До сих мест полководец Кутузов довел победоносные войска российские, но здесь смерть положила предел славным делам его. Он спас отечество свое и открыл пути освобождения Европы. Да будет благословенна память героя».

Тело фельдмаршала Кутузова везли по дорогам России. На всем пути в скорбном молчании народ встречал траурную процессию.

Девять месяцев тому назад русские люди также выходили встречать Кутузова. Тогда он мчался к отступавшей русской армии, чтобы повести солдат в победные бои. Днем и ночью неслась его большая карета по пыльным дорогам, и всюду ждали Кутузова. В порыве любви и доверия к нему народ кричал «ура», матери протягивали к нему своих детей. От него, и только от него, ждал и требовал народ победы над Наполеоном. И русский полководец оправдал надежды своего народа. Он освободил Россию от иноземного нашествия и высоко поднял боевую славу русского народа. Жизнь его, прожитая в боях и походах, в походе и оборвалась. Теперь русские люди опускались на колени и склоняли головы перед траурной колесницей, которая везла на родину тело замечательного патриота. Тысячи мужчин и женщин, стариков и детей шли за гробом от села к селу, от города к городу:

В пяти верстах от Петербурга народ остановил колесницу, коней выпрягли и до Казанского собора люди, сменяя друг друга, на руках несли к могиле тело русского полководца.

Народ, ненавидевший царя, помещиков, угнетателей, отдавал последнюю почесть освободителю отечества и навеки сохранил его имя. Ибо имя полководца не умирает, если жизнь свою он до конца отдал родине.

Над могилой Кутузова склонились отбитые в сражениях трофейные знамена.

Русская армия с победными боями шла все дальше и дальше в глубь Европы. Она вступила в Германию и взяла Берлин, вступила во Францию и взяла Париж и показала всему миру могучую силу русского оружия.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I	3
Глава II	5
Глава III	10
Глава IV	14
Глава V	16
Глава VI	24
Глава VII	34

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I	40
Глава II	44
Глава III	54
Глава IV	76
Глава V	86
Глава VI	96

Редактор *Н. Фройнд*.

Сдано в набор 2/IV 1942 г. Подписано к печати 4/XI 1942 г. ЕО30791,
7 п. л. Тираж 25000. Цена 2 руб.

Набрано в типогр. изд-ва газ. „Красная звезда“, г. Куйбышев.

Отпечатано в типографии им. Мяги треста „Полиграфкнига“, ОГИЗ,
г. Куйбышев, ул. Венцека, 60. Заказ № 1150.

